К-Н-613
А628

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ, ПРЕДРАССУДКИ И ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, СУЕВѢРІЯ, ПРЕДРАЗСУДКИ И ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Собраны въ 1861 — 1888 годахъ.

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО И МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ, САРАТОВСКОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ И САРАТОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

А. Н. МИНХА.

УДОСТОЕНО ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ВЕЗОВРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

1890.

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ, ПРЕДРАССУДКИ И ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

СОБРАНЫ В 1861–1888 ГОДАХ

САРАТОВ
• 1994 •

ББК 635 (2Р 354 — 4Са)
М 74

РЕПРИНТНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЗДАНИЯ 1890 ГОДА

Книга издана по инициативе Саратовской областной научной библиотеки и областного методического центра культуры и творчества. Она явилась продолжением общей работы по популяризации фольклора, истории, культуры, этнографии Саратовского края. Изданная впервые более ста лет тому назад, книга стала библиографической редкостью. Подлинный экземпляр книги хранится в фонде Саратовской областной научной библиотеки.

Для специалистов в области истории, этнографии и фольклора, работников учреждений культуры и всех, кто интересуется историей края.

Автор вступительной статьи —
профессор Саратовского университета
В. К. АРХАНГЕЛЬСКАЯ.
Художник Е. И. БОЧАРОВ.

М 1805080000
176(02)—94

© А. Н. Миих, 1890
© В. К. Архангельская, 1994
© Саратовский областной методический центр культуры и творчества, 1994

ПАМЯТНИК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В экземпляр книги «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии» [1], подаренный Радищевскому музею, А. Н. Минх сделал две вклейки: своей фотографии и более двух страниц собственноручно написанного «Предисловия ко 2-му тому дополнений». Оно является ничем иным, как краткой автобиографией, с показом жизненных обстоятельств, неизменно ставивших А. Н. Минха в близкие отношения с народом.

«Почти всю жизнь провел я с нашим народом», — начинает А. Н. Минх свое «Предисловие». Детство прошло в еще крепостной деревне, принадлежавшей отцу. И далее идут сведения об участии в войне с Турцией, приблизившем молодого юнкера-добровольца к рядовым: «...как близки были мы с солдатами; как знали их жизнь, характер, нужду и радости; как часто, сидя у бивачных костров, слушаешь их разговоры и рассказы; сколько раз, бок о бок, приходилось видеть нашего солдата — и в темную, бурную ночь в цепи на аванпостах у Черного моря под Евпаторией, — и в бою под ядрами и пулями у Сак, Чеботарей... под бомбами и гранатами в Севастополе..; — и на отдыхе.., когда, после выпитой кружки, далеко несется по степи лихая эскадронная песня...» Видел их ранеными, а после войны вез солдат-георгиевских кавалеров в Петроград, чтобы «представить их государю». По окончании стрелковой офицерской школы инструктор А. Н. Минх «опять попал в самые близкие отношения с солдатами, обучая их грамоте, стрельбе и обращению с оружием... Открылась воля, и я был вызван в 1861 г. в свою губернию мировым посредником, а затем стал мировым судьею.

Прошло 36 лет сряду, в которые я, почти без промежутков, близко жил с русским простонародьем: воином и пахарем; нетрудно было, любя этот народ, посвятив себя той деятельности, которую я избрал, и как помещику, хорошо узнать в это долгое время русского человека, его качества и недостатки, его радости и горе, его понятия и заблуждения, вообще весь строй его жизни».

Эта запись сделана в марте 1890 г. в Полчаниновке, имение автора.

Александр Николаевич Минх (1833—1912) занимает почетное место среди собирателей фольклора Саратовского Поволжья

---

[1] Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: Собраны в 1861—1888 годах. — СПб., 1890. — 152 с. — (Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по отделению этнографии; Т. 19, в. 2). Экземпляр книги хранится в отделе редких книг Зональной Научной библиотеки Саратовского университета. В дальнейшем: «Народные обычаи...».

XIX в., таких как А. Ф. Леопольдов, Н. И. Костомаров и А. Н. Мордовцева, М. Е. Соколов.

Книга «Народные обычаи...» родилась не вдруг, она имеет свою, довольно длительную историю. Во Введении А. Н. Минх пишет, что многое из вошедшего в нее печаталось в двух томах «Саратовского сборника», в «Древностях» и в местной периодической печати. В самом деле, в «Древностях» А. Н. Минх объяснил многие понятия в их бытовом функционировании у поволжских народов: «Бука» (у мордвы), «Бык-гора», «Веснянки» (у мордвы), «Гадание» (у мордвы), «Жениханье» (у малороссов), «Колядашки» (у мордвы), «Кони» (обрядовые лепешки у мордвы), «Кузьминки», «Лукша» (обрядовый пирог на мордовской свадьбе), «Молян» (у мордвы), «Обрядная курица», «Очепок» (у малороссов), «Панара» (у мордвы), «Повойник», «Петров крест», «Спрыг-трава», «Погребальные обряды мордвы», «Приворот», «Проклятый», «Разрыв-трава», «Собина», «Сыпчина» (у мордвы) [2]. Многие из этих слов можно найти в оглавлении к книге.

О суевериях русских крестьян А. Н. Минх рассказал в этнографических частях очерков «Коленская волость Аткарского уезда» [3] и «Саратовский уезд» [4]; — в последнем и о поселении, свадебном обряде, праздниках и суевериях немцев Ягодной Поляны. Эти материалы, а также очерк Ф. С. Голицына «Мордва в Хвалынском уезде» [5] составили ядро книги «Народные обычаи...».

При этом из очерков в книгу А. Н. Минхом не были перенесены тексты тех песен (хороводных, любовных, плясовых), которые непосредственно не связаны с обрядовыми действиями на Троицу и Русальную неделю, и оставлены лишь обрядовые, русские и малороссийские. Автор расстался и с текстами свадебных песен («Саратовский уезд»): видимо, считая их общеизвестными, он только назвал их. Он стремился сделать книгу цельной в тематическом и жанровом отношении, сосредоточиться на обычаях, поверьях.

К истории труда А. Н. Минха «Народные обычаи...» непосредственное отношение имел выдающийся этнограф А. Н. Пыпин. В своем благожелательном отклике на «Саратовский сборник» (1881 г.) он указал на настоятельную необходимость для науки развития местных изучений, отличающихся крайней неполнотой, сведений о современном народном быте, местных песнях, описаний местных обычаев, преданий. (Разрядка моя. — *В. А.*). «Для историков и этнографов поныне составляет немалую задачу объяснение взаимных и исторических от-

---

[2] Древности//Тр. имп. Моск. археол. о-ва. 1885. — Т. 10. — С. 204—217.

[3] Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ. — Саратов: Изд. Саратов. стат. ком. 1881. — Т. 1. — С. 65—117.

[4] Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ. — 1882. Т. II. — С. 203—327.

[5] Саратовский сборник. — Т. 1. — С. 177—195.

ношений племен великорусского и малорусского», — писал он. Саратовский край рассматривался А. Н. Пыпиным как «одна из крупных частей Нижнего Поволжья», со своей историей, в которой должны быть учтены времена татарской орды, подвигов понизовой вольницы, Стеньки Разина, Пугачевщина. «Мало исследована и старина народных преданий, которая еще может быть найдена и сохранена» [6]. В других рецензиях на этнографические издания, связанные с Поволжским регионом, в ряду его особенностей он называл бурлачество и свивший здесь гнездо раскол [7]

За всей этой программой просматриваются разные этнографические и исторические аспекты труда А. Н. Минха «Народные обычаи...» и предшествующие ему обращения к обрядам русским, мордвы, малороссов в «Древностях».

А. Н. Пыпин имел непосредственное отношение и к издательской судьбе книги А. Н. Минха. Ее рукопись, посланная автором в феврале 1887 г. «в дар и полное распоряжение» этнографического Отделения Русского географического общества, поступила на отзыв саратовцу А. Н. Пыпину. На заседании Отделения 28 апреля он характеризовал А. Н. Минха как человека, известного в этнографической литературе, знакомого с ее научными требованиями, а его «Сборник» как заслуживающий «особенного внимания»: в нем «множество подробностей для определения народных верований и обычаев, драгоценных для исследователя народной жизни Поволжья». В заслугу автору он ставил обращение к этнографическим чертам и быту не только русских, но также малороссов, мордвы, чуваш, немцев, преданиям о разбойничестве, нашедшим здесь приют в связи с окраинным положением края. Особенную ценность книги А. Н. Пыпин видел и в том, что факты в ней переданы «в их реальной бытовой обстановке», рассказы «беспрестанно сопровождаются примерами, указанием мест и лиц, объяснением обстоятельств, в которых применяется то или другое поверье и суеверие». По мнению рецензента, труд заслуживал «издания его в цельном виде, как специальный сборник народных преданий и поверий». А. Н. Пыпин рекомендовал «почтить давние труды А. Н. Минха в этой области избранием его в члены-сотрудники Отделения», что и было сделано [8].

Книга А. Н. Минха отвечала и научным, и социально-практическим требованиям времени. Она содержала материал о подлинном быте крестьян четырех основных этносов определенного региона — русских, малороссах, мордве и немцах (частично чувашей и татар), быте, исполненном суеверий и поэзии. Этот труд мог содействовать познанию народа. «Этнография не есть наука

---

[6] Вестник Европы. — 1881. — № 7. С. 438—440.

[7] См.: Вестник Европы, 1881, № 11; 1884, № 10; 1885, № 7 и др.

[8] Журнал заседания Отделения этнографии от 27 марта — 28 апреля 1887 года//Изв. Русского географ. о-ва. — Т. XXIII. — С. 400—402.

книжная», этнографические исследования — нравственная обязанность общества, — писал А. Н. Пыпин[9]. В письме Л. Н. Минху от 4 февраля 1888 г. он писал, что «просвещенные люди» на местах могли бы часть своего досуга посвятить изучению народа, «который всё ещё остается для нас сфинксом и от которого в конце концов зависит всё наше государственное и национальное значение»[10].

Книга А. Н. Минха вписывалась в свою эпоху: в последней трети XIX в. материалы о бытовых суевериях, мифологических представлениях народа постоянно публиковались в местной периодической печати. Одни авторы собирали их, потому что были обеспокоены возможностью их исчезновения, другие видели в них темные стороны народного быта и сознания, с которыми нужно бороться. Ученых интересовал феномен «культурных переживаний» — сохранение отголосков далекого прошлого в современных понятиях всего общества.

Обозначилась тенденция видеть в них лишь чисто внешние проявления бытовой жизни, дань поэтической традиции. Так, Н. И. Костомаров писал, что народ перестает придавать значение старым обычаям и обрядам; «они остаются только какою-то художественною обстановкою жизни», но никак не строгим законом, убивающим свободу мысли[11].

Книга А. Н. Минха «Народные обычаи...», как и многие другие работы, опровергала мысль Н. И. Костомарова, что с вхождением в жизнь новых понятий и обычаев старина теряет свое значение. Ее материалы показывали жизнь крестьян всех национальностей, опутанной нелепыми суевериями, приметами, предрассудками, сопровождающими каждый их шаг, светлые дни отдыха, праздников и трудовых будней, радости и горя. Предрассудки передаются как завещание предков, необходимое в повседневной жизни. Объяснение этому он ищет в отсутствии «не только образования, но и грамотности» (с. 13). Но оказывается, «вера эта и предрассудки еще до сих пор встречаются и в нашем барском быту», признает А. Н. Минх в очерке «Коленская волость Аткарского уезда»[12] и повторяет в книге (с. 47—48). Если в очерке «Саратовский уезд» он писал, что «благодаря развивающейся грамоте народ бросает мало-помалу свою веру в чародейную силу... ведьмы и колдуны совсем перевелись в Полчаниновке»[13], то в книге читаем иное: «Мне довелось (в 1887 г.) го-

---

[9] О задачах русской этнографии//Изв-в имп. Русского геогр. о-ва.— Т. XXI. — 1885. — С. 480—481.

[10] Государственный архив Саратовской области. — Ф. 407. — Е. х. 444.

[11] Цит. по статье: Покровский Н. А. Потеряла ли свою законную силу бытующая старина в сознании русского народа?// Тр. Этногр. отд. имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. — 1887. — Кн. 7. — С. 55.

[12] Саратовский сборник. — Т. I. — С. 104—105.

[13] Саратовский сборник. — Т. II. — С. 289—290.

ворить с молодыми парнями 20—25 лет из с. Полчаниновки и д. Федоровки (Саратовскгго у.): они вполне верят в колдунов, в их порчу и навешивание кил» (с. 16). О скептическом отношении к приметам, поверьям А. Н. Минх не пишет.

Заметим, что А. Н. Пыпин, не раз с тревогой писавший об исчезновении старины и необходимости ее собирания, о книге А. Н. Минха говорил: «...в крае, далеком от центров, сохранилась свято народно-бытовая и народно-поэтическая старина»[14].

В параллельном описании А. Н. Минхом проявлений в бытовой практике этносов элементов традиционной культуры заметна тенденция к выявлению нечасто встречающегося или отмеченного особенной древностью. С другой стороны, он отмечает обычаи, изжившие себя. Так, отказавшись от излишних подробностей в описании похоронного обряда, А. Н. Минх пишет: «приведу только несколько обычаев, которые встречаются реже в других местностях России» (с. 130). Действительно, редок идущий «со старины» обычай крестьян д. Алексеевки Аткарского уезда вывешивать на 6 недель белый платок на окно той избы, где был покойник, чтобы его летающая вокруг и плачущая о своих грехах душа могла им утереться (с. 130).

Как об ушедших или уходящих обычаях, совершаемых на сороковины, А. Н. Минх пишет о проводах души с плачем за воротами крестьянами д. Бедняковки Аткарского у. (было в 60-е годы) или обычае мордвы олицетворять душу умершего в живом человеке и провожать ее с молитвами о хозяйственном благополучии (с. 136).

Расположение материала — от одного народа к другому — делает чтение книги увлекательным. Познакомившись с рассказами о колдунах русских крестьян, читатель переходит к «чаровникам» и «чаровницам» малороссов, к оригинальным способам гаданий у тех и других, к особенностям рождественских обычаев у русских и мордвы, у малороссов и русских и т. п. Он увидит не только многовариантность таусиней, колядок у русских и украинцев, но и особенность этих древних песенок у последних: насыщенность их христианской образностью. Нельзя не заметить отчетливой направленности колядок мордвы на хозяйственное и семейное благополучие: «Коляда! Родился бы хлеб соломой с оглоблю, с дугу колосом, с колядковую лепешку зерном!.. Давай, баба, лепешки! Если не дашь, родишь сына — паршивый будет, по полкам бегать будет, с полки упадет в лукошко, а из лукошка на быка...» (с. 91—93). Пасхальный обычай малороссов освящать в церкви «всю провизию или уже непременно поросенка и свиное сало в добавление к куличу и сыру» А. Н. Минх считает привезенным с родины (с. 101). Действительно, у украинцев и белорусов «в число пасхальных блюд входил

---

[14] Изв. Русск. геогр. о-ва. — Т. XXIII. — С. 402.

поросенок, который освящался в церкви»[15]. В то же время и русские, и малороссияне с. Широкий Уступ Аткарского уезда на другой день «обходят с иконами и хоругвями, взятыми из церкви, кругом села для охраны его от всяких несчастий и пожара... (с. 101).

Характерным для русского народа пасхальным обычаем А. Н. Минх считает «рели» (качели) и катание яиц на улице. По его мнению, немцы (Ягодная Поляна) усвоили его у русских (с. 102). На магический смысл раскачивания вверх и вниз в древности — стимулирование роста растительности[16] — А. Н. Минх не указывает, видимо, качели стали простым развлечением.

Так, из описаний «поверий, обычаев и обрядовой жизни» (с. 1) читатель увидит, что «типы народностей», населяющих Саратовскую губернию, в самом деле «резко отличаются друг от друга и в редких случаях сливаются (за полным исключением немцев и татар) в общерусский характер» (с. 3).

Ни разу А. Н. Минх не обмолвился о враждебном отношении друг к другу живущих рядом национальностей. Было иное: на Новый год «русские крестьяне из соседних селений навещают своих знакомых немцев», на что колонисты отвечают тем же (с. 100).

Книге А. Н. Минха более ста лет. До нее (в 1848 г.) А. Терещенко напечатал, помимо русской, «Свадьбу переселенцев-малороссиян, находящихся в Саратовской губ.»[17]. История и быт мордвы сел Оркино, Сухой Карабулак Саратовского уезда, отразившиеся в преданиях и поверьях, ее поэтические произведения нашли место в капитальном труде А. А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник» (СПб., 1910), дополненном большим очерком А. Н. Минха «Извлечение из историко-географического описания Озерской волости» (о мордве с. Оркино, с. 681—720).

В 1922 г. вышел «Саратовский этнографический сборник», включивший материалы о быте, обрядах, народном творчестве саратовской мордвы. Автором этого научного труда стал М. Т. Маркелов, ученик проф. Б. М. Соколова, мордвин. В предисловии «От редактора» Б. М. Соколов писал, что первый выпуск «кладет начало опубликованию... обширного материала по изучению быта и творчества разноплеменного населения Саратовского края», накопленного за последние три года[18]

---

[15] Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. — М., 1979. — С. 111.

[16] Там же, с. 118.

[17] Быт русского народа. Сочинение А. Терещенко. В VII частях. Ч. II. — СПб., 1848. — С. 565—593.

[18] Саратовский этнографический сборник. — В. 1/Под ред. проф. Б. М. Соколова. — Саратов: Изд. морд. подотд. губотд. по делам нац. при Сарат. Губисполкоме. — Саратов, 1922.

Однако планам подобного рода монографических исследований не суждено было осуществиться. Изучения саратовских чувашей, мордвы, татар, украинцев, немцев вылились в статьи[19], доклады. Вместе этнос Поволжья был представлен в Этнографическом музее Саратовского края, открытом в 1920 г. по инициативе того же Б. М. Соколова. Он стал «зеркалом прошлой и современной жизни всех национальностей края...»[20], русского, украинского, мордвы, чувашей, татар и немцев.

Сборники русского (частично мордовского) фольклора разных жанров по материалам экспедиций Б. М. Соколова, Саратовского музея краеведения, Саратовского университета, с научными статьями, комментариями издавались на протяжении 30—90-х годов.

Книга А. Н. Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии» остается поэтическим памятником традиционной крестьянской культуры народов Поволжья в ее национальной специфике и взаимовлияниях на протяжении XIX — начала XX вв. Она не потеряла своего научного значения и интереса для широкого читателя, желающего знать историю своего народа.

В. Архангельская

---

[19] Печатались в Трудах Нижне-Волжского областного Общества краеведения.

[20] Саратовские известия. — 1921. — 14 мая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этнографическое Отдѣленіе И. Р. Географическаго Общества поручило мнѣ наблюденіе за изданіемъ настоящаго очерка. Трудъ г. Минха привлекъ вниманіе Отдѣленія какъ опытъ цѣльнаго этнографическаго очерка края, до сихъ поръ весьма недостаточно изслѣдованнаго, — опытъ, который не беретъ на себя дать вполнѣ научныя объясненія предмета, но имѣетъ особенную цѣну какъ собраніе матеріала, сдѣланное мѣстнымъ старожиломъ, близкимъ къ народной средѣ.

Мы передали трудъ г. Минха вообще безъ измѣненій, сокративъ лишь нѣкоторыя цитаты по общимъ вопросамъ Этнографіи и исключивъ нѣсколько варіантовъ сообщенныхъ у автора апокрифическихъ рукописей: этнографическія сличенія, уже собранныя другими въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ, принадлежатъ спеціальнымъ общимъ изысканіямъ въ области народнаго миѳа и обычая; варіанты «Сна Богородицы» или «Хожденія по мукамъ», произведеній не разъ изданныхъ, давали только варіанты безграмотнаго искаженія текстовъ, не представляя интереса по существу. Апокрифы объ Адамѣ и ап. Павлѣ переданы авторомъ по извѣстнымъ текстамъ вѣроятно для общаго ознакомленія читателя съ характеромъ подобныхъ произведеній. Мы оставили также безъ измѣненій записи малорусскихъ пѣсенъ,—возможныя неточности записи будутъ видны спеціалистамъ, между тѣмъ при исправленіи могли бы изчезнуть какія-либо отличія мѣстнаго говора.

Трудъ г. Минха конечно не исчерпываетъ предмета, но онъ имеино важенъ какъ болѣе или менѣе цѣльный опытъ мѣстной этнографической любознательности, распространеніе которой послужило бы съ большою пользой для общихъ изслѣдованій въ этой области народовѣдѣнія. Когда печатаніе настоящаго очерка было уже въ ходу, авторъ доставлялъ въ Этнографическое Отдѣленіе дополненія, которыми уже неудобно было воспользоваться: когда новые матеріалы г. Минха соберутся въ бо́льшемъ количествѣ, Этнографическое Отдѣленіе по всей вѣроятности также воспользуется ими для своихъ изданій.

А. Пыпинъ.

Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи.

(Собраны въ 1861—1888 годахъ)

Введеніе.

Изложенные здѣсь разсказы и очерки собраны лично мною и, подъ моимъ руководствомъ, лицами, на которыхъ я вполнѣ могъ положиться *), а также княземъ Ф. С. Голицынымъ, почтеннымъ изслѣдователемъ Хвалынскаго края. Многое изъ нашего общаго труда вошло въ первые два тома «Саратовскаго Сборника» (изданнаго Саратовскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ), въ мѣстныя Губернскія Вѣдомости, частью же помѣщены въ «Древностяхъ», изданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Всѣ собранныя здѣсь давныя относятся къ 1861—88 годамъ. Помѣщая народные разсказы, я отмѣчаю, гдѣ и когда они слышаны.

Прежде чѣмъ обрисовать повѣрья, обычаи и обрядовую жизнь Саратовскаго края, я набросаю короткій этнографическій очеркъ народностей, населяющихъ эту губернію. *Русскіе* составляютъ у

*) Сотрудниками моими за всѣ 28 лѣтъ собиранія приводимыхъ данныхъ были: священникъ П. Оргійскій, письмоводитель А. Е. Дворниковъ, священникъ А. М. Розановъ, священникъ Ив. Н. Лебединскій, учитель И. А. Троицкій, учитель И. В. Зеленевскій, пасторъ Канъ, письмоводитель С. Е. Крашенинниковъ, учитель А. Л. Леонтьевъ, священникъ П. Е. Гераклитовъ, волостной писарь П. П. Лебедевъ, земскій докторъ Н. И. Кондратьевъ, учитель С. Т. Красниньковъ, А. Н. Бубнова, С. И. Синева, письмоводитель М. А. Волковъ, учитель П. А. Тугариновъ, волостной писарь Г. Г. Шнейдеръ и земскій докторъ М. И. Шмуккеръ.

насъ преобладающее большинство надъ другими племенами во всѣхъ уѣздахъ губерніи, кромѣ Камышинскаго, гдѣ числс нѣмецкихъ колонистовъ, вмѣстѣ съ малороссіянами, составляютъ $^3/_5$ общаго населенія. Численность всѣхъ русскихъ въ губерніи составляетъ около $^3/_4$ всего населенія края; всѣ они—выходцы и переселенцы изъ внутреннихъ губерній государства. Вторую этнографическую группу составляютъ *Малороссы*, пришельцы изъ Украйны и переведенцы изъ Воронежской губерніи; они сѣли здѣсь послѣ 1717 года *), преимущественно вольными солевозцами, съ 1731 г., и наконецъ крѣпостными переведенцами помѣщиковъ: графа Воронцова и друг., уже въ концѣ прошлаго столѣтія; изъ документовъ Шацкаго Архива 1761 г. (журналы Тамб. учен. архивн. комиссіи) видно, что они еще до 1760 года самовольно селились въ крѣпостныхъ дачахъ Нарышкина при рѣкахъ Хопрѣ, Медвѣдицѣ, Терсѣ, Елани и впадающихъ въ нихъ рѣчкахъ, распахивали земли, сѣяли хлѣбъ, косили сѣно, строили для скота хутора и заводили пчельники. Вообще малороссы населили южную половину губерніи, уѣзды: Саратовскій, Аткарскій, Балашовскій, Камышинскій и Царицынскій. *Нѣмцы* — выходцы изъ развыхъ государствъ Германіи, явились сюда съ 1765 года и составляютъ по численности третью группу населенія; они заняли въ Саратовской губерніи слѣдующіе уѣзды: Саратовскій, Аткарскій, Камышинскій и въ Царицынскомъ — колонію Сарепта. Послѣ этихъ трехъ народностей четвертое мѣсто занимаетъ *Мордва*, населяющая сѣверную часть губерніи, уѣзды: Петровскій, Хвалынскій, Кузнецкій, Вольскій и частью Саратовскій. Ихъ два колѣна—*Эрзя* и *Мокша*, отличающіеся только нарѣчіемъ: «у мордвы — двѣ морды (два языка), а шкура одна», говоритъ русская поговорка въ Хвалынскомъ уѣздѣ. Остальные инородцы составляютъ меньшинство общаго населенія. *Татары* живутъ въ уѣздахъ Вольскомъ, Хвалынскомъ, Куз-

*) Полагаютъ, что малороссіяне появились въ южныхъ предѣлахъ Саратовской губерніи только въ началѣ XVIII столѣтія: въ 1717 году вторгнулись въ Саратовскій край кубанскіе татары и произвели въ немъ, и безъ того немноголюдномъ, сильное опустошеніе; Петръ Великій приказалъ тогда, для предупрежденія подобныхъ вторженій, устроить отъ *Дмитріевска* (нынѣшняго Камышина) къ Иловлѣ, или отъ Царицына къ Дону, сторожевую линію, поселивъ на ней исключительно малороссіянъ.

нецкомъ и Петровскомъ; *Чуваши* находятся въ уѣздахъ Кузнецкомъ, Петровскомъ, Хвалынскомъ и Вольскомъ; *Мещера*, одни изъ самыхъ старыхъ поселенцевъ этаго края, сидѣвшіе здѣсь еще во второй половинѣ XVI-го вѣка, составляютъ самую незначительную группу населенія Саратовскаго края, почти совершенно слившуюся съ русской народностью и утратившую племенные обряды и обычаи; бродячее племя *Цыганъ* (барышники и конокрады) живутъ преимущественно осѣдло въ городахъ Петровскѣ, Вольскѣ, Аткарскѣ и Царицынѣ. Сравнивая заселеніе Саратовскаго края, мы видимъ въ этнографическихъ группахъ (кромѣ Великороссовъ) осѣданіе народностей въ излюбленныхъ мѣстностяхъ, а именно: малороссы занимаютъ преимущественно степныя мѣста—югъ губерніи; почти тоже дѣлаютъ нѣмцы, которыхъ нѣтъ въ сѣверной половинѣ края, хотя послѣднее можно приписать правительственной мѣрѣ, опредѣлившей при Императрицѣ Екатеринѣ II *округу для поселенія иностранныхъ*; мордва садится на сѣверѣ губерніи, въ бывшихъ тогда лѣсистыхъ мѣстахъ, и положительно не переходитъ въ южную часть края; наконецъ татары и чуваши тоже занимаютъ сѣверный лѣсистый край нынѣшней Саратовской губерніи.

Типы этихъ народностей рѣзко отличаются другъ отъ друга и въ рѣдкихъ случаяхъ сливаются (за полнымъ исключеніемъ нѣмцевъ и татаръ) въ обще-русскій характеръ.

Русскій мужикъ, какъ человѣкъ рабочій, неопрятенъ: грязное бѣлье и рваное платье, нечистота въ избѣ, — вотъ что встрѣтимъ шесть дней въ недѣлю въ каждой деревнѣ и почти у каждаго крестьянина. Въ праздникъ только смѣнитъ онъ чистую рубаху, порты и *онучи*, надѣнетъ новую сермягу или полушубокъ, обуется въ сапоги или новые лапти; баба обмоетъ лавки и вычиститъ избу. Одежа русскаго человѣка — посконная *), рѣдко холщевая (льняная) рубаха, поясъ изъ шерстянаго шнурка, порты изъ синей полосатой *набойки* (крашеный холстъ), *онучи* (кусокъ холста или шерстяной лоскутъ, которымъ обертываютъ ноги), лапти или сапоги, шапка или картузъ; лѣтомъ—сермяга, зипунъ (халатъ, спускающійся до колѣнъ) изъ чернаго или сѣраго толстаго сукна русской шерсти;

*) *Посконь* добывается изъ волоконъ конопли; ее выбираютъ въ половинѣ іюля.

зимою—полушубокъ изъ бѣлыхъ или дубленыхъ овчинъ, и тулупъ. Въ праздникъ молодые парни надѣваютъ красныя кумачевыя или цвѣтныя ситцевыя рубахи, суконныя, нанковыя или верблюжьи (изъ верблюжьяго сукна) *чуйки* (халаты) на опашъ или новые армяки, подпоясывая послѣдніе краснымъ шерстянымъ кушакомъ; зимою—дубленые полушубки, подпоясанные тоже цвѣтными кушаками. Головной уборъ въ праздникъ составляетъ: лѣтомъ суконный картузъ и рѣдко войлочная (поярковая) шляпа съ короткими полями; зимою, у щеголей, — сѣрыя барашковыя шапки (крымки) съ суконнымъ донцемъ. Въ извозѣ, зимой, мужикъ надѣваетъ преимущественно *малахай*, овчинную дубленую шапку; въ непогоду малахай спускается и завязывается подъ бородою, закрывая затылокъ, шею и даже щеки; лѣтъ десять тому назадъ стали употреблять вмѣсто малахаевъ башлыки. У зажиточныхъ крестьянъ сапоги зимою замѣняются войлочными валенками; бѣдному служатъ тѣже лапти, но онучи—шерстяные. Въ холодъ и въ извозѣ мужикъ надѣваетъ *варежки*, вязанные изъ шерсти, а на нихъ *рукавицы* изъ дубленой овчины. Бабы и дѣвки надѣваютъ въ праздникъ сарафаны (*сукманы*) изъ шерстяной ткани, окрашенной синею краской, или же изъ ситцу,—послѣдній обыкновенно яркихъ красныхъ цвѣтовъ,—при чемъ перетягиваніе грудей по срединѣ сарафаномъ и передникомъ сильно портитъ ихъ, придавая имъ некрасивыя формы. Около десятка лѣтъ сарафанъ начинаетъ исчезать въ русскомъ народѣ и появляется безобразный покрой мѣщанскаго платья съ кофтой. Голова бабы повязана яркимъ платкомъ съ завязанными сзади, подъ косой концами; подъ платкомъ надѣтъ у бабы *повойникъ*: родъ шапочки съ жгутомъ приходящимся прямо надъ теменемъ; *кички* совершенно исчезли въ нашемъ краѣ. Дѣвки или ничего не надѣваютъ на голову, распуская одну косу, въ которую вплетаютъ *косникъ* — шелковую ленту или полосу какой-либо другой ткани, чаще же накидываютъ на голову косынку или платокъ, завязывая концы подъ подбородкомъ; обувь составляютъ чулки, лапти, *коты* (съ толстой подошвой) и башмаки; на работѣ онѣ большею частью ходятъ босыя.

Входъ въ русскую крестьянскую избу обыкновенно со двора; у зажиточныхъ бываетъ и съ улицы, тогда устраивается крыльцо съ навѣсомъ. Изба состоитъ изъ двухъ частей: сѣней и собственно

избы (горницы); послѣдняя рубится отдѣльнымъ *срубомъ* изъ сосновыхъ полубрусинъ, преимущественно *тройника* (т. е. трехъ саженной длины) или круглыша чернолѣсья; сѣни прилаживаются изъ круглыша или досокъ, всегда *холодные* (безъ печи), и у богатыхъ мужиковъ служатъ часто связью двухъ срубовъ (избъ): въ сѣняхъ устраивается иногда небольшая кладовая или чуланъ. Фундамента на бутѣ у избъ не дѣлается, а ставится она *на стульяхъ* — деревянныхъ толстыхъ столбикахъ или большихъ камняхъ; пространство между нижнимъ *вѣнцомъ* и землею набивается глиной или землей между двухъ плетней — дѣлается *завалина*; на зиму баба *ухлыстываетъ* избу, т. е. обмазываетъ ее снаружи глиной, въ особенности пазы, и заваливаетъ *завалину* назьмомъ или старой соломой, чтобы не дуло. Изба состоитъ изъ одной горницы, раздѣленной у зажиточныхъ крестьянъ легкой досчатой перегородкой на два отдѣленія. Въ заднемъ углу, у входа, становится русская печь, обращенная челомъ къ *свѣту* (окну); печь эта топится по *бѣлому* или *черному*: въ первомъ случаѣ она имѣетъ трубу, выходящую надъ крышей, въ послѣднемъ же трубы нѣтъ и дымъ, выходя изъ устья печи, наполняетъ избу и уходитъ въ отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ подъ потолкомъ и затыкаемое тряпкой, и въ растворенную дверь. Русская печь дѣлается большая, четырехъугольная, немного ниже росту средняго человѣка, настолько помѣстительная, что на ней могутъ въ зимній холодъ расположиться свободно человѣка два, три, а внутри нѣсколько хлѣбовъ, а подъ часъ и самъ хозяинъ, когда ему вздумается выпарится. *Устье* печи—полукруглое, просторное; передъ нимъ *предпечье* съ *шесткомъ*, послѣднее есть продолженіе дна печи передъ устьемъ въ предпечьи; на немъ становятся вынутые изъ печи горшки съ пищею; устье закрывается желѣзнымъ *заслономъ*. Печь не доходитъ до полу; съ боку — пустое пространство между печкой и стѣной, называемое *запечьемъ*, забирается деревомъ, туда кладутся ухваты, сковородники, кочерги и проч. При топкѣ употребляется желѣзная кочерга на деревянномъ древкѣ; для посадки хлѣбовъ — широкая деревянная лопата, а для установки горшковъ со щами, похлебкой и кашей — *ухваты*. У печи помѣщается *ушатъ* или лохань, на трехъ ножкахъ, и надъ нимъ виситъ на веревочкѣ умывальникъ или глиняный горшокъ и полотенце. Около печи, на половину

избы закрываютъ потолокъ *палати*: помостъ изъ досокъ, устроенный на перекладинахъ на аршинъ ниже потолка, куда забирается спать семья и гдѣ обыкновенно хранятся незатѣйливыя принадлежности крестьянской постели и носимая одежда. Около входной двери у стѣны помѣщается лавка или ларь, называемые *коникомъ*; отъ него тянется по двумъ другимъ стѣнамъ *красная* лавка, здѣсь въ *переднемъ углу* лицевой стороны избы помѣщается рѣзной кивотъ съ иконами, а часто простая трехъ-угольная полка, на которой помѣщается образъ; въ этомъ же углу *) становится столъ, накрытый въ праздникъ, при гостяхъ, а также за обѣдомъ и ужиномъ толстой скатертью или *столешникомъ*. Въ русскихъ избахъ грязно, напротивъ у малороссіянъ и нѣмцевъ всегда чисто и опрятно (такъ и у молоканъ), воздухъ въ ихъ жильяхъ не бываетъ такимъ спертымъ и прогорклымъ, какъ у русскихъ. Украшенія въ нашихъ русскихъ избахъ рѣдки; иногда попадаются прибитыя къ стѣнѣ лубочныя картины духовнаго содержанія: страшный судъ и дьяволъ въ видѣ огромнаго змѣя, раздѣленнаго красными и зелеными полосами съ надписью на каждой: злоба, пьянство, блудъ, и прочихъ грѣховъ; тутъ же лубочные портреты великихъ полководцевъ съ расположенными около ногъ лошади войсками, которымъ «богомазъ» однимъ почеркомъ кисти далъ общій красный воротникъ, задѣвая подбородки, плечи и грудь; тутъ же мыши кота хоронятъ, русскія пѣсни и сказки въ лицахъ, съ изложеніемъ безграмотнаго текста. Въ настоящее время старая лубочная живопись начинаетъ исчезать, замѣняясь болѣе отчетливой. Русская изба въ особенности грязна зимой, когда жилье наполняется овцами, телятами, иногда свиньями, которыя тутъ ночуютъ; сюда же вводятъ въ зимніе холода и коровъ для удоя. Не приведи Богъ загнанному мятелью, непривычному путнику заночевать въ небогатой избенкѣ русскаго мужика: его задушитъ одна нестерпимая вонь живыхъ существъ— человѣка и скота, заѣдятъ клопы и блохи, засыпятъ тараканы.

Въ каждомъ дворѣ живетъ одна, рѣдко нѣсколько семей. Послѣ освобожденія крестьянъ, съ 1861 г., семейные раздѣлы стали повсемѣстно часты, и потому теперь встрѣтить въ избѣ двѣ семьи,

*) Уголъ этотъ считается почетнымъ и важнаго гостя или почтеннаго старца всегда сажаютъ «подъ образа».

даже родныхъ сыновей, рѣдкость; въ крѣпостное время помѣщики запрещали раздѣлы, зная по опыту, что большая семья всегда *спорѣе* и потому зажиточнѣе, такъ какъ дворъ состоялъ изъ большаго числа *тяголъ*, т. е. работниковъ и работницъ (мужъ и жена составляли *тягло*). Каждый дворъ имѣетъ старшаго: *большака*, *главу* или *домохозяина*, который распоряжается всѣмъ въ домѣ и остальной семьей; ему всегда почетное мѣсто за столомъ, въ *переднемъ углу*, подъ образами. Лѣто крестьянинъ цѣлый день въ полѣ: съ ранней весны идетъ посѣвъ яроваго; въ короткое *междупарье* (время послѣ яроваго сѣва и пашкою *паровъ* подъ озимь) крестьянинъ норовитъ «*сходить* въ извозъ»; тамъ настаетъ *мѣтка паровъ* и покосъ, за ними подошла уборка ржи, посѣвъ *озимаго поля*, а тамъ уборка яроваго хлѣба, возка сноповъ и *ломка* (пашка) *жнивьевъ* подъ яровое будущаго года. Въ ясную осень тянется молотьба и продолжается все *первозимье*; зимою — извозъ; и такъ проходитъ изъ году въ годъ у нашего крестьянина. Старшо́й — дѣдъ или отецъ семейства—есть полный властелинъ въ домѣ; за нимъ второе лицо — старшій сынъ, остальные ничто больше, какъ работники; женщина стоитъ на заднемъ планѣ, она не имѣетъ голосу, должна безпрекословно слушаться старшаго и своего мужа; отношенія ея къ послѣднему какъ работницы къ хозяину; часто достается ей отъ него, но побои мужа не ставятся ему въ укоръ *) и за урядъ сыплются они на несчастную за какой-либо проступокъ, а больше совершенно безвинно, подъ пьяную руку. Жена не имѣетъ доли въ доходахъ своего *хозяина*; на обувь и наряды у нея свой доходъ: посѣвъ конопли и льна, отъ которыхъ достается ей *посконь* и *льнище*, идущіе на холсты, зерно же поступаетъ хозяину; сверхъ того у нея нѣсколько овецъ, подарокъ отца или тестя, *со́бина* (Аткарскій уѣздъ), доходъ съ которыхъ идетъ ей. Дѣти до 8-лѣтняго возраста ничего не дѣлаютъ; оставленные почти безъ всякаго призора, босикомъ, въ однихъ рубашонкахъ бѣгаютъ они и играютъ по улицамъ; но около 10 лѣтъ становятся въ лѣтнюю пору

*) Волостной судъ и сельскій сходъ преимущественно оправдываютъ мужа, исколотившаго свою жену. Со введеніемъ мировыхъ учрежденій, крестьянамъ пришлись *не по нутру* наказанія за подобные проступки и они высказывались, что это «не ладный законъ — бабъ баловать», и что «мужъ вѣдь всегда волёнъ въ своей женѣ и долженъ *учить* ее, такъ и въ законѣ Божіемъ сказано».

подмогой отцу и матери: дѣвочки остаются няньками при малыхъ ребятахъ, а мальчишки идутъ въ *подпаски* (помощники пастуховъ), смотрятъ за стадами овецъ, телятъ и свиней, помогаютъ отцу въ полѣ, бороньбѣ и проч.; вотъ почему крестьяне не оставляютъ дѣтей на лѣто въ школѣ, дѣвочекъ же совершенно неохотно и рѣдко отдаютъ туда.

Малороссіяне тѣхъ селеній, въ которыхъ они живутъ отдѣльно отъ русскихъ, удержали свой говоръ, нравы, обычаи и въ нѣкоторой степени свою одежду; тамъ же, гдѣ они поселены съ русскими, они усвоили многое изъ ихъ одѣянія: даже будничная родная *плахта* (лоскутъ матеріи, узко обхватывающій бедра женщины и едва спускающійся ниже колѣнъ) стала замѣнятся юбкой, но говоръ и типъ не поддаются еще обрусѣнію. Малороссы народъ красивый и между дѣвушками встрѣчаются хорошенькія съ бойкими черными и карими глазами. Нашъ народъ зоветъ ихъ *хохлами* и *хохлушками*. Разсматривая каждое селеніе, въ которомъ русскіе сидятъ съ малороссами, мы непремѣнно видимъ, что эти двѣ народности не смѣшиваются и живутъ отдѣльными частями поселенія, часто раздѣленными рѣчкой или овражкомъ. Эти двѣ части села ведутъ всегда отдѣльныя хозяйства, снимаютъ врозь участки земель, и смѣшанные браки вообще встрѣчаются очень рѣдко.

Отличительная черта малороссіянъ отъ русскихъ — опрятность и лучшая обстановка жилья: въ ихъ *хатахъ*, хотя иногда и нѣтъ совершенно деревяннаго пола, но онъ всегда чисто выметенъ, горница свѣтлѣе, такъ какъ у каждаго малоросса, даже въ небольшой хатѣ, три-четыре окна; у всѣхъ избъ есть дымовыя трубы и *черной* топки, какъ у русскихъ, нѣтъ. Каждый годъ, къ Троицыну дню, всѣ хаты безъ изъятія хохлушки обмазываютъ снаружи, часто и внутри, глиной, бѣлятъ и расписываютъ какой-нибудь яркой краской; солома на ихъ крышахъ подрѣзана всегда аккуратно. Въ пищѣ малороссіяне тоже отличаются отъ русскихъ: любимыя блюда хохла — свиное соленое сало, вареники, галушки и непремѣнно пшеничный хлѣбъ; они заготовляютъ на зиму изъ свекловицы, квася ее особымъ образомъ, *бураки*, изъ которыхъ варятъ *борщъ*. Малороссіянки пекутъ *бублики* (крендели), которыми торгуютъ въ праздничные дни на базарахъ или около церквей. Хохолъ лаптей не носитъ.

Мордва—большею частью средняго роста, съ выдающимися скулами, рѣдкой бородой, сѣрыми или голубыми глазами, иногда узкими и въ большинствѣ случаевъ больными; между женщинами и дѣвушками нерѣдко попадаются красивыя лица. Одежда мужчинъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи — *понáра*, съ синей оторочкой по косому вороту и съ красной вышивкой по подолу, и набойчатыхъ холщевыхъ портовъ; на головѣ, не смотря на время года, носятъ они бѣлыя бараньи шапки, часто съ прорваннымъ верхомъ; на ногахъ постоянно лапти и рѣдко сапоги, которые въ иныхъ семьяхъ хранятся какъ завѣтная вещь и надѣваются лишь по годовымъ праздникамъ или на свадьбѣ; зимой и лѣтомъ носятъ они полушубки, надѣвая зимою поверхъ ихъ тулупы или армяки изъ домашняго сукна. Одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой, узкой, холщевой рубахи — *понáра*, въ родѣ мѣшка, вышитаго по всѣмъ швамъ, груди и подолу, красной шерстью; рубаха эта дѣлается съ открытой грудью и стягивается на груди большимъ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ съ пряжкою; сверхъ рубахи надѣваютъ *шушпанъ*, родъ узкаго халата, съ разрѣзаннымъ передомъ; *шушпанъ*, какъ и *понáра*, имѣетъ короткіе по локоть, узкіе рукава и по всѣмъ швамъ, груди, плечамъ и подолу разшитъ красной шерстью и гарусомъ, съ блестками и мишурой. Кромѣ того, до 1850 годовъ (с. Оркино, Саратовскаго уѣзда) женщины носили *покáй*, родъ шушпана, только сшитаго спереди и имѣвшаго совершенно видъ мѣшка; *покáй* весь вышивался красными шерстями, блестками и нерѣдко золотомъ, такъ что бѣлыя холстовыя полосы оставались не болѣе какъ въ 1/4 аршина ширины и весь *покáй* блестѣлъ словно парчевый. Передъ закрывается краснымъ узкимъ передникомъ, иногда съ грудью, иногда и безъ груди; послѣдняя и низъ передника вышиваются или обшиваются кружевами и прошвками; талія перетягивается поясомъ, на который привѣшиваютъ для разныхъ мелкихъ вещицъ *лакомку*, и сверху краснымъ шерстянымъ кушакомъ. На голову бабы надѣваютъ нѣчто въ родѣ мѣшка, спереди твердо вышитаго разными шерстями, преимущественно красной, блестками и мишурою: это — *шылыгань*, въ который они убираютъ голову совсѣмъ съ ушами, такъ что и волосъ нигдѣ не видно, кромѣ какъ на вискахъ, гдѣ они выпускаютъ пряди, которыя щеголихи завиваютъ въ кудри; сзади шылыгань стяги-

вается завязкой и спускается на спину бѣлымъ холщевымъ или коленкоровымъ четырехъ-угольнымъ концомъ, длиною вершковъ въ шесть, и тяжело вышитымъ по краямъ; надъ ушами къ шлыгану привѣшиваются маленькія мѣдныя бляшки или пуговки, по три на сторону. Женская обувь состоитъ большею частью изъ лаптей и рѣдко изъ тяжелыхъ, неуклюжей формы, башмаковъ — *коты*. Мордовки щеголяютъ украшеніями: огромныя мѣдныя или оловянныя серьги; на пальцахъ — масса мѣдныхъ и оловянныхъ колецъ, въ особенности у дѣвушекъ; бусы, стеклярусъ или нанизанныя на шнурокъ раковинки рядовъ въ 9 окружаютъ шею, спускаясь на грудь, причемъ на каждомъ изъ нихъ непремѣнно крестъ или серебряная мелкая монета. Нарядъ дѣвушекъ и молодушекъ (*урьва*: первый годъ замужества) отличается отъ бабьяго только тѣмъ, что они не носятъ *шылыгановъ*, а заплетаютъ волосы въ одну косу, вплетая въ нее узенькую ленточку съ кистью красныхъ шерстяныхъ нитокъ съ блестками на концѣ. Дѣвушки рѣдко покрываютъ головы платками (непремѣнно красными); лѣто и зиму, несмотря на сильные холода, ходятъ они большею частью съ открытыми головами. Нѣкоторыя женщины нюхаютъ, а иныя курятъ изъ трубокъ махорку.

Улицы въ мордовскихъ селеніяхъ большею частью неправильны и узки; большинство избъ стоятъ на улицу бокомъ или задомъ, или же вовсе на дворѣ; крыты онѣ соломой; строятся обыкновенно изъ чернолѣсья, тонкихъ и корявыхъ бревешекъ; стѣны обмазываются глиной, въ нихъ прорубаютъ небольшія окна, большею частью разной величины. Въ рѣдкихъ избахъ есть досчатые полы; топка преимущественно по *черному*, даже въ тѣхъ, гдѣ есть трубы. Зимою, кромѣ людей, помѣщаются въ избѣ телята, ягнята, поросята, куры, и воздухъ мордовскаго жилья пропитанъ одуряющей вонью; къ тому же не достаетъ и дневного свѣта, такъ какъ маленькія окна промерзаютъ насквозь; всюду грязь, нечистота, по щелямъ тысячи таракановъ, вездѣ вситъ паутина; обитатели этихъ грязныхъ жилищъ часто страдаютъ накожными и глазными болѣзнями. Колыбель младенца, *лáусь* (корзинка или загнутый изъ лубка ящикъ), набита соломой или трухой, покрытой ветошкою или старымъ шушпаномъ; все это рѣдко просушивается и еще рѣже мѣняется.

Нѣмцы до сихъ поръ въ нашемъ краѣ составляютъ совершенно обособленный типъ; они не смѣшиваются браками ни съ одной народностью. Улицы въ ихъ селеніяхъ (*колонкахъ*, какъ называютъ русскіе)—прямыя и пересѣкаются такими же поперечными, образуя кварталы; способъ постройки и расположеніе дворовъ колонисты усвоили отъ русскихъ крестьянъ, но внутреннее расположеніе жилищъ, обстановка и чистота рѣзко отличаются отъ крестьянскихъ: у нихъ нѣтъ ни русскихъ палатей и паръ, ни громадной печи; полы всегда выметены и при входѣ усыпаны свѣжимъ пескомъ. Нѣмцы большіе охотники до пестраго убранства комнатъ: столы, скамейки, сундуки, шкафы, часто ставни и двери, большею частью, пестрятъ яркими красками. Въ каждомъ домѣ стоитъ въ углу лучшей компаты высокая двухспальная кровать съ пестрымъ пологомъ, массою подушекъ и ловко взбитымъ пуховикомъ вмѣсто одѣяла; здѣсь помѣщается глава семейства съ своей супругой, остальные члены размѣщаются на печь на полу, или въ другой комнатѣ на постели, но безъ полога. Одежда колонистовъ-мужчинъ состоитъ: лѣтняя — изъ картуза, бѣлой рубахи, темносинихъ, коричневыхъ или черныхъ холщевыхъ панталонъ, черной или пестрой жилетки, съ стеклянными или металлическими пуговицами, изъ кафтана, длиннополаго сюртука или куртки темной матеріи; лаптей они не носятъ; бороду и усы брѣютъ. Женщины носятъ лѣтомъ короткія темносинія холщевыя домашняго издѣлія, въ будни, и цвѣтныя по праздникамъ, юбки; передники, бѣлыя рубашки и кофты преимущественно темныхъ цвѣтовъ; на головѣ платокъ, а на ногахъ бѣлые, синіе или пестрые чулки — своей работы. Зимою нѣмцы ходятъ въ овчинныхъ тулупахъ, полушубкахъ и мѣховыхъ шапкахъ. Между дѣвушками встрѣчаются очень красивыя, но почти всѣ молодые мужчины худощавы и узкогруды. Колонисты большею частью грубы и невѣжливы, характеръ ихъ настойчивъ и упрямъ. Они составляютъ весьма живучую и плодовитую расу: у меня въ рукахъ документы по движенію населенія Ягодно-Поляпской волости, Саратовскаго уѣзда (опубликованные мною въ «Саратовскомъ Сборникѣ», т. II), изъ которыхъ видно, что въ двухъ нѣмецкихъ селеніяхъ этой волости: Ягодной-Поляпѣ и Побочной, по 5-й ревизіи 1788 года числилось 400 душъ мужск. пола и 400 женскаго, итого 800 душъ обоего пола; къ

1 января 1879 г. въ этихъ двухъ колоніяхъ считалось 4153 души мужскаго пола и 4186 женскаго, всего 8339 душъ обоего пола нѣмцевъ; слѣдовательно населеніе увеличилось въ 90 лѣтъ болѣе чемъ въ 10 разъ, не включая выселившихся съ 1857 года изъ этихъ двухъ колоній въ Самарскую губернію 1.724 ревизскихъ душъ, что дало-бы значительную цифру прироста. Болѣе половины здѣшнихъ колонистовъ почти совершенно не говорятъ по-русски, что же касается до женщинъ, то едва ли найдутся двѣ или три въ каждомъ селеніи, умѣющихъ сказать нѣсколько русскихъ словъ. Колонисты на русскихъ не женятся, обрядовая жизнь не поддавалась до сихъ поръ обрусѣнію и сохранилась болѣе столѣтія совершенно своеобразною.

Изстари существуютъ въ нашемъ простомъ народѣ свои повѣрья и предразсудки; глубоко пустили они корни въ той средѣ, куда не заглядывало не только образованіе, но и грамотность, гдѣ дѣти жили, думали и смотрѣли, какъ ихъ прадѣды, гдѣ недавно еще слышалось: «къ чему грамота, мы и наши дѣды жили безъ нея, да безъ хлѣба не сидѣли; грамотные люди отцу, матери не почетчики. они имъ говорятъ: вы въ лѣсу росли, пеньку молились». И дѣти вѣрили грубымъ разсказамъ о колдунахъ, вѣдьмахъ, домовыхъ, лѣшихъ, проклятыхъ, русалкахъ и проч. «Дѣдушка мой самъ мнѣ говорилъ, — разсказываетъ въ с. Колѣнѣ, Аткарскаго уѣзда, пожилой крестьянинъ,—что былъ на свадьбѣ и видѣлъ *колдуна:* сидѣлъ онъ на почетномъ мѣстѣ и всѣ ему кланялись, угощали его на славу и ни въ чемъ не перечили, а то испортитъ; три изъ нашего села *кличутъ* *) отъ него, да двое ходятъ на четверенькахъ. Жилъ онъ долго, нажилъ денегъ пропасть, а какъ сталъ умирать, такъ *коньк ломали* **); въ полночь всталъ онъ изъ гроба и бѣгалъ за дьячкомъ, который читалъ

*) Кличутъ *кликуши* или испорченныя, чаще всего женщины. *Кликанье* есть истерическій прерывистый крикъ. *Кликуши* были очень часты въ крѣпостное время, когда большая часть лѣнивыхъ бабъ притворялись испорченными, чтобы не ходить на барщину; ихъ пронзительный, судорожный крикъ, лаяніе, кудахтанье часто раздавались въ деревенскихъ церквахъ во время Херувимской и передъ причастіемъ, производя на насъ, дѣтей, непріятное впечатлѣніе. Теперь съ уничтоженіемъ крѣпостного права *кликуши* стали очень рѣдки. Кликуши были и въ старину на Руси. Изъ дѣлъ бывшаго Вольскаго духовнаго правленія (Труды Сарат. ученой архивной Коммиссіи, т. II, вып. 2. 1888) видно, что 13 мая 1773 г. послѣдовалъ указъ св. синода о воспрещеніи духовенству пѣть молебны и читать слово Божіе надъ *кликушами* и прочими порченными людьми, о которыхъ «не иное должно имѣть разсужденіе, какъ о прямомъ притворствѣ, и обманѣ, и суевѣріи».

**) Есть повѣрье, что *колдунъ* не можетъ умереть безъ того, чтобы не сломали крышу надъ тѣмъ домомъ, гдѣ онъ кончается. *Коньком* называется верхъ крыши.

псалтырь; а зарывали его, такъ въ могилу *заколотили осиновый колъ*, чтобы не могъ встать» *).

Въ Саратовской губерніи народъ вполнѣ вѣритъ, что колдунъ можетъ *портить* людей, *наговоривъ* на воду, на хлѣбъ, *пустивъ по вѣтру* или *вынувъ слюдъ*. *Порчу* считаютъ двоякою — или на смерть, или съ возможнымъ выздоровленіемъ: въ послѣднемъ случаѣ надо обратиться къ испортившему или другому сильнѣйшему *знахарю;* плохой можетъ только раздражить сидящую въ больномъ нечистую силу.

Въ Полчаниновской волости, Саратовскаго уѣзда, многіе еще твердо вѣрятъ въ чародѣйскую силу *колдуновъ*. Изъ разсказовъ видно, что эта сила дѣйствуетъ только на другихъ, но сами себя они никогда и ни во что превратить не могутъ, т. е. не въ состояніи быть *оборотнями* (по повѣрьямъ другихъ мѣстностей края, колдунъ можетъ обратиться въ звѣря, въ птицу, рыбу и проч., что увидимъ ниже). Вѣрятъ вполнѣ, что колдуны имѣютъ при себѣ какія-то записки или маленькія книжки, которыхъ никто не видитъ и не знаетъ, что въ нихъ написано; записки эти они всегда носятъ въ тайнѣ, подъ пяткой въ сапогѣ или лаптѣ; если колдунъ неграмотный, то можетъ также дѣйствовать какъ грамотный, такъ какъ достаточно того, что онъ носитъ при себѣ эти таинственныя письмена. Причиняютъ эти лихіе люди вредъ обыкновенно тѣмъ, на кого злы. Они «портятъ», *навышиваютъ килу* какъ скотинѣ, такъ и человѣку **), и *сажаютъ бѣса* черезъ наговоръ на какую-либо

*) *Забиваніе кола въ могилу* встрѣчается и у румынъ: они вѣрятъ, что рыжій человѣкъ послѣ смерти можетъ являться собакой или лягушкой, а также обращаться въ клопа или блоху и пить кровь молодыхъ дѣвушекъ; чтобы избѣжать этого, румыны крѣпко заколачиваютъ гробъ рыжаго покойника, а могилу прокалываютъ коломъ.

**) Крестьяне Полчаниновской волости (1885 г.) до сихъ поръ вполнѣ убѣждены, что колдунъ можетъ *подвѣсить килу* (шишку, опухоль, грыжу) какъ человѣку, такъ и животному, глазомъ, по вѣтру или наговоромъ. Они называютъ нѣсколько такихъ злыхъ людей: въ дер. Ѳедоровкѣ Игната Семенова Арсапохина (наказаннаго 10 ударами розогъ за угрозы, по рѣшенію волостнаго суда 17 мая 1885 г., № 40), въ дер. Катаровкѣ Ивана Тимоѳеева и другихъ, вполнѣ убѣжденные въ указываемыхъ ими случаяхъ. Тотъ, у кого покажется кила или шишка, идетъ къ извѣстному *знахарю*, какъ напр. къ Степану Жукову и другимъ, которые *отвязываютъ килу*. Въ 1886 г. умеръ въ дер. Ѳедоровкѣ крестьянинъ Ѳедотъ Евстифѣевъ; между его братьями и вдовой покойнаго Афросиньей затѣвается тяжба о раздѣлѣ имущества; черезъ нѣсколько времени одинъ изъ

вещь или же просто однимъ взглядомъ: въ наговоренной вещи засядетъ нечистый духъ, и колдунъ либо передаетъ ее самъ въ руки, или бросаетъ, куда ему нужно; въ послѣднемъ случаѣ, въ перваго поднявшаго входитъ нечистая сила и дня черезъ два или три онъ начинаетъ бѣситься. Вотъ почему крестьяне очень осторожны при находкахъ: нашедши на дорогѣ или въ полѣ какую-либо вещь, онъ творитъ молитву и сдуваетъ съ нея нечистую силу; тогда наговоръ исчезаетъ и нѣтъ опасности взять находку въ руки. Когда человѣкъ подвергнется *порчѣ* и въ немъ сидитъ нечистый духъ, то другіе, легковѣрные, приходятъ къ нему ворожить: кто о пропажѣ, кто о своей будущности, а иной просто изъ любопытства, и если нечистый духъ захочетъ открыть тайну, то *сказываетъ*, но бываютъ случаи, что и *не сказываетъ*. Прежде чѣмъ идти ворожить, надо обязательно узнать имя и отчество нечистаго духа (имя это непремѣнно мужескаго рода, будь испорчена баба или дѣвка) и тогда, подходя къ нему, надо назвать его именемъ, отечествомъ и сказать: «я-де пришелъ или пришла поворожить о томъ-то»; духъ начинаетъ биться, кричать и черезъ нѣсколько минутъ падаетъ со всего размаху на полъ; съ полъ-часа лежитъ совершенно бездыханный, неподвижный трупъ; въ это время, говорятъ, духъ вылетаетъ изъ человѣка и рыскаетъ по свѣту, отыскивая то, о чемъ просили. Наконецъ духъ возвращается и входитъ опять въ тѣло испорченнаго, члены начинаютъ шевелиться, руки и ноги размахиваются, глаза открываются большіе, бѣлые, горящіе огнемъ; одержимый бѣсомъ быстро вскакиваетъ и, садясь въ углу на скамьѣ, начинаетъ сказывать, что то-то найдется или нѣтъ, того-то нужно ожидать.

Говорятъ (Полчанновская волость), что для открытія въ селѣ колдуновъ существуетъ слѣдующій способъ. Въ продолженіи всего Великаго поста, каждый понедѣльникъ надо рубить дрова и всякій разъ бросать по нѣскольку полѣнъ на подловку (чердакъ),

---

братьевъ, Данила Евстифѣевъ, умираетъ отъ грыжи, потомъ начинаетъ болѣть скотина другого Евстифѣева Михаила (бывшаго волостн. старшиною), на шеяхъ коровъ показываются шишки, и вскорѣ заболѣваетъ грыжей и Михайла: явилось въ народѣ полное убѣжденіе, что это вдова Афросинья по злобѣ портитъ и навѣшиваетъ на нихъ килы. Мнѣ едва удалось уговорить Михайлу обратиться не къ знахарю, а къ врачу, и теперь онъ поправился.

а въ заутреню на Пасху собрать всѣ эти полѣнья, затопить печь; узнавъ объ этомъ черезъ посредство нечистой силы, колдуны непремѣнно явятся просить чародѣйскаго огня, противиться ихъ требованію не слѣдуетъ. Есть еще повѣрье въ народѣ, какъ узнавать колдуновъ: надо на Вербное Воскресенье взять покрупнѣе восковую свѣчку и зажигать ее всю Страстную недѣлю на столняхъ и на Пасху у заутрени; затѣмъ надрѣзать кору на яблонѣ и заткнуть эту свѣчу за корой, внизъ фитилемъ, оставить такъ до слѣдующей Пасхи, на цѣлый годъ; тогда передъ заутреней ее вынимаютъ, такъ чтобы никто этого не видалъ, идутъ съ ней къ заутрени и зажигаютъ ее, послѣ чего она становится чудодѣйствующей: стоитъ лишь повернуть эту свѣчу фитилемъ къ низу, то колдуны, находящіеся въ церкви, станутъ къ верху ногами.

Къ концу зимы 1881 года явилась въ сельцо Песчанку (Саратовскаго уѣзда) какая-то *знахарка* изъ г. Петровска; къ ней, за недостаткомъ медицинской помощи въ нашемъ околодкѣ, обращались многіе изъ крестьянъ. Эксплуатируя народъ, знахарка эта объявила, что по тайной наукѣ ей извѣстно, что въ Песчанкѣ много *колдуновъ* и *вѣдьмъ*, предлагая за 10 рублей выгнать ихъ всѣхъ. Отвѣтъ сельчанъ былъ очень практичный: «мы дадимъ 10 рублей, да ихъ души лягутъ повинностью на міру; такъ пусть лучше останутся».

Мнѣ довелось (въ 1887 году) говорить съ молодыми парнями 20—25 лѣтъ, изъ с. Полчаниновки и дер. Ѳедоровки (Саратовскаго уѣзда): они вполнѣ вѣрятъ въ колдуновъ, въ ихъ порчу и навѣшиваніе килъ. «Завелись и у насъ въ Полчаниновкѣ колдуны Христоforъ Романовъ и Филатъ Семеновъ; послѣдній, когда въ свадебномъ поѣздѣ лошади не трогались съ мѣста и становились на дыбы, подошелъ къ нимъ и крикнулъ: «ей вы,—я самъ тутъ!» и поѣздъ тронулся во всю прыть; на другой свадьбѣ заставилъ Филатъ гостей обнимать и цѣловать *сохи* (столбы, поддерживающіе навѣсы на дворахъ). На сходѣ хотѣли его побить за колдовство,—такъ носъ закрываетъ; извѣстно, что ежели колдуну разбить носъ до крови, обтереть эту кровь тряпкой и сжечь ее, то колдунъ небудетъ ужъ въ силахъ колдовать».

Многихъ изъ атамановъ разбойниковъ народъ считалъ колдунами. Я не буду приводить слишкомъ извѣстныя легенды о Стенькѣ

Разинѣ, по передамъ разсказъ села Белгазы-Маматовки (Аткарскаго уѣзда): «Въ рѣкѣ Белгазѣ подъ селомъ, между Жадовымъ и Страховымъ оврагами, никогда не кричали лягушки, хотя ихъ здѣсь и много, между тѣмъ какъ крикъ ихъ раздается по остальной части рѣчки». Народъ объясняетъ это явленіе слѣдующимъ обстоятельствомъ: «Лѣтъ сто тому назадъ, когда въ окрестностяхъ Маматовки водились разбойники, одна изъ шаекъ получила извѣстіе, что ночью пріѣдетъ въ Белгазу проѣзжій богатый купецъ съ товарами; разбойники расположились караулить его немного выше села въ Жадовомъ оврагѣ (другіе же говорятъ въ Страховомъ), черезъ который пролегала дорога. Ночь была темная, лягушки страшно кричали въ рѣкѣ и озерахъ; разбойники просидѣли въ оврагѣ до свѣта и не слыхали никакого движенія по дорогѣ. Поутру же узнали они, что купецъ проѣхалъ Белгазу передъ разсвѣтомъ и догадались, что виною ихъ неудачи былъ громкій крикъ лягушекъ. Атаманъ былъ колдунъ и въ досадѣ наложилъ на лягушекъ *заклятіе*, чтобы онѣ сто лѣтъ не кричали; могучее *слово* атамана кончилось недавно: года четыре (разсказъ 1868 года) какъ лягушки стали кричать снова». Послѣднее подтверждали мнѣ священники Михаилъ Павловичъ и Андрей Михаиловичъ Розановы; они говорили, что дѣйствительно лягушки стали кричать въ Белгазѣ не болѣе четырехъ лѣтъ, прежде же Михаилъ Павловичъ, живущій здѣсь съ 1826 года, ни разу не слыхалъ ихъ крику.

Въ селѣ Голицынѣ, Аткарскаго уѣзда, въ 1807—1812 годахъ разбойничалъ нѣкто Голяевъ; преданіе считаетъ его колдуномъ, который *заговаривалъ* ружья, сабли, и былъ способенъ *оборачиваться* въ разныхъ животныхъ, причемъ нерѣдко изъ-подъ носа своихъ преслѣдователей улеталъ въ видѣ птицы — яснаго сокола. Въ народѣ часто встрѣчаемъ преданія о колдовствахъ разбойниковъ: «Плывутъ они, бывало (разсказываютъ въ г. Хвалынскѣ), по Волгѣ на кошмѣ (войлокѣ), а сами въ карты играютъ». На Чагрѣ (въ 25 верстахъ выше г. Хвалынска) былъ въ старину разбойникъ Водкинъ, умѣвшій заговаривать пули; поймали его въ дер. Оедоровкѣ и связали ему руки; онъ попросился къ Волгѣ напиться и, подойдя къ водѣ, нырнулъ въ рѣку, очутился на противуположномъ берегу, поблагодарилъ караульныхъ, что напоили, и скрылся. Въ Вольскомъ уѣздѣ представляютъ легендарной личностью раз-

бойника Андрюшку Голощапа, приписывая ему сверхъестественныя свойства. Село Лохъ, Саратовскаго уѣзда, полно баснословными преданіями о знаменитомъ атаманѣ разбойниковъ—*Кудеярѣ*, перескакивавшемъ на богатырскомъ конѣ своемъ Соколѣ съ Маруповой на Кудеярову гору, заколдовывавшемъ оружіе и творившемъ множество другихъ чудесъ. Лоховчане и окольные жители вѣрятъ, что Кудеяръ, уже древній старецъ, еще живетъ до сихъ поръ въ невидимой землянкѣ своей горы около с. Лоха. Народъ увѣренъ, что многіе острожники умѣютъ заговаривать кандалы, которые при этомъ соскакиваютъ у нихъ съ рукъ и ногъ. Въ такомъ убѣжденіи были жители с. Колѣна (Аткарскаго уѣзда) и окрестностей, въ 1860 годахъ, о дезертирѣ Петрушкѣ (Петрѣ Александровѣ Тенловѣ), извѣстномъ грабителѣ того времени; его считали колдуномъ и утверждали, что при преслѣдованіи онъ исчезалъ мгновенно изъ глазъ. Въ прошломъ столѣтіи (дѣло Шацкаго архива 1770 г.) вѣрили, что ежели колодникъ достанетъ мертвую человѣческую руку, то можетъ навести ею сонъ на караульныхъ. Въ народныхъ разсказахъ о волжскихъ разбойникахъ нерѣдко встрѣчается, что пойманные и засаженные въ крѣпкія стѣны остроговъ, они спасались колдовствомъ: «начертятъ на полу тюрьмы мѣломъ или углемъ лодку и весла, сядутъ въ нее и вынесутся на широкую раздольную Волгу».

Малороссы называютъ колдуновъ *чаровники* и *чаровницы*. Въ с. Сокурѣ (Саратовск. уѣзда) малороссіянка Прасковья Кухарева, старуха 90 лѣтъ, говоритъ, что слышала отъ своихъ родныхъ старожиловъ, что въ Сокурѣ въ прежнее время было много колдуновъ, которые посредствомъ сближенія съ злыми духами околдовывали женщинъ, дѣвушекъ и мужчинъ, причемъ разсказываетъ слѣдующій случай. Малороссъ с. Сокура, крестьянскій парень Петръ Кутейниковъ, крѣпко полюбилъ красавицу малороссіянку Улиту Кухареву и желалъ взять ее за себя; Улита же Петра не любила и на вечеринкахъ смотрѣла на него съ отвращеніемъ и относилась къ нему съ пренебреженіемъ, отдавая преимущество передъ всѣми другими парнями, полюбившемуся ей, Егору Передріеву. Замѣтивъ это Кутейниковъ задумалъ отомстить Кухаревой самымъ жестокимъ образомъ, почему и обратился къ чаровнику, крестьянину Игнатію Иванову Скиданову, повѣдавъ ему тайну своего сердца и

давъ приличное вознагражденіе. Скидановъ приказалъ ему вырѣзать изъ косы Улиты нѣсколько волосъ и принести ему. Кутейникову скоро представился случай выполнить это приказаніе: Кухарева была повѣнчана и оставалось лишь совершить обрядъ *покрыванія* (см. ниже: Малороссійская свадьба), на который и пришелъ Кутейниковъ съ злымъ умысломъ похитить волосы Улиты. Ему удалось отрѣзать клочекъ волосъ изъ ея косы и убѣжать сейчасъ же къ чаровнику Скиданову, которому онъ и передалъ ихъ, прося какъ можно безчеловѣчнѣе отомстить красавицѣ за отвергнутую любовь его. Скидановъ взялъ эти волосы и замазалъ ихъ въ чело печи, сказавъ Петру, чтобы шелъ домой и былъ спокоснъ, такъ какъ все исполнится по его желанію. Въ тотъ же вечеръ, какъ только волосы Кухаревой были замазаны въ чело печи, несчастная дѣвушка начала грустить и тосковать, такъ что свѣтъ Божій сталъ ей не милъ. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, изнывшая отъ неопредѣленной тоски Улита умерла, оставивъ вдовцомъ любимаго и любившаго ее мужа. Когда покойницу *взрѣзали* (вскрыли), то сердце ея оказалось все исколото, какъ бы иглами. Было это лѣтъ 50 тому назадъ. (Разсказъ 1886 года).

За колдуномъ слѣдуетъ *знахарь*, почти тоже что колдунъ: его почитаютъ на свадьбахъ и вообще народъ имѣетъ къ нему большое уваженіе. *Знахарь* и *знахарка* (мѣстами называется *бабушка*) лѣчатъ отъ разныхъ болѣзней, снимаютъ порчу и угадываютъ, кѣмъ что украдено и гдѣ положено. Эти знахарки (бабушки или лѣкарки) приносятъ много зла своимъ леченіемъ: такъ во многихъ деревняхъ Саратовской губерніи (напр. село Галахово, Аткар. уѣзда), до развитія медицинскихъ средствъ земства въ 1870-хъ годахъ, гнѣздился сифилисъ, который народъ называетъ *французской* или *дурной* болѣзнью, проявлявшійся часто въ застарѣлыхъ вторичныхъ и третичныхъ формахъ; единственное средство употреблявшееся знахарками противъ этой болѣзни, отчасти и теперь не выведенное въ народѣ, было обычное деревенское леченіе *окуромъ*: это страшное зло, превосходящее часто своими дурными послѣдствіями самую болѣзнь, съ трудомъ искореняется въ народѣ, который вѣритъ въ этотъ способъ леченія. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: когда *дурная* болѣзнь (часто просто простуда) вступитъ въ горло или проявится въ другихъ застарѣлыхъ формахъ, то

больной идетъ къ знахаркѣ, которая *сажаетъ его на окуръ*, хотя бы это былъ ребенокъ, для чего она беретъ киноварь, толчетъ ее и сыплетъ въ жаровню или горшокъ съ горячими углями; больной садится надъ этимъ куревомъ и его покрываютъ шубами, онъ вдыхаетъ этотъ дымъ и до тѣхъ поръ сидитъ на *окурѣ*, пока съ нимъ не сдѣлается дурно и десны до того ослабѣваютъ, что зубы шатаются. Окуръ дѣлается одинъ разъ, потомъ больного кладутъ въ постель и накрываютъ шубами. Если больной послѣ окура выйдетъ на холодъ или выпьетъ холоднаго, то бываютъ случаи смерти. При этой болѣзни и многихъ другихъ въ особенности глазной, лекарки часто прикладываютъ сулему, что встрѣчается какъ у русскихъ такъ и мордвы Саратовской губерніи.

Проклятый (повѣрье села Колѣна Аткарскаго уѣзда) — тотъ, кого прокляла мать за непочтеніе къ ней. Живутъ они въ водѣ или лѣсу, ночью выходятъ на дорогу и предлагаютъ прохожему проѣхать на ихъ лошадяхъ, но тотъ, кто къ нимъ сядетъ, останется у нихъ навсегда.

Лѣтъ 200 или 300 тому назадъ,—разсказываютъ дѣды своимъ внучатамъ (с. Колѣно),—жили въ Кіевѣ лѣшіе, разошлись они по землѣ. *Лѣшій*—тотъ же проклятый человѣкъ; живутъ они въ большихъ лѣсахъ и болотахъ, постоянно хохочутъ; кто имъ попадется, того защекочутъ до смерти *). *Проклятые, опившіеся, утопленники, колдуны* и прочіе по смерти выходятъ изъ могилъ и бродятъ по свѣту; ихъ, говорятъ, земля не принимаетъ: «тѣло ихъ все тлѣетъ, а тѣнь бродитъ по свѣту; и дивныя дѣла творятъ ихъ тѣни».

Малороссы тоже вѣрятъ въ лѣшихъ, проклятыхъ и русалокъ. *Лѣшіе*, по словамъ старожиловъ малороссовъ с. Сокура (Саратовскаго уѣзда; 1886 г.), живутъ въ лѣсахъ при рѣчкахъ: «это люди, проклятые своими матерями еще въ ихъ чревѣ и пропавшіе послѣ рожденія не крещенными». Нѣкоторые изъ старожиловъ видѣли въ лѣсахъ лѣшихъ. Приведу два разсказа о подобныхъ встрѣчахъ:

---

*) Чудь называетъ лѣшаго: метцъ-хиннэ; живетъ онъ въ лѣсахъ, а въ водѣ ведэ-хиннэ (водяной). Тѣже представленія о лѣшемъ какъ у русскихъ, существуютъ и у бѣлоруссовъ.

«Въ лѣсу была пригородь; пастухи варили поздно вечеромъ кашу и пошли загнать быковъ; возвращаясь, видятъ, что какой-то человѣкъ хлебаетъ кашицу; они спросили его, кто онъ, и тотъ отвѣчаетъ имъ, что его отецъ и мать прокляли по лѣсамъ ходить; затѣмъ онъ исчезъ. Пастухи не рѣшились ѣсть кашицу послѣ лѣшаго и отдали ее воламъ». Лѣшаго видѣлъ также крестьянинъ малороссъ с. Сокура, Ефимъ Осиповъ Шевченко: «Пасъ онъ ночью воловъ на лѣсной полянѣ; по случаю холода развелъ костеръ и сѣлъ возлѣ него погрѣться; вдругъ слышитъ въ дали отчетливый хохотъ, который постепенно приближался; смѣхъ прерывался иногда глухими стонами — уффъ! и затѣмъ вовсе замолкалъ. Шевченко струхнулъ не на шутку, такъ что волосы поднялись у него дыбомъ, и онъ хотѣлъ уйти, но лишь поднялся съ мѣста, какъ увидалъ не въ далекѣ идущаго къ нему человѣка, совершенно голаго и обросшаго длинными волосами, который, не доходя до него сажень трехъ, сказалъ: «Дай мнѣ кусокъ хлѣба, я сильно голоденъ; но брось его лѣвой рукой на отмашь». Шевченко исполнилъ просьбу лѣшаго, тотъ схватилъ хлѣбъ, съѣлъ его, затѣмъ захохоталъ, свиснулъ, уфнулъ и исчезъ изъ виду».

По разсказамъ старожиловъ-хохловъ, лѣтъ 150 тому назадъ въ с. Сокурѣ было громадное и глубокое озеро, вокругъ котораго росъ лѣсъ сокорникъ (осокорь); въ этомъ озерѣ водились *русалки*. Въ глубокую полночь, при лунномъ сіяніи, всплывали на поверхность озера красивыя нагія дѣвы съ распущенными длинными волосами и съ хохотомъ плескались водою; но преимущественно показывались они на *Русальское воскресенье*, которое бываетъ въ четвергъ послѣ Троицына и Духова дней, и очень чтится всѣми малороссіянками, называющими его не иначе какъ *Великъ-день*, въ который они не берутся ни за какую работу. Въ этотъ *русальскій день* дѣвки не ходили купаться, потому что русалка на смерть защекочетъ въ водѣ, причемъ несчастная жертва умираетъ съ хохотомъ. Старуха Прасковья Максимова Кухарева разсказываетъ, приводя свидѣтелями многихъ старожиловъ, случай, бывшій въ Сокурѣ съ малороссіянкой Аксиньей Черниченко, которая на русальское воскресенье рано утромъ полоскала бѣлье и была втащена русалками въ воду, гдѣ они и защекотали ее до смерти. Малороссы вѣрятъ, что противъ русалокъ есть средство, для чего

дѣвки рвали въ четвергъ *полынь* и вплстали се въ косы: русалка не станетъ щекотать ту, у которой волынь *).

Простой народъ убѣжденъ, что въ каждомъ домѣ живетъ невидимая сила — *домовой*; онъ больше хозяина и потому въ народѣ его часто называютъ *хозяиномъ* (Колѣнская волость). Домовой привередливъ: не взлюбилъ онъ скотины—сбывай ее поскорѣе. Случилось вотъ что (с. Колѣно): купитъ мужикъ, напримѣръ, сѣрую лошадь, пройдетъ нѣсколько дней, лошадь начинаетъ худѣть, ѣстъ мало, вмѣсто корма лежитъ въ колодѣ навозъ; значитъ, домовой не любитъ лошадь (масть не въ руку), хозяинъ долженъ ее продать и купить такую, которая бы нравилась домовому. Если онъ полюбитъ лошадь, то у нея на другой же день *заплетена грива* **) и по вечерамъ, безъ помощи хозяина, домовой носитъ съ гумна вязанки сѣна. Домовой предвѣщаетъ добро и худо посредствомъ разныхъ звуковъ, слышныхъ изъ фундамента или изъ запечки, гдѣ онъ обыкновенно живетъ; часто *душитъ* онъ ночью ***); покажется утромъ синее пятно на тѣлѣ, никто не разувѣритъ мужика или бабу, что ихъ *не щипалъ домовой* (Аткарскій уѣздъ). Стоитъ имѣть только смѣлость, какъ вѣритъ народъ, ощупать домового, когда онъ *душитъ* ночью, и спросить: «къ худу или добру», то можно узнать, что онъ предвѣщаетъ: ежели домовой—мохнатый, теплый и скажетъ: «къ добру» то хозяинъ смѣло можетъ ожидать благополучія, въ противномъ случаѣ несчастія. По понятіямъ крестьянъ с. Полчаниновки (Саратовскаго уѣзда) домовой занимаетъ видное мѣсто въ народной демонологіи: это—нечистый

---

*) Въ бродячихъ мертвецовъ и проклятыхъ вѣрятъ Греки, называя ихъ *вриколаки*, Албанцы—*вурвулаки*, Сербы—*вукодлаки*: это отлученные отъ церкви, колдуны и проклятые родителями. Греки вѣрятъ, что особенно вредные изъ нихъ сосутъ человѣческую кровь и питаются печенью. Вѣрованіе въ русалокъ мы встрѣчаемъ у болгаръ и у сербовъ (вилы, самовилы). Въ Литвѣ сильно распространена вѣра въ русалокъ. У новогородцевъ *русальская недѣля* идетъ тотчасъ за Троицынымъ днемъ. У бѣлоруссовъ праздникъ русалокъ начинается на другой день послѣ Троицы; тамъ вѣрятъ, что русалки живутъ въ рѣкахъ и озерахъ и появляются также въ рощахъ, гдѣ качаются на вѣткахъ деревьевъ.

**) У лошадей часто сбивается грива; народъ и многіе кучера дотого вѣрятъ, что это ночная работа домового, что ни за что не распутаютъ ее, чтобы не обидѣть домового и не накликать бѣды на лошадь.

***) Коттмаръ — народъ принимаетъ за проказы домового и тотъ, съ кѣмъ подобный случился, говоритъ, что его ночью *душилъ домовой*.

духъ и крестьянинъ убѣжденъ, что нѣтъ жилого дома, гдѣ бы не существовалъ домовой; живетъ онъ больше въ избѣ подъ печкой, на чердакѣ и въ конюшнѣ подъ колодой; отъ него все добро и зло хозяину и домашнему скоту. Когда крестьянинъ переходитъ изъ старой избы въ новую, то непремѣнно долженъ звать съ собою домового, говоря: «домъ домовой, пойдемъ жить со мной». Нѣкоторые изъ полчанновцевъ (разсказы 1880 года) увѣряли, что видѣли домового: «Было это въ старой избѣ; довелось выйти въ сѣни, вдругъ на перекладинѣ вижу—лежитъ фигура, похожая на человѣка, черная какъ уголь, длинная сажени въ три, почти въ длину всего переклада; только увидала меня, какъ тотъ часъ скрылась неизвѣстно куда». Есть повѣрье у мѣщанъ г. Саратова, что можно видѣть домового; для этого нужно между заутреней и обѣднёй на Пасху влѣзть на подловку (чердакъ): онъ сидитъ около трубы—старый, сѣдой, стриженый, съ свиной щетиной на головѣ; но кто его увидитъ, долго не проживетъ. — Въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ на заговѣнье (наканунѣ поста) домохозяинъ или жена его относятъ на чердакъ кусокъ мяса или чашку молока *заговѣться хозяину* (домовому); на утро, какъ увѣряетъ народъ, тамъ ничего не останется *).

«Летаетъ *огненный змѣй* по свѣту, разсыпается онъ въ полночь на крышѣ дома, гдѣ покойникъ, и является плачущимъ — мужу умершей и женѣ умершаго; обращается въ оплакиваемаго, поздоровается и начнетъ говорить, только шопотомъ, и не велитъ никому сказывать; приноситъ съ собой лакомства и деньги; по утру лакомства обращаются въ камни, а деньги въ черепки». Приведу разсказъ, которому вѣритъ простонародье с. Колѣна

*) Тоже вѣра въ домоваго встрѣчается у черногорцевъ: ежели трудно дышать во снѣ, то они говорятъ, что давитъ *мора* (кикимора) — нашъ домовой. Шведы и норвежцы тоже вѣрятъ въ существованіе домового, по ихъ воображенію маленькаго, трудолюбиваго старичка; въ ночь подъ Рождество въ каждомъ домѣ оставляютъ ему: рождественскую кашу, табаку и одежду. — Чудь вѣритъ въ домоваго — *кудинъ ижандъ*, котораго при переходѣ въ новую избу просятъ съ поклонами, обращенными къ печкѣ (за которой онъ живетъ), перейти жить съ ними въ новомъ мѣстѣ. По понятіямъ Чуди, онъ ночью садится на грудь и давитъ спящаго. — Корела называетъ домоваго *куттнень-кейно*; они вѣрятъ тоже, что онъ душитъ ночью спящаго человѣка и что плохо лошади, которую онъ не взлюбитъ.

(1865 г.): «Мертвецы ходятъ къ тѣмъ, кто о нихъ тоскуетъ; у одной женщины отдали въ солдаты мужа, котораго она очень любила; стала она плакать и тосковать; только какъ-то ночью является онъ къ ней; та обрадовалась, угощаетъ его водкой и закуской, спрашиваетъ, какъ и откуда онъ пришелъ; тотъ отвѣчаетъ, что бѣжалъ изъ службы и не велѣлъ никому сказывать, что приходилъ къ ней. Къ утру мужъ ушелъ и солдатка къ удивленію увидала, что все, чѣмъ она его угощала, осталось цѣло, между тѣмъ сама видѣла, какъ онъ ѣлъ и пилъ. Посѣщенія эти продолжались недѣлю; наконецъ она стала сомнѣваться въ мужѣ и высказалась одной набожной старушкѣ; та дала ей святыхъ мощей и велѣла окропить домъ святой водой. Приходитъ ночь, начинаютъ стучаться въ двери и окна, говоря: «пусти, это я пришелъ». Солдатка отвѣчаетъ: «войди». За дверью все стучатся, но никто не входитъ, слышится раздраженный голосъ: «Зачѣмъ ты сказала старой чертовкѣ, что я хожу къ тебѣ; погоди, я съ вами сдѣлаюсь!» Тутъ стали представлятся ей всевозможные ужасы: то домъ трещитъ, какъ будто разрушается, то *огненный клубъ* повиснетъ подъ окномъ; и это продолжалось до пѣтуховъ, сряду три ночи, наконецъ прекратилось.—Послѣ узнали, что мужъ этой женщины умеръ вскорѣ по поступленіи въ службу и во время ночныхъ посѣщеній былъ уже мертвецомъ».

Много разсказовъ есть въ Саратовской губерніи объ *оборотняхъ* и *вѣдьмахъ*: это—мужчина или женщина, которые знаютъ чернокнижіе и съ помощью злыхъ духовъ могутъ обращаться въ разныхъ животныхъ. Эти люди, какъ вѣритъ народъ (Колѣнская волость), въ полночь кувыркаются три раза черезъ огонь на печномъ *шесткѣ*, съ 12 ножами и вилками между пальцами, послѣ чего вылетаютъ въ трубу сорокой и по своему желанію дѣлаются птицей или другимъ животнымъ, ходятъ въ этомъ видѣ по селу, кусаютъ народъ или вовсе заѣдаютъ людей. «Случилось разъ, что *вѣдьма* обратилась въ свинью и напала на парня, который былъ очень силенъ; онъ отрѣзалъ ей ухо и ногу, принесъ домой и положилъ на окно, не сказавъ объ этомъ никому; по утру домашніе увидали на окнѣ человѣческое ухо и кисть руки; начались разспросы. Младшій сынъ разсказалъ, какъ было дѣло: «Иду я вечеромъ поздно съ вечеринки, одинъ безъ товарищей, не дождавшись конца; на встрѣчу

бѣжитъ свинья, прямо на меня, да подъ ноги; я испугался, сотворилъ молитву и читаю Богородицу, а свинья мнѣ все подъ ноги катится; я перекрестился, спялъ съ пояса ножикъ, ухватилъ свинью за ухо и отрѣзалъ его; она все на меня бросается, хочетъ ѣсть; попалась мнѣ палка, я ну ее колотить по ногамъ, да съ досады отрѣзалъ ей ногу; побѣжала отъ меня свинья, ковыляя, съ визгомъ на гумно къ Матренѣ, вдовой старухѣ, что живетъ на задахъ; принесъ я ухо и ногу домой, да положилъ на окно,—былъ я свинью, а не человѣка». Старикъ догадался: «знаю, говоритъ, это *оборотень*, что ходитъ по деревнѣ и заѣлъ-было въ прошломъ году нашу сваху», и объявилъ сейчасъ же міру. Сдѣлали обыскъ и нашли старуху Матрену на печи всю обвязанную и больную; ее освидѣтельствовали: у ней не оказалось уха и на правой рукѣ кисть отрѣзана». Это происшествіе разсказывалъ въ с. Колѣнѣ старикъ 75 лѣтъ, вполнѣ вѣрившій въ достовѣрность этой басни.

Въ с. Полчаниновкѣ, Саратовскаго уѣзда, одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ разсказывалъ (въ 1880 году) слѣдующій случай: «Довелось мнѣ въ молодости быть съ товарищемъ на берегу пруда по Сокуркѣ, котораго теперь и слѣдовъ нѣтъ; было уже поздно и мы хотѣли сходить домой, такъ какъ лошади, которыхъ мы стерегли, спокойно паслись на лугу; пройдя немного, слышимъ мы вдругъ, не вдалекѣ отъ насъ, какое-то жалобное завываніе, точно крикъ какого-то большаго животнаго; мы прислушивались съ полчаса, намъ стало страшно, въ особенности товарищу, который былъ моложе меня; я рѣшился узнать, что это такое, и пошелъ туда, гдѣ слышался этотъ крикъ, который раздавался все громче, по мѣрѣ того, какъ я подходилъ; сдѣлалъ я еще нѣсколько шаговъ, и передомной словно изъ земли выросла человѣчья фигура, высокая, съ длинными черными, всклокоченными волосами, съ громадной головой и рогами. Я былъ увѣренъ, что передо мною чортъ и, страшно испугавшись, сталъ творить молитву, сначала про себя, а потомъ вслухъ; онъ не пропадаетъ, но только, что я успѣлъ досказать послѣднія слова, какъ привидѣніе мгновенно бросилось въ воду и исчезло. Не помню, долго ли я со страху стоялъ тутъ оцѣпенѣвши, и затѣмъ едва добрелся до товарища, которому ничего не могъ тутъ разсказать; только на другой день очнулся и передалъ видѣнное мною односельчанамъ». Подобный же раз-

сказъ сообщенъ другимъ старикомъ: онъ видѣлъ такое же явленіе, на томъ же мѣстѣ, но только не темную, а свѣтлую фигуру, тоже исчезнувшую въ водѣ.

Полчанновцы говорятъ, что *вѣдьма* бываетъ всегда *оборотнемъ* и можетъ являться въ разныхъ видахъ. Такъ разсказываютъ, что видѣли долгое время бѣгавшую по селу, по вечерамъ, свинью, которую нѣсколько разъ собирались убить, но та, завидя народъ, убѣгала куда-либо въ глухой уголъ и исчезала мгновенно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будто бы видѣли ночью бочку, которая прокатилась черезъ все село и тоже скрылась: «все это вѣдьмы-оборотни». Вѣдьмы портятъ также, какъ и колдуны, людей и домашній скотъ; разница ея съ колдуномъ и знахаремъ та, что послѣдніе бываютъ по наукѣ, а первая по наслѣдству, такъ, что вѣдьма родится отъ вѣдьмы; отличительный наружный признакъ ея — хвостъ.

Въ с. Озеркахъ, Саратовскаго уѣзда, до сихъ поръ есть повѣрье о томъ, какъ узнавать вѣдьмъ: стоитъ лишь надѣть все совершенно новое — бѣлье, платье и обувь, и идти въ праздникъ къ обѣднѣ; ту изъ бабъ, которая—вѣдьма, онъ увидитъ стоящею задомъ къ алтарю и лицомъ къ выходной двери. Тотъ, на комъ есть что-либо хотя разъ надѣванное изъ одежды, не увидитъ этого, и всѣ бабы, будь между ними и вѣдьма, будутъ стоять лицомъ къ алтарю и иконамъ. Кто увидитъ вѣдьму, описаннымъ способомъ, проживетъ не долго; злые духи и сама вѣдьма отомстятъ смертію за открытіе тайны; поэтому народъ боится ходить во всемъ новомъ въ церковь, чтобы нечаяннымъ образомъ не увидать вѣдьму, повернутой задомъ къ алтарю; въ свою очередь вѣдьмы, зная эту боязнь смерти и что поэтому никто не явится во всемъ новомъ, смѣло посѣщаютъ храмы божіи, не боясь быть открытыми.

Въ с. Широкомъ-Буракѣ (Саратовскаго уѣзда) существуетъ повѣрье, что вѣдьмы по ночамъ доятъ коровъ и *отымаютъ* тѣмъ у нихъ молоко: ежели вѣдьма выдоитъ корову, то у нея пересыхаетъ вымя и она не станетъ болѣе давать молока. Указываютъ на старуху, которая жива до сихъ поръ; разъ ее поймали ночью и отрѣзали косу; она же утверждаетъ, что это мужъ ей выдралъ волосы. Объ этой вѣдьмѣ существуетъ въ с. Широкомъ слѣдующій разсказъ (1886 г.): «Разъ лѣтомъ ночевалъ на одномъ крестьян-

скомъ дворѣ проѣзжій дегтярь. Спалъ онъ на своей телегѣ, проснулся до зари и слышитъ, что кто-то доитъ корову; думая, что это хозяйка, онъ опять легъ и проспалъ до разсвѣта; видитъ — баба идетъ съ дойницею опять къ коровѣ и дегтярь догадался, что ночью доила корову вѣдьма; дѣйствительно хозяйка могла надоить всего съ кружку молока. Онъ сказалъ ей о случившемся и объяснилъ, какъ узнать ту вѣдьму, что отымаетъ молоко у коровъ, для чего посовѣтовалъ ей надоенный послѣ вѣдьмы остатокъ молока вылить на сковороду и поставить на жаръ (горячія уголья): тогда вѣдьма сама сейчасъ же придетъ къ ней. Баба такъ и сдѣлала, и дѣйствительно къ ней тотчасъ же явилась та старуха съ обрѣзанной косой, которая и теперь слываетъ вѣдьмой въ Широкомъ.

Малороссы убѣждены въ существованіи вѣдьмъ и превращеніи ихъ въ разныхъ животныхъ: собакъ, свиней и проч. Старуха Кухарева (село Сокуръ, 1886 г.) передастъ, что, бывъ еще молодой, пошла ночевать по приглашенію къ односельчанкѣ; въ полночь услыхала она шорохъ, стала приглядываться и видитъ, что хозяйка съ черпакомъ, наполненнымъ какой-то жидкостью, входитъ изъ сѣней въ хату; затѣмъ натерлась этой жидкостью, сѣла на кочергу, открыла трубу и вылетѣла въ нее. Кухарева до того перепугалась, что, закрывшись съ головой, не видала, когда та вернулась, и побоялась разспрашивать ее о ночномъ путешествіи. Разсказываютъ еще въ Сокурѣ, что тамошній крестьянинъ Кондратій Филипенко шелъ близь полночи домой изъ шинка; вдругъ изъ-за угла хаты выбѣжала свинья и начала бѣгать вокругъ него; Филипенко, хотя и струсилъ, но бросился на свинью, поймалъ ее и хотѣлъ, бывшимъ при немъ ножичкомъ, отрѣзать ей ухо, какъ свинья заговорила человѣческимъ голосомъ: «куманекъ, будь такъ ласковъ, пусти меня, я тебѣ завтра выкуплю дамъ, четверть водки; я—Настасья, жена Михайлы Здражевскаго, и никогда не буду шутить съ тобою». Филипенко сжалился и пустилъ ее.

По убѣжденію хохловъ, вѣдьмы выдаиваютъ коровъ; чтобы узнать, кто изъ бабъ въ селѣ вѣдьма, нужно, по словамъ старухъ, взять отъ великаго четверга кусочекъ сыру и беречь его до Свѣтлаго Христова Воскресенія; въ Пасхальную же утреню положить за щеку и смотрѣть на молящихся: какъ только священникъ ска-

жетъ: «Христосъ воскресе», то всѣ вѣдьмы оборотятся задомъ къ иконамъ и на головахъ ихъ будутъ стоять дойницы (посуда въ которую доятъ коровъ) *).

Мордва Саратовскаго уѣзда (село Оркино, Кучугуры тожъ) вѣрятъ до сихъ поръ въ домовыхъ (*юртъ-ава*), лѣшихъ (*вирь-ава*), водяныхъ (*вядь-ава*) и проч. Мордва крайне суевѣрна и до сихъ поръ не отрѣшилась еще отъ прежнихъ, языческихъ суевѣрій; вездѣ въ природѣ видитъ она таинственную силу духовъ, трепещетъ отъ шума вѣтра въ глухомъ лѣсу или треска дерева; вѣритъ, что колдуны, вѣдуны, знахари и знахарки могутъ принимать на себя видъ волковъ, собакъ, кошекъ, свиней и другихъ животныхъ; вѣритъ, что по селу, въ глухую полночь, ходятъ оборотни и пугаютъ народъ; разсказываютъ, что по ночамъ по с. Оркину ходитъ *бука* (родъ оборотня), съ виду похожій на конну сѣна, бродитъ онъ преимущественно по площади, вокругъ церкви, гоняясь за прохожими; онъ издастъ звуки, похожіе на рычаніе сердитой собаки и, лишь только появится народъ на крикъ попавшагося *буку* человѣка, онъ оставитъ его и пропадетъ среди толпы: «въ землю проваливается, въ тартаръ», — говоритъ Мордва. Однажды, сказываютъ, бука появился въ с. Оркинѣ среди хоровода парней и дѣвокъ, тѣ подняли крикъ; сбѣжавшійся народъ началъ бить буку дубинами, но тотъ вдругъ пропалъ.

Мордва боялась и боится мертвыхъ; между ними нѣтъ такого смѣльчака, который бы пошелъ ночью на гумно, что лежитъ недалеко отъ кладбища: «ну, какъ мертвецъ-то встанетъ». Въ былые годы скоропостижно умершихъ, опойцевъ, утопленниковъ и самоубійцъ хоронила Мордва внѣ кладбища: ихъ зарывали далеко отъ села, въ лѣсу, и Мордвинъ боится ходить туда, потому что похороненный тамъ *убивецъ* бродитъ по лѣсу и пугаетъ своимъ страш-

---

*) Бѣлоруссы вѣрятъ, что *чаровницы* отнимаютъ молоко у коровъ; замѣтивъ, что корова не дастъ молока, хозяйка беретъ *цыдзилку* и варитъ ее въ горшкѣ съ св.-янскимъ зельемъ (собраннымъ на Купалу), отъ чего чаровница тотчасъ заболѣетъ и сама придетъ къ ней просить чего-нибудь взаймы; этимъ способомъ хозяйка сейчасъ узнаетъ ее, но не должна ничего давать ей и ежели чаровницѣ не удастся ничего захватить съ собою, хотя бы щенку или несчинку, то начинаетъ сохнуть, хвораетъ и скоро умираетъ. Шведы и норвежцы вѣрятъ, что вѣдьмы 1 мая выданваютъ коровъ.

нымъ крикомъ, въ особенности подъ вечеръ; на дѣлѣ это кричитъ филинъ, поселившійся въ дикомъ лѣсномъ ущельѣ, но Мордва и слушать не хочетъ такого толкованія. Вѣрятъ они, что *убивецъ* потому ходитъ, что «вѣкъ жизни его не кончился», и будетъ ходить онъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ время, когда бы онъ долженъ былъ умереть своей естественной смертью: тогда ляжетъ онъ въ могилу и не станетъ больше бродить, кричать и пугать народъ.

Подобно Мордвѣ и русское народное воображеніе создастъ, кромѣ колдуновъ, домовыхъ, вѣдьмъ, лѣшихъ и оборотней, много другихъ нечистыхъ или злыхъ духовъ, живущихъ на мельницахъ подъ водяными колесами и проч.; простолюдинъ (Колѣнская волость) убѣжденъ, что ежели человѣкъ удавится или утопится, то на немъ ѣздятъ по ночамъ *они* (т. е. нечистые духи).

Народъ вѣритъ у насъ въ таинственную силу природы и волшебное дѣйствіе многихъ растеній и предметовъ. Таково повѣрье *о разрывъ-травѣ*, связанное съ легендами *о кладахъ*. «Желающіе добыть кладъ (повѣрье Колѣнской волости) берутъ подъ вечеръ *Ивана Купалы* (24 іюня) свѣчи отъ покойниковъ, тѣ самыя, которыя раздаются міряпамъ во время навихиды надъ усопшимъ и утаенныя при этомъ случаѣ, идутъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагаютъ найти кладъ. Взявши ладанницу, окуриваютъ кругомъ то мѣсто до трехъ разъ, вынимаютъ изъ ладаницы уголь, кладутъ его на землю и вздуваютъ оговь, чтобы зажечь восковую свѣчу; какъ покажется огонекъ, то надъ нимъ держатъ немного ломы, щупы, лопаты и начинаютъ рыть кладъ». Но чтобы добыть кладъ безошибочно и безъ труда отыскать мѣсто, гдѣ онъ зарытъ, надо имѣть разрывъ-траву, которая цвѣтетъ въ полночь на Ивана Купалу; никто не видитъ какъ она цвѣтетъ и чтобы добыть ее надо большихъ трудовъ и смѣлости; по словамъ разсказчиковъ, жизнь при этомъ находится въ опасности. «Къ вечеру подъ Ивана Купалу, надо поймать пѣтуха и держать его подъ платьемъ, въ которомъ намѣренъ идти за травой, до тѣхъ поръ пока на селѣ во всѣхъ избахъ покажутся огни, потомъ пести его подъ полою въ лѣсъ и, дождавшись того времени, когда пѣтухъ пропоетъ три раза, начать рвать *вспыхнувшій цвѣтъ*, не обращая вниманія на то, что будетъ представляться глазамъ; тутъ нечистая сила прибѣгаетъ ко всѣмъ хитростямъ, чтобы помѣшать человѣку достать

желаемую траву; тотъ, кто устоитъ противъ всего и сорветъ цвѣтъ, долженъ безъ оглядки бѣжать домой, не отвѣчая ни на какіе вопросы, тогда *трава* останется у него; но ежели скажетъ хотя одно слово, то все пропадетъ и онъ возвращается съ пустыми руками». Большинство считаютъ разрывъ-траву тайнымъ свѣтящимся цвѣтомъ *папоротника* *).

Кромѣ *разрывъ-травы* слывутъ въ народныхъ повѣрьяхъ еще два растенія: *спрыгъ* и *Петровъ крестъ*. Спрыгъ-траву никто не видалъ, а знаютъ, что она нужна для воровъ и разбойниковъ; разсказываютъ, что Степька Разинъ и Пугачь имѣли ее подъ каждымъ погтемъ; многіе разбойники прежнихъ временъ вкладывали подъ ноготь листокъ спрыгъ-травы и не трогали его до тѣхъ поръ,

---

*) Многіе ученые объясняютъ значеніе названія *папороти* отъ пера или крыла птицы и находятъ связь въ миѳическомъ цвѣтѣ его съ Перуномъ. Потебня, говоря *о Купальскихъ огняхъ* (Древности, издан. Импер. Моск. Археол. Общ., 1868, т. I), указываетъ, что человѣкъ не могъ помириться съ мыслью, что *папоротъ* не цвѣтетъ и приписалъ ему таинственный, роскошный, огненный цвѣтокъ, который трудно увидѣть, или какъ говорятъ малороссы: «папороть цвіте безъ усякого цвіту». Папороть, по старинамъ повѣрьямъ, цвѣтетъ въ полночь подъ Ивановъ день: изъ него подымается свѣтлая цвѣточная почка, она движется и прыгаетъ; въ полночь почка съ трескомъ разрывается и распускается огненный цвѣтокъ, блескъ котораго освѣщаетъ все кругомъ; цвѣтеніе сопровождается землетрясеніемъ, громовыми ударами и ослѣпительной молніей; нечистая сила, въ разныхъ видахъ и разными страшными голосами, старается испугать смѣльчака, добывающаго цвѣтокъ папороти, и если онъ испугается, то онъ для него потерянъ. Въ одной сказкѣ чортъ говоритъ: «Я напустилъ 70 чертенятъ на царскую дочь, они сосутъ у нея груди; вылечитъ же ее тотъ, кто сорветъ *жаръ-цвѣтъ* (цвѣтъ папороти), это такой цвѣтъ, что когда цвѣтетъ, то море колышется и ночь бываетъ яснѣе дня». Цвѣтъ папоротника показываетъ своему обладателю, какъ «цвѣтутъ въ землѣ клады»; ему приписываютъ свойства разрывъ-травы (Spring-wurzel, Johannis-wurzel, у нѣмцевъ); послѣдняя считается кореномъ папоротника (filix mas) и разрываетъ запоры; коса, напавши на нее, ломается; если лошадь въ желѣзныхъ путахъ набредетъ на нее, то путы распадаются.

Жители озерной области: Новгородской, Псковской и Олонецкой губерній, говорятъ, что подкараулить минуту, когда цвѣтетъ папоротникъ, такъ трудно, что это случится лишь тогда, когда «ракъ свиснетъ или конь избу подкопаетъ». Подъ Ивана Купалу, говорятъ бѣлоруссы, цвѣтетъ въ полночь папоротникъ (на него нисходитъ огонь Перуна) и вспыхиваетъ яркимъ цвѣтомъ; адскія силы мѣшаютъ сорвать этотъ цвѣтъ. Клады въ эту ночь являются на поверхности земли въ видѣ свѣтящихся огоньковъ, волка и проч.; на сторожѣ каждаго клада стоитъ чортъ. («Живописная Россія» т. III, 1882, ст. Киркора).

пока онъ самъ «не испарйтся». Воръ, обладатель спрыгъ-травы (Spring-wurzel, у нѣмцевъ), подноситъ палецъ къ замку и онъ тотчасъ же *спрыгиваетъ* (отпирается). Говорятъ, что *цвѣтъ орѣхового дерева* имѣетъ ту же силу, какъ и спрыгъ-трава. Корень травы *Петровъ крестъ* отыскиваютъ между заутреней и обѣдней на Ивана Купалу; онъ имѣетъ видъ наперснаго креста и приноситъ большое счастіе. Народное повѣрье приписываетъ всѣмъ лѣкарственнымъ травамъ, собираемымъ между заутреней и обѣдней на Ивана Купалу, особенно цѣлебное дѣйствіе *).

Много повѣрій и преданій слышимъ *о кладахъ* въ Саратовской губерніи. Масса кургановъ, разбросанныхъ по степямъ этаго края, бродившіе здѣсь разбойники и находки денегъ, зарытыхъ въ лѣсахъ, даютъ богатую пищу народному воображенію. По убѣжденію народа, всякій кладъ зарывался въ старину съ *заклятіемъ* и надо знать *слово*, способное его разрушить, тогда онъ *объявится*; иначе исчезнетъ—*уйдетъ въ землю* или *метнется въ сторону*. Въ Несчапкѣ (Озерской волости Саратовскаго уѣзда), при раскопкѣ члепами Саратовскаго Губ. Стат. Комитета кургана въ 1880 году, крестьяне увѣряли, что здѣсь лежитъ зарытый кладъ, такъ какъ проѣзжіе видѣли по ночамъ появлявшагося здѣсь человѣка, а иногда свѣтился здѣсь огонекъ. Изстари ведутся легенды о кладахъ, давно уже ищетъ и ростъ ихъ русскій народъ. Первые годы освобожденія крестьянъ такъ заняли умы, что о нихъ помину не было, но съ 1864 года охотники до подобной наживы, не только крестьяне, но и лица духовнаго званія принялись опять за розыски зарытыхъ сокровищъ. Такъ въ 1864 г. церковный причетъ и нѣсколько дворовыхъ людей принялись разрывать около с. Колѣна, въ «Рѣдкодубѣ», пещеру, извѣстную уже лѣтъ 10 тому назадъ, и Дубовомъ оврагѣ, около дер. Кондрашевки (Колѣнской волости), урочище при рѣчкѣ Студенкѣ: не найдя ничего, они приписывали неудачу колдовству, отъ котораго кладъ *не дастся до времени*, еще не наступившему (кладъ положенъ съ *зарокомъ*). Во второй половинѣ 1860-хъ годовъ, кладоискатели д. Алексѣевки (Колѣнской во-

*) Въ Новгородской губерніи знахарки собираютъ въ ночь подъ Ивана Купалу разныя цѣлебныя травы, почему Купала слыветъ въ народѣ подъ названіемъ *лютыя коренья* или *добрыя травы*.

лости) разыскивали у колдуновъ *планъ* клада, зарытаго въ Алексѣевомъ оврагѣ, но узнали отъ нихъ только, что въ немъ сказано, будто здѣсь зарыты два клада — одинъ въ мѣдной кубѣ, другой глубже, въ пересѣкѣ (распиленной пополамъ бочкѣ): несчастные Гаврила и Алексѣй рыли безъ отдыха по цѣлымъ почамъ, безъ малѣйшаго успѣха, и не только даромъ утомили свои силы, но едва не сошли съ ума, не говоря уже объ упадкѣ ихъ хозяйства. Въ с. Оркинѣ, 80-лѣтній старикъ мордвинъ разсказывалъ, что видѣлъ около Караульной горы торчащій изъ земли край колокола; онъ сталъ его отрывать, но въ то же время позвали его, работавшія вблизи женщины; когда же онъ вернулся, то не нашелъ никакого слѣда: *кладъ ушелъ въ землю.* Подобный разсказъ слышалъ я въ Лоху въ 1880 году: «Пастухъ, пасшій овецъ въ окрестностяхъ с. Лоха (Саратовскаго уѣзда), замѣтилъ торчащее изъ земли ушко котла; онъ сталъ копать и обозначилось уже другое ушко; вдругъ выскочилъ изъ кустовъ заяцъ, прямо къ овцамъ, тѣ шарахнулись и разбѣжались; собравъ ихъ, пастухъ вернулся, но котла и слѣда не было — *онъ ушелъ въ землю.* Недалеко отъ с. Оркина стоятъ двѣ конусообразныя возвышенности, называемыя *Караульными* горами; по преданію здѣсь жили разбойники на сосѣдней горѣ Кявинь-Гардазъ (каменный дворъ). Мордва разсказываетъ, что между обѣими горами *Караульныхъ панд* (горъ), въ долинѣ разбойники имѣли землянки и у нихъ былъ колоколъ, въ который звонили при тревогѣ для сбора шайки; впослѣдствіи, они зарыли все награбленное и самый колоколъ въ землю. Существуетъ у Мордвы легенда, что разъ въ годъ, на Пасху между заутреней и обѣдней, колоколъ и землянки являются въ прежнемъ видѣ: въ одной изъ послѣднихъ горитъ огонь, а на полу и по угламъ лежатъ кучи золота, серебра и разныхъ вещей; тогда же можно войти въ эту землянку до трехъ разъ и брать драгоцѣнности, но при попыткѣ вернуться послѣ третьяго раза, дверь за вошедшимъ смѣльчакомъ затворяется и къ нему является хранитель этихъ сокровищъ, требуя отъ него собственную душу, или душу младенца, или того, что̀ для него всего дороже. Мордва разсказываетъ, что входившіе туда пропадали или нѣмѣли и потомъ отъ испугу скоро умирали; а сжели кто бралъ деньги и возвращался благополучно, то деньги эти впрокъ не шли: червонцы были *неразмѣн-*

мые и возвращались назадъ, а за истраченные цѣлые золотые взявшій ихъ платился ущербомъ въ хозяйствѣ и смертью семейныхъ, наконецъ и самъ онъ дѣлается жертвою сухотки и умираетъ.

Богата легендами *Кудеярова Гора* въ с. Лохѣ, Саратовскаго уѣзда, гдѣ по народному повѣрью хранятся въ пещерѣ за желѣзными дверями громадныя сокровища разбойника *Кудеяра*, но золотой ключъ отъ нея лежитъ въ Симовомъ родникѣ и достать ключъ можетъ лишь тотъ, кто вычерпаетъ этотъ родникъ; къ тому же и самъ Кудеяръ стережетъ свои сокровища. Отъ горы *Круглой*, на восточномъ склонѣ которой расположено село Полчаниновка, къ сѣверу, по Саратовскому уѣзду, черезъ Ягодно-Полянскую волость, село Оркино (Кучугуры тожъ), село Сокуръ, деревни: Косолановка (Яруга тожъ), Красную-рѣчку и Гремячку, на села Лохъ и Новыя-Бурасы тянется сильно волнистая мѣстность съ глубокими долами и ярами, подымающимися возвышенностями, особенно характерными около с. Оркина, гдѣ высятся два конуса *Караульныхъ пандъ* (панда по-мордовски гора), Высокая, *Кявень Гардасъ* (Каменный дворъ) и другія, и село Лохъ, о которомъ я скажу ниже, эти волнистыя возвышенности служатъ водораздѣломъ двухъ бассейновъ Волжскаго и Донскаго. Въ старину вся эта мѣстность была покрыта сплошными лѣсами, тянувшимися далеко къ сѣверу и отмѣченными на картѣ Олеарія 1636 года. Лохъ—большое село Саратовскаго уѣзда, въ 75 верстахъ отъ города Саратова, недалеко отъ границъ Петровскаго уѣзда; его обступили лѣсныя возвышенности, подымающіяся сажень на 60 надъ уровнемъ долова; изъ нихъ: Кудеярова, Марунова и Караульная горы замѣчательны сохранившимися о нихъ народными легендами и кромѣ того Кудеярова гора имѣетъ пещеру; она расположена, въ одной верстѣ на сѣверовостокъ отъ с. Лоха и находится въ ряду другихъ горъ, обступившихъ село съ трехъ сторонъ, подымаясь сажень на 60 изъ долины, и спускается круто въ узкій долъ *Маіоровъ*, по другую сторону котораго поднялась тоже высокая и крутая возвышенность *Марунова*. Рядомъ съ Кудеяровой, немного ближе къ селу, находится очень высокая—Караульная гора; на песчаной ея вершинѣ, между мелкимъ и рѣдкимъ чернолѣсьемъ растутъ нѣсколько старыхъ сосенъ. У подошвы Кудеяровой горы, между нею и Маруновой, бьетъ родникъ, называемый *Симовымъ*; вода его течетъ на

юго-востокъ, образуя ручей *Соколку*, на которомъ расположено с. Лохъ и на протяженіи 3 — 4 верстъ его теченія стоятъ 7 мельницъ лоховскаго общества; за селомъ Соколка соединяется съ другимъ ручьемъ *Лошокъ*, образующимъ по теченію нѣсколько маленькихъ озерковъ; соединенныя воды Соколки и Лошка впадаютъ въ рѣчку Чардымъ, текущую въ Волгу. Въ Лошкѣ ловится рыба—форель, которая называется здѣсь, какъ и рѣчка—*лошокъ*, и попадается иногда довольно крупныхъ размѣровъ.

Въ Кудеяровой горѣ находится пещера съ двумя отверстіями, ведущими внутрь горы: одно изъ нихъ называется *Трубой* и расположено на самой вершинѣ горы, но такъ завалено щебнемъ, что отверстія не видно и осталась только яма, глубиною въ сажень; прежде, какъ говорятъ лоховчане, отверстіе было свободно и опускалось на глубину около 30 сажень внутрь горы отвѣсно; тогда было видно, что стѣнки Трубы, дикаго камня, ясно носятъ на себѣ слѣды копоти отъ дыма, почему можно думать, что это отверстіе дѣйствительно когда-то служило выходомъ для дыма изъ внутреннихъ помѣщеній пещеры; это отверстіе, по словамъ старожиловъ (въ 1880 году), лѣтъ 20 тому назадъ завалили солдаты стоявшаго въ с. Лохѣ Бутырскаго полка. Другое отверстіе находится ниже, на склонѣ горы, обращенномъ на югъ, приблизительно саженъ 40 отъ дна долины; послѣднее имѣетъ теперь около $^3/_4$ аршина вышины и около 18 вершковъ ширины и помѣщается въ ямѣ; человѣкъ можетъ теперь только пролѣзть въ него ползкомъ не болѣе 5 сажень; входъ этотъ ведетъ далеко внутрь горы извилистымъ корридоромъ; раньше, какъ говорятъ лоховчане, можно было проникнуть по немъ сажень до 60-ти, а дальше проходъ заслоненъ упавшими камнями, но что затѣмъ онъ обрывается пропастью, изъ которой подымаются газы, гасящія свѣчу, и на днѣ которой бурлитъ какъ будто вода и несетъ холодомъ. Входъ въ пещеру годъ отъ году обваливается, заносится щебнемъ и пескомъ отъ весеннихъ потоковъ; въ 1870-хъ годахъ смѣльчаки живописцы, работавшіе въ лоховской церкви, могли проникнуть только на 24 сажени внутрь горы; они нарисовали планъ своихъ изслѣдованій, но куда они его дѣвали, неизвѣстно.—Про Кудеярову гору и пещеру сохранилось много преданій у лоховскихъ и окольныхъ жителей: разсказываютъ, что въ Лоховскихъ дачахъ когда-то жили разбой-

ники, атаманомъ которыхъ былъ Кудеяръ (Костомаровъ относитъ его ко времени царствованія Ивана Грознаго). Недалеко отъ Кудеяровой горы, въ концѣ Маіорова дола, указываютъ урочище носящее названіе *Пушка*: здѣсь, говорятъ, находили ружейные стволы и теперь еще попадаются куски пережженнаго желѣза; по народному сказанію здѣсь были кузницы Кудеяра, на которыхъ и заготовлялось оружіе для его войска. Самъ же Кудеяръ жилъ въ пещерѣ внутри нынѣшней Кудеяровой горы, въ которой было вырыто много тайныхъ ходовъ и устроены роскошныя помѣщенія и кладовыя, наполненныя разными драгоцѣнными вещами; внутри жилье пещеры (дворецъ, какъ выражаются разсказчики) было окружено корридоромъ. Уходя въ набѣгъ или на разбой, Кудеяръ скрывалъ и заваливалъ входъ, такъ что никто не могъ отыскать его. Народная легенда говоритъ, что этотъ подземный дворецъ цѣлъ до сихъ поръ и въ кладовыхъ его множество богатствъ, спрятанныхъ за желѣзными дверями; двери заперты замками величиною въ поросенка; богатства сторожитъ *приставъ*, нечистый духъ въ образѣ сѣдаго старца. Кто высушитъ Симовъ родникъ, тотъ найдетъ ключи отъ Кудеяровыхъ пещеръ. Народъ вѣритъ, что у крестьянина Ерша (Ершова, давно умершаго) была старинная записка, въ которой подробно описана пещера и ея богатства; Ершъ былъ одинокъ и, когда умеръ, то записка пропала. При Кудеярѣ входъ въ пещеру и вся мѣстность, гдѣ былъ станъ разбойниковъ, охранялись стражей; при чемъ на Караульной горѣ Кудеяръ ставилъ караулы, наблюдавшіе за окрестностью. О Симовомъ или Симоновомъ родникѣ существуетъ особое преданіе: Кудеяръ и товарищъ его Симъ вздумали однажды состязаться въ силѣ и ловкости своихъ коней; положено было перескочить съ Маруновой горы на Кудеярову. Кудеяръ на своемъ конѣ перескочилъ, но Симъ оборвался и упалъ въ долину: въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ провалился подъ землю съ конемъ, и ударилъ родникъ, носящій донынѣ его имя. Нѣсколько верстъ отсюда, въ Петровскомъ уѣздѣ, указываютъ въ дачахъ Мих. Вас. Устинова курганъ, гдѣ Кудеяръ похоронилъ свою жену или любовницу, зарывъ съ нею въ могилу всѣ драгоцѣнности, принадлежавшія покойницѣ.

Добавлю разсказы окольныхъ жителей новѣйшей легендой. Шелъ однажды лоховчанинъ около Кудеяровой горы, сдѣлалось

уже темно, онъ запутался и попалъ въ какую-то землянку; видитъ, въ ней сидитъ сѣдой старикъ; на вопросъ старика, откуда онъ и что ему нужно, онъ отвѣчалъ, что былъ на Кудеяровой горѣ, шелъ въ Лохъ и, когда стемнѣло, сбился съ дороги; на это старецъ отвѣтилъ, что онъ на Кудеяровой горѣ, а Кудеяръ онъ самъ. Въ это время влетѣла громадная птица, сѣла старику на голову и стала клевать ее до мозга; страдалецъ сидитъ и стонетъ: «О, Господи». Долго долбила птица голову сѣдовласаго Кудеяра, наконецъ улетѣла къ разсвѣту; несчастный вздохнулъ и разсказалъ пришельцу, что болѣе вѣка, какъ обреченъ онъ сторожить свои сокровища въ горѣ и по карѣ Божіей, за разбои, каждую ночь прилетаетъ эта огромная птица и клюетъ ему голову; конца не видитъ онъ этому мученью. Въ землянкѣ лежитъ краюха хлѣба, которая никогда не убываетъ.

Въ началѣ сентября 1887 года приставъ 5-го стана Саратовскаго уѣзда Ф. А. Гаринъ прислалъ ко мнѣ крестьянина Пензенской губерніи, Краснослободскаго уѣзда, с. Новой-Самаевки, Никифора Егорова Милина, лѣтъ 55, который на мои разспросы объяснилъ, что у товарища его, оставшагося дома, есть документъ 1605 года, подписанный Кудеяромъ Кудеяровымъ, гдѣ описано, что противъ Кудеяровой горы и той норы или хода, который ведетъ во внутреннюю пещеру, немного выше родника, на противуположномъ берегу рѣчки, въ склонѣ горы находится заваленный входъ съ примѣтами, ведущій въ три погреба, въ которыхъ хранятся большія богатства: одинъ наполненъ золотомъ, другой серебромъ, а третій— конской сбруей; въ этой же старой грамотѣ значится, что нѣсколько верстъ отъ входа есть рытое озеро и около него грядки; указаны и другія примѣты. На этотъ кладъ положенъ былъ Кудеяромъ *зарокъ* на 200 лѣтъ. Кудеяръ былъ «хозяиномъ» и чеканилъ монету изъ своей руды; онъ самъ спряталъ сокровища въ этихъ погребахъ. Рыть входъ должны рабочіе въ печетномъ числѣ. Въ Пензенской губерніи, говорилъ Милинъ, есть пять становищъ Кудеяра; онъ съ товарищемъ, у котораго хранятся эти бумаги, ходилъ по этимъ мѣстамъ, но примѣты не сходятся. Теперь онъ пришелъ одинъ въ с. Лохъ и всѣ примѣты сходятся съ тѣмъ мѣстомъ, которое лежитъ саженяхъ въ 300 отъ села Лоха противъ Кудеяровой пещеры и Симова родника; верстахъ въ двухъ съ

чѣмъ-то есть и рытое озеро съ грядами около него. Со дня зарока клада срокъ уже прошелъ, такъ какъ съ 1605 года минуло болѣе 200 лѣтъ. Милинъ говоритъ, что въ этихъ бумагахъ сказано, что въ Куденровой пещерѣ лежитъ тоже богатый кладъ, но его достать можетъ только тотъ, кто изъ *Ужинаго озера* почерпнетъ воды; на мой спросъ, гдѣ это Ужиное озеро, Милинъ отвѣчалъ, что не знаетъ того.

Въ лѣсу, принадлежащемъ крестьянамъ села Рѣпнаго, Балашовскаго уѣзда, находится нѣсколько кургановъ, подъ названіемъ: *Пупки*, *Крутицы*, *Пески* и другіе. По преданію, на Крутицахъ жилъ разбойникъ Кудеяръ; онъ же будто вырылъ Пупки, гдѣ погребена его жена. Крестьяне рыли эти курганы, отыскивая клады, но особеннаго ничего не нашли, кромѣ углей — въ Пупкахъ, и горшечныхъ черепковъ — на Пескахъ. (Протоколы Саратовской ученой архивн. Коммиссіи, 1887 года).

По береговой дорогѣ изъ с. Хмѣлевки въ с. Синенькіе, вправо, верстахъ въ 6 отъ Волги и въ 23 къ югу отъ Саратова, находится гора *Буданова*, на которой по преданію жилъ атаманъ разбойниковъ Буданъ. Гора эта зовется въ народѣ *Буданихой* и лежитъ верстахъ въ 5—6 къ западу отъ с. Хмѣлевки и верстахъ въ 7—8 отъ почтовой станціи Побочной, Саратовско-Астраханскаго тракта, тамъ гдѣ дорога образуетъ уголъ, обходя яръ. Общій кряжъ береговыхъ возвышенностей обхватываетъ Буданиху дугой, отъ которой гора эта стоитъ въ долинѣ нижняго плоскогорія совершенно отдѣльно въ $1-1^1/_2$ верстахъ; подымается она высоко особнякомъ, не прилегая къ кряжу и видна какъ съ Волги, такъ и съ большой дороги. Она представляетъ овалъ, длинная ось котораго, направленная къ Волгѣ, втрое противъ ея ширины; площадь на вершинѣ совершенно равная какъ столъ и имѣетъ отъ 15 до 20 десятинъ; на ней лишь небольшая яма, въ которой держится свѣжая вода почти все лѣто; откосы горы довольно круты (около 45°), но безъ обрывовъ и покрыты травой, на восточномъ же склонѣ есть рѣденькое мелколѣсье. Около подошвы теперь все распахано; въ маѣ, до сильныхъ жаровъ, вершина горы и кругомъ ея склоны покрыты сплошь свѣжей травой и рѣзко отдѣляется зеленая Буданиха на окружной нашнѣ. Разсказываютъ, что Буданъ

А628643
Научная Библиотека СГУ экземпляр

наблюдалъ съ нея за большой дорогой, которая видна отсюда, и за караванами судовъ, шедшими по Волгѣ.

Далѣе по Волгѣ, ниже селъ Золотого и Баннаго (Камышинскаго уѣзда), на правомъ берегу Волги, въ дачахъ слободы Даниловки, въ четырехъ верстахъ отъ нея и въ трехъ отъ села Лапоть, расположенъ между бараками, выходящими къ Волгѣ, полукруглый бугоръ вышиною отъ подошвы въ 20 саженъ; на немъ сохранились три канавы, глубиною каждая до 2 аршинъ, прорытыя отъ одного барака до другаго; по срединѣ канавъ оставлено непрорытое мѣсто; онъ носитъ названіе *кургана* или *бугра Стеньки Разина* (протоколы Сарат. Учен. Архивн. Комм. 1887). Здѣсь, по преданію, было жилье этого знаменитаго *атамана-колдуна*, обитое бархатомъ, и яма, въ которой содержались плѣнные. На самомъ бугрѣ стояло кресло съ насѣчкою изъ слоновой кости, съ котораго самъ Стенька разсматривалъ проходящія суда и чинилъ расправу: «Только платкомъ бывало махнетъ—судно сейчасъ останавливается; и крикнетъ Стенька зычнымъ голосомъ, чтобы дань везли къ берегу. Не послушаютъ—свиснетъ, гаркнетъ и отколь ни возьмутся 12 лодокъ съ удалыми молодцами, налетятъ на судно и прощайся купецъ съ добромъ, да и съ головой своей» (Путеводитель по Волгѣ, 1865 г. Я. Кучина). Разсказываютъ, что въ бугрѣ зарытъ у Стеньки большой кладъ, только взять его до сихъ поръ никто не могъ. Верстахъ въ 2—3 ниже, не доѣзжая слободы Даниловки, находится ущелье, прозванное *Стенькиной тюрьмой* или *Дурманомъ*. Ниже Камышина, возлѣ д. Караванки и у Дубовскаго посада стоятъ еще два бугра, тоже Стенькивы. (Спутникъ по Волгѣ, Мовастырскаго, 1884).

Въ Саратовскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ, 1859, № 3, г. Новиконъ приводитъ слѣдующій народный разсказъ: ущелье, или оврагъ, гдѣ Стенька запиралъ въ подземельяхъ захваченныхъ въ плѣнъ, называлось *тюрьмой* или *дурманомъ* и было покрыто крупнымъ лѣсомъ, до такой степени густымъ, что плѣнникъ не могъ оттуда выбраться. Въ 200 саженяхъ отъ *Дурмана*, на берегу Волги, находится *бугоръ Стеньки Разина*, о которомъ, въ 1850-хъ годахъ, существовало такое преданіе:

Очень давно, шло по Волгѣ судно; когда оно поравнялось съ бугромъ Стеньки Разина, то одинъ изъ бурлаковъ спросилъ това-

рицей, нѣтъ ли желающихъ побывать съ нимъ на бугрѣ. Нашелся охотникъ. Сошедши на берегъ, бурлакъ предупредилъ товарища: «чтобы ты ни увидалъ и чтобы ни услыхалъ, молчи.» Взобравшись на бугоръ, они увидѣли отверстіе, въ родѣ погреба, съ дверью; отворивъ ее, они увидали хорошо убранное подземелье, похожее на комнату: въ углу висѣлъ образъ Спасителя въ золотомъ окладѣ, осыпанномъ брилліантами и разноцвѣтными камнями; передъ образомъ теплилась лампада. Посреди комнаты стоялъ гробъ, окованный тремя желѣзными обручами; возлѣ лежалъ огромный желѣзный молотъ и желѣзные прутья. Вдоль стѣнъ разставлено множество боченковъ, насыпанныхъ до верху золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными самоцвѣтными камнями, а такъ же цѣнная металлическая утварь. Бурлаки помолились иконѣ; вожатый схватилъ молотъ и разбилъ обручи на гробѣ: крыша поднялась, изъ гроба встала красная дѣвица, необыкновенной красоты, и выговорила: «что вамъ нужно ребята? Денегъ, утвари, камней самоцвѣтныхъ — берите, братцы, сколько душѣ угодно». Въ отвѣтъ на это, вожатый схватилъ прутья и началъ стегать красавицу, *безбожную Маришку*, и сколько она его ни умоляла о пощадѣ, все было напрасно. Товарищъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Полно братъ, что съ тобою, съ ума ты что-ли сошелъ?» Но едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ невидимая сила подхватила его и выкинула въ дверь, которая тотчасъ же захлопнулась, и послышался голосъ: «Восемь,—девятаго!» Въ слѣдъ за тѣмъ дверь и отверстіе пропали. Испуганный бурлакъ едва добрался до судна; у него отнялся языкъ и три года онъ оставался нѣмъ. Послѣ уже онъ разсказывалъ, что если бы онъ съумѣлъ помолчать и если бы они успѣли завладѣть иконой, какъ говорилъ ему еще дорогой вожатый, то всѣ богатства перешли бы въ ихъ руки. Разсказчикъ добавляетъ, будто «Стенька по сей часъ живъ, его земля не принимаетъ и живетъ онъ, окаянный, на островахъ и змѣи грудь у него сосутъ».

Пониже колоніи Добренки, не доходя верстъ 20 до Камышина, на правомъ берегу Волги, находится *Уракова гора*, названная по имени атамана разбойниковъ, у котораго, по преданію, Стенька жилъ 15 лѣтъ кашеваромъ, потомъ застрѣлилъ Уракова и самъ сталъ атаманомъ. Олеарій, плывшій здѣсь въ 1636 году, иначе разсказываетъ эту легенду: онъ говоритъ, что противъ устья р. Еру-

слана, на правомъ берегу Волги, въ 150 верстахъ отъ Саратова, подымается гора, *Ураковъ караулъ*, названная потому, что татарскій князь Уракъ сражался здѣсь съ казаками, былъ убитъ и тутъ же схороненъ.

Въ Саратовскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ, 1859, помѣщено народное преданіе объ *Ураковомъ бугрѣ*, лежащемъ верстъ 30 ниже *Стенькина бугра*. «Здѣсь, предтеча Стеньки, разбойникъ Уракъ имѣлъ свой притонъ. Разинъ, еще мальчикомъ, пришелъ съ верху изъ Ярославля и 15 лѣтъ поступилъ въ шайку Уракова кашеваромъ. Разъ Ураковъ этотъ хотѣлъ задержать судно, а Стенька закричалъ: «брось — не стоитъ, бѣдно». Ураковъ, не ожидая послѣ такого замѣчанія удачи, пропустилъ судно, но погрозилъ Разину. Проходитъ другое судно—Стенька онять тоже. Взбѣшенный атаманъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но Стенька не пошатнулся, вынулъ изъ груди пулю и, отдавая ее Уракову, сказалъ; «на—пригодится». Ураковъ отъ страха упалъ; разбойники, видя чудо, разбѣжались, а Стенька незаряженнымъ пистолетомъ застрѣлилъ Уракова и сталъ самъ атаманомъ его шайки. Ураковъ схороненъ тутъ же на своемъ бугрѣ и, говорятъ, семь лѣтъ изъ могилы кричалъ проходившимъ мимо судамъ: «приворачивай».

Въ Вольскомъ уѣздѣ, около с. Черкасскаго, указываютъ три горы, въ старину покрытыя лѣсомъ: *Кладоуша* — содержащая въ себѣ *клады*, *Дорониха*—гдѣ жилъ разбойникъ Дороня съ своей шайкой, и *Видимъ*—съ которой видна вся окрестность на далекое разстояніе. Въ 10 верстахъ отъ г. Вольска, на правомъ берегу Волги, лежитъ с. Рыбное (въ XVIII столѣтіи—дворцоваго вѣдомства Рыбная слобода), лѣсная и гористая мѣстность около котораго служила въ старину пріютомъ для разбойниковъ, изъ которыхъ памятенъ мѣстнымъ жителямъ—*Кутыревъ*, въ шайкѣ котораго были три женщины. Къ востоку отъ Вольска, до с. Александровки, Хвалынскаго уѣзда, горы носятъ названіе *Дѣвичьихъ* и представляютъ мѣловыя обнаженія; есть преданіе, что на этихъ горахъ, въ XVII вѣкѣ, предводительствовала страшною шайкой *Дѣвушка Палагюшка*, почему и осталось такое названіе горъ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ и легендарныхъ кургановъ, могилъ и маровъ Камышинскаго уѣзда, я могу указать: *Высокую могилу*, окруженную курганами меньшей величины, могилу надъ *Мамае-*

вымъ яромъ (въ 5 верстахъ отъ первой) и *Тарасову могилу*—всѣ три находятся въ степной равнинѣ Камышинскаго уѣзда въ дачахъ села Краснаго Яра, на лѣвомъ берегу р. Медвѣдицы; далѣе *Дубовый курганъ* въ дачахъ с. Мокрой Ольховки, курганы *Мамайскіе мары* между р. Медвѣдицей и рѣчкой Бурлукъ, и *Перездинская могила* на правой сторонѣ р. Медвѣдицы, въ дачахъ села Рудни, недалеко отъ с. Нижней Добренки; отъ нее тянется на западъ рядъ малыхъ кургановъ, насыпку которыхъ народъ приписываетъ Мамаю. Въ Царицынскомъ уѣздѣ между Александровской казачей станицей и селомъ Пролейка, находятся два большіе кургана въ 14 саженяхъ другъ отъ друга и въ 6 верстахъ отъ Волги; они сдѣланы изъ дикаго камня и называются *Царскими могильницами* (см. «Волга», Боголюбова, 1862).

Въ Аткарскомъ уѣздѣ, долина р. Латрыка, между с. Большой Дмитріевкой и дер. Двоенкой, на пространствѣ 5—6 квадратныхъ верстъ, усѣяна курганами, которые народъ называетъ «марами» и «могилами»; въ одномъ изъ такихъ при раскопкѣ произведенной И. А. Волковымъ (управляющимъ генеральши М. В. Дурново) въ 1887 г., найдены кости и многія цѣнныя вещи, въ томъ числѣ бронзовая фигура съ двумя двугорбыми верблюдами.

Во многихъ селахъ Саратовской губерніи существуютъ легенды о сокровищахъ и каретахъ, затопленныхъ разбойниками въ озерахъ и рѣкахъ. На лѣсистыхъ возвышенностяхъ праваго берега рѣки Аркадака, противъ с. Колѣна (Аткарскаго уѣзда), есть бугоръ, называемый *Быкъ-гора*. Существуетъ преданіе, что здѣсь въ лѣсахъ былъ въ старину притонъ разбойничьихъ шаекъ; часто въѣзжали они въ село съ зажженными холстами на дротикахъ и съ крикомъ «не порошись» (не шевелись, не дѣлай тревоги) брали, что хотѣли. У рѣчки Баланды, около нынѣшней дер. Радушной въ 20 верстахъ отъ с. Колѣна, есть еще курганъ. На этихъ двухъ возвышенностяхъ ставились разбойниками *маяки*, которыми они давали другъ другу знать о проѣздахъ и другихъ случаяхъ: ночью для этого зажигали они насмоленые холсты, привязанные къ длиннымъ шестамъ; огни эти были ясно видны въ окрестности на далекое разстояніе. Колѣнскій людъ до сихъ поръ увѣренъ, что въ лѣсахъ и оврагахъ по ту сторону р. Аркадака зарыты сокровища. Убѣжденіе основано на преданіи: много лѣтъ тому назадъ, вели по

селу колодниковъ; одинъ изъ нихъ, сѣдой старикъ, взглянувъ на горы противуположнаго берега, сказалъ: «много сокровищъ зарыто въ этихъ лѣсахъ»; народъ подхватилъ восклицаніе, стали допрашиваться и старикъ объявилъ, что онъ одинъ изъ разбойниковъ, скрывавшихся съ шайкой въ Колѣнской мѣстности, что здѣсь былъ ихъ притонъ и награбленное они зарыли въ землю; главныя сокровища скрыты на горѣ, гдѣ бугоръ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дуба.—Преданіе не сохранило, во сколькихъ шагахъ отъ дуба зарытъ кладъ, а время не пощадило дерева. Другую часть своихъ богатствъ разбойники, преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ, *скатили въ озеро*, слѣды котораго и теперь еще существуютъ.

Въ с. Мокромъ, Петровскаго уѣзда, недалеко отъ мордовскаго с. Оркина, разсказываютъ, что въ старину жили здѣсь въ лѣсахъ разбойники, выѣзжавшіе грабить на большую дорогу. Преданіе говоритъ, что у нихъ была золотая (по другимъ позолоченая) телѣжка; въ одну изъ поѣздокъ, когда они возвращались съ разбоя съ добычею, ихъ разбили лошади и утопили совсѣмъ съ тѣлежкою въ одномъ изъ высохшихъ теперь озеръ. Мокринцы указываютъ, такъ называемый *вонючій родникъ*, имѣющій будто бы на днѣ два пола изъ дубовыхъ бревенъ, между которыми сложены разбойниками разныя сокровища и боченокъ золота. Около с. Полчаниновки (Саратовскаго уѣзда) есть три легендарныя урочища. По дорогѣ къ колоніи Скатовкѣ—*Улановъ оврагъ*, гдѣ жилъ когда-то въ старину съ своей шайкой разбойникъ Уланъ, который будто бы зарылъ здѣсь нѣсколько бочекъ съ золотомъ. По дорогѣ въ д. Ивановку и теперь существуютъ остатки лѣса, называемаго *воровскимъ*; тутъ тоже былъ притонъ разбойниковъ и до сихъ поръ видны слѣды ворозскихъ землянокъ. Недалеко отъ Городецкаго хутора было большое озеро, у котораго, какъ увѣряютъ старожилы, не было дна: гнѣздившіеся здѣсь въ лѣсахъ разбойники сталкивали сюда ограбленные экипажи; озеро это теперь заросло и высохло, по словамъ разсказчиковъ прорыто и спущено; въ занесенномъ иломъ днѣ его осталось будто бы золото, сброшенное въ каретахъ и бочкахъ. Въ памяти старожиловъ с. Белгазы-Маматовки, Аткарскаго уѣзда, свѣжо еще преданіе объ убійствѣ въ этомъ селѣ, во время пугачевщины, ѣхавшаго въ городъ Саратовъ въ августѣ 1774 года воеводы Лихарева, назначеннаго туда указомъ Сената 28 марта

1774 года, и двоюродной сестры его, дочери генералъ-лейтенанта, Натальи Ивановны Лихаревой: въ этомъ селѣ напалъ на нихъ съ шайкой пугачевскій полковникъ Ивановъ, разграбилъ обозъ, воеводу и сестру его убили, раздѣли до нага, по разсказамъ стариковъ, положили въ карету и столкнули въ омутъ рѣчки Белгазы.

Лѣтомъ 1887 года упорно держался слухъ о появленіи громаднаго *змѣя* въ лѣсахъ с. Ягодной-Поляны (Саратовскаго уѣзда). Въ Озерской, Полчаниновской, Ягодно-Полянской волостяхъ ходили всевозможные разсказы и басни объ этомъ чудовищѣ: одни увѣряли, что змѣй этотъ черный, болѣе двухъ саженъ длины, въ ведро толщиною, съ огромной человѣчьей головой и говоритъ, только непонятнымъ языкомъ; его видятъ одинъ лишь пастухъ, а другіе не видятъ, и объясняютъ, что это пастуху дается кладъ; другіе разсказываютъ, что встрѣчали его у дороги и онъ человѣчьимъ голосомъ проситъ поцѣловать его, а коли противно, то прикрыть, при чемъ объясняютъ, что это нечистый или проклятый, и ежели исполнить его желаніе, то онъ дастъ кладъ. Увидѣли его однажды шесть нѣмцевъ, косившихъ траву на лѣсной полянѣ: сидитъ онъ на свернутомъ хвостѣ и какъ длинный столбъ подымается голова не то человѣчья, не то лошадиная; обомлѣли нѣмцы отъ ужаса, побросали косы и пустились домой, но у нихъ на нѣсколько времени отнялись языки.

Змѣй занимаетъ вообще видное мѣсто въ народныхъ суевѣріяхъ. Это—олицетвореніе всего злого и коварнаго; онъ является часто на лубочныхъ картинахъ въ народныхъ сказкахъ и былинахъ *). Су-

---

*) Народно-церковная литература полна сказаніями о змѣѣ, этомъ врагѣ человѣчества. Возьмемъ на выдержку, ходящую у насъ въ народѣ, книжку, изданную въ Москвѣ книгопродавцемъ Морозовымъ въ 1886 г. (цензоръ протоіерей Боголюбскій): «Гласъ святой истины объ Антихристѣ», съ випъеткой изъ распространенной лубочной картины «о пришествіи антихриста» и послѣдней судьбѣ человѣческаго рода. Въ этой брошюрѣ указывается на «безстыднѣйшаго и ужаснаго змія, который приведетъ въ смятеніе всю поднебесную и въ сердца человѣческія вложитъ боязнь, малодушіе и страшное невѣріе, произведетъ чудеса, знаменія и страхованія, яко же прельстити аще возможно и избранныя, и получитъ онъ власть обольщать міръ. Жестокимъ къ человѣческому роду окажется этотъ скверный змій. Въ то время, когда прійдетъ змій, не будетъ покоя на землѣ, будетъ великая скорбь, смятеніе, смерти и глады во всѣхъ концахъ и такова скорбь *не бысть отъ начала созданія* (Марк. 13, 19); будутъ по мѣстамъ

ществуютъ урочища, носящія названіе *Змѣиныхъ*, причемъ народъ обыкновенно складываетъ объ нихъ свои легенды. Такъ отъ г. Вольска тянутся, верстъ на 35 внизъ, по правому берегу Волги крутыя *Змѣевыя* горы: изъ глубокой старины сложился разсказъ, что они получили названіе отъ неимовѣрной величины *змѣя* или *полоза*, жившаго долгое время на этой горѣ, дѣлавшаго много вреда и наконецъ разрубленнаго какимъ-то богатыремъ на три части, которыя тотъ часъ же обратились въ камни (Путешествіе Олеарія въ 1636 г.). Эта старинная легенда имѣетъ соотношеніе съ настоящимъ преданіемъ объ основаніи города Вольска въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, учрежденнаго въ 1780 году (высочайшій указъ 7 *ноября* 1780 года) изъ дворцовой рыбной слободы Малыковки: «во времена до-пугачевскія,—разсказываютъ старики,—жилъ тамъ огромный змѣй-полозъ длиною до четырехъ сажень, пожиравшій коровъ, лошадей и овецъ, но былъ убитъ волостнымъ сотникомъ Васильемъ Куликовымъ, на котораго онъ напалъ» («Волга», Боголюбова, 1862). Въ описаніи села Воскресенскаго (Сарат. губ. Вѣдом., 1888) сказано, что съ сѣверо-восточной стороны къ этому селу, лежащему на правомъ берегу Волги, примыкаютъ Змѣевыя

глады и труси (Мато. 27, 7), и безпечный человѣкъ будетъ плѣненъ знаменіями лукаваго и хитраго змія. Звѣрь этотъ (Змій-Антихристъ) самъ богоборецъ и всѣхъ хочетъ погубить; начнетъ онъ съ чрева, чтобы человѣкъ, приведенный въ крайность недостаткомъ пищи, вынужденъ былъ принять *печать* его на *правой рукѣ* и на челѣ, дабы не могъ сдѣлать крестное знаменіе, которое разрушаетъ силу его; почему истинному христіанину не надо оставаться въ бездѣйствіи, *когда змій будетъ начертывать печать свою*, вмѣсто Спасителевой. Въ какомъ видѣ пріидетъ на землю безстыдный змій? Спаситель родился отъ Дѣвы въ образѣ человѣческомъ; врагъ же воплотится отъ оскверненной дѣвы и пріидетъ всескверный, но приметъ образъ кроткій, смиренный, въ высшей степени благообразный; но потомъ этотъ змій изрыгнетъ горечь свою и вринетъ весь родъ человѣческій въ пучину несчастія, жестокіе надзиратели будутъ дозволять покупать пищу только тѣмъ голоднымъ, у которыхъ будетъ печать мучителя на челѣ и правой рукѣ; вездѣ распространится зловоніе, голодъ, жажда; землетрясенія, смущеніе на морѣ, страхованіе на сушѣ и угрызеніе звѣрей; золото и серебро разсыпаны на улицахъ и никто до нихъ не коснется, потому что все омерзѣло; омерзѣетъ и ненавистна станетъ красота женская, увянетъ плоть и вожделѣнія человѣка. Принявшіе *печать антихристову* будутъ вмѣстѣ съ зміемъ ввержены въ геенну; всѣ, принявшіе печать змія, связанные приведены будутъ предъ судилище Господа и будутъ приговорены къ вѣчному осужденію въ огнь неугасимый».

горы, образующія дугу на протяженіи четырехъ верстъ, къ Волгѣ. Горы эти круты, вершины ихъ безлѣсны, и въ нихъ водятся змѣи. Преданіе говоритъ, что въ старину въ этихъ горахъ обиталъ огромный многоглавый змѣй, собиравшій дань съ жителей дѣвицами, которыхъ онъ поѣдалъ. Изъ межевыхъ книгъ 1710 года видно, что монастырское село Сергіевско-Воскресенское существовало уже въ самомъ началѣ XVIII-го вѣка и принадлежало московскому Воскресенскому монастырю. Для сравненія приведу здѣсь подобную же легенду, слышанную мною на Кавказѣ въ 1868 году: въ Пятигорской группѣ есть *Змѣевая* гора, имѣющая видъ громаднаго шатра; ямщикъ мой, казакъ изъ Александровской станицы, разсказалъ мнѣ, что она получила названіе отъ огромнаго «полоза» (змѣя), жившаго на этой горѣ; когда онъ ползъ, то подъ нимъ горѣла трава; нѣсколько разъ пытались убить его и даже стрѣляли изъ пушекъ, но ничего не могли сдѣлать чудовищу; наконецъ одному казаку удалось застрѣлить его изъ винтовки. На верху будто бы есть большое озеро, около котораго жилъ этотъ полозъ.

При сильномъ развитіи предразсудковъ въ русскомъ народѣ, *ворожба* и *гаданія*—необходимые спутники суевѣрія во всѣхъ обыденныхъ случаяхъ крестьянской жизни *): привидится-ли сонъ—идутъ къ ворожеѣ; представится-ли какой другой необъяснимый признакъ, или желая узнать будущее, простой народъ идетъ къ гадальщицѣ за истолкованіемъ или гадаетъ самъ. Напр., когда везутъ парня въ рекруты, то родные гадаютъ, поймавъ паука: сажаютъ его въ кувшинъ и ежели онъ за ночь совьетъ тамъ гнѣздо, то увѣрены, что парня «не обрѣютъ» (не примутъ), ежели не совьетъ, то его непремѣнно «угонятъ» (Саратовскій уѣздъ). Гадаютъ по этому поводу и другимъ способомъ: кладутъ на столъ уголь и пе-

*) Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» 1838 г. приведено 18 способовъ русскихъ гаданій: на бобахъ, на водѣ, литьемъ воску (или свинца и олова), по грому, по дыму, по жеребью, зеркаломъ, золотымъ кольцомъ, по игламъ, на картахъ, наговорнымъ кольцомъ подъ подушкой, на гущѣ кофе, по ногтямъ натертымъ масломъ и сажею, переполохъ (при которомъ употребляется знахаремъ миска воды, олово и Богоявленская или обручальная свѣча), по птицамъ и ихъ крику, рѣшетомъ, на травахъ и на яйцахъ. Въ Саратовѣ до сихъ поръ существуетъ святочное гаданіе *башмачкомъ*: дѣвушки поздно вечеромъ бросаютъ черезъ заборъ или ворота свой башмакъ и куда онъ упадетъ носкомъ, то въ ту сторону придется ей выйти замужъ.

чину (кусокъ глины изъ печки) другъ противъ друга, и крестъ на крестъ имъ хлѣбъ и соль, тоже другъ противъ друга; берутъ клубокъ за нитку, держатъ его на вѣсу и ежели онъ будетъ качаться на уголь и печину, то малаго забрѣютъ, ежели же на хлѣбъ и на соль, то не возьмутъ и онъ вернется домой; это гаданье ведется уже давно въ Саратовскомъ краѣ. Собирается мужикъ въ дорогу, онъ несетъ прежде *вяхель* (связанная изъ веревки сѣтка, въ родѣ мѣшка, для корму) на гумно и положитъ его на ночь къ стогу сѣна или соломы, и ежели поутру найдетъ въ немъ нѣсколько былокъ, то увѣренъ, что во время дороги лошади будутъ у него здоровы (этотъ предразсудокъ занесенъ въ Колѣнскую волость переселенцами изъ Тамбовской губерніи). Въ прежніе годы, до появленія у насъ въ общемъ употребленіи сѣрныхъ зажигательныхъ спичекъ, крестьяне сохраняли жаръ, загребая его въ уголъ печи, и при надобности вздували изъ него огонь: никто изъ нихъ въ большой праздникъ ни за что не давалъ никому этого жару на растопку, боясь, что въ противномъ случаѣ у него не будетъ держаться огонь. Во время сѣва никто изъ крестьянъ не дастъ нуждающемуся ни одной мѣрки сѣмянъ, иначе онѣ у него переведутся; крестьянинъ Акимъ Семеновъ (с. Полчаниновка, 1886 г.) вполнѣ убѣжденъ, что у него перевелись отличныя сѣмяна пшеницы, потому что ссудилъ ими на посѣвъ нуждающагося. Въ народѣ многіе еще вѣрятъ, что дьяволъ и вообще нечистая сила мечется и прячется во время грозы, такъ какъ Господь и Илья Пророкъ преслѣдуютъ его молніей *(громовой стрѣлою)*, которая и попадаетъ туда, куда бросился бѣсъ; поэтому надо закрывать окна и трубы въ избѣ, чтобы *онъ* не влетѣлъ въ комнату или подъ печку.

Мордва (с. Оркина, Саратовскаго уѣзда) гадаетъ на святки объ урожаѣ слѣдующаго лѣта. Для этого берутъ луковицу и, разрѣзавъ пополамъ, снимаютъ чешуйки; изъ нихъ 12 кладутъ на столъ и насыпаютъ въ каждую по щепоткѣ соли, оставляя ихъ такъ на ночь; утромъ смотрятъ, въ которой изъ нихъ больше воды отъ распустившейся соли, а такъ какъ каждая чешуйка изображаетъ собою одинъ изъ 12 мѣсяцевъ въ году и по счету первая съ правой стороны принимается за январь, вторая за февраль и т. д., то по этому судятъ, въ которомъ мѣсяцѣ какая будетъ погода—дождливая или сухая. Объ урожаѣ мордва гадаетъ такъ же на снопахъ

хлѣба: на ночь выставляютъ на кольяхъ снопы ржи, пшеницы и другихъ хлѣбовъ; на которомъ будетъ больше инея, тотъ уродится лучше. Молодые ребята, подлежащіе рекрутству, ходятъ ночью съ кольями на прудъ и опускаютъ ихъ въ прорубь: кто изъ нихъ легче выдернетъ черезъ нѣсколько врéмени изъ замерзшей проруби свой колъ, тотъ освободится отъ рекрутчины, но кто совсѣмъ не вынетъ, пойдетъ непремѣнно на службу. Оркинскія бабы ходятъ подъ Новый годъ, садясь верхомъ на помело, слушать на перекрестокъ. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ многіе изъ мордвовъ, во время святокъ, снявши предварительно кресты, выходятъ по вочамъ въ поле или къ рѣкѣ; дорогой между собой не говорятъ и идутъ молча, о молитвѣ и думать не должны, на перекресткахъ въ разныхъ мѣстахъ ложатся на землю и прислушиваются къ малѣйшему шороху; немного погодя встаютъ и молча расходятся по домамъ, гдѣ разсказываютъ о томъ, что̀ слышали: однимъ показалось, что молотятъ, другому, что жнутъ, третьему, что плачутъ и т. под.; по этимъ примѣтамъ судятъ, что̀ должно случиться въ теченіи наступающаго года.

О русскихъ гаданіяхъ на святкахъ я говорить не стану, такъ какъ онѣ хорошо извѣстны и здѣсь, кажется, не представляютъ ничего особеннаго.

Ворожеи и *гадальщицы* наживались прежде своимъ ремесломъ. Такъ разсказываютъ въ с. Колѣнѣ: «Жила здѣсь въ старое время Мавра «гадатель», ворожила она на бобахъ, орѣхахъ, картахъ, водѣ, рѣшетѣ и зеркалѣ, гадала она ночью въ банѣ, куда собирались къ ней дѣвушки узнать о своемъ будущемъ и суженомъ; платили они ей хлѣбомъ, яйцами и деньгами; такимъ образомъ Мавра нажила себѣ хорошія деньги и по смерти ея Колѣнскіе жители нашли и захватили 20 фунтовъ червонцевъ». Ее помнили старожилы уже старухой 65 лѣтъ, крѣпостной помѣщика Рахманина, а родомъ считаютъ изъ Кіева, этой отчизны вѣдьмъ.

Нескоро изгладятся повѣрья и предразсудки въ русскомъ народѣ, хотя съ развитіемъ сельскихъ школъ съ 1870 годовъ они значительно уменьшаются. Такіе же предразсудки еще недавно встрѣчались и въ нашемъ барскомъ быту; на нашей памяти, въ помѣщичьемъ кругу вѣрили дурнымъ предзнаменованіямъ: встрѣчѣ со священникомъ, тремъ свѣчамъ на столѣ, тринадцати за обѣ-

домъ, зайцу перебѣжавшему дорогу, крику ворона, и сотнѣ другихъ случаевъ, изъ которыхъ одни предвѣщаютъ добро, другіе худо; молодежь гадала на святки, старики вѣрили картамъ и раскладывали по нимъ будущее или обращались къ ворожеямъ; при многихъ болѣзняхъ, имѣя подъ руками докторовъ, прибѣгали къ симпатическимъ средствамъ, которыя въ сущности тоже, что *умываньe съ уголька* при глазѣ *) и тому подобныя средства, употребляемыя деревенскими знахарками; многіе вѣрятъ до сихъ поръ, что есть люди, умѣющіе *заговаривать* зубную боль, остановить кровь, текущую изъ раны человѣка или животнаго. На все нужно знать *слово*, говорятъ старики; кажется, простая вещь отравить крысу фосфоромъ или мышьякомъ, но это не всегда удается, а необходимо, поставивъ на погребъ черепокъ съ кашей и посыпавъ его *моромъ*, сказать: «пожалуйте гости кушать», и затѣмъ, не поворачиваясь, пятится къ выходу задомъ. Или другой способъ вывести крысъ: надо поймать живую крысу, отнести ее отъ своей избы черезъ семь дворовъ и сказать: «вотъ ваша квартира». Чтобы вывести таракановъ, надо поймать одного или нѣсколькихъ, посадить въ варежку и, войдя къ кому-либо въ избу, сказать: «здравствуйте, ждали ли гостей?» и какъ хозяева скажутъ: «просимъ милости», то потихоньку, незамѣтно, вытряхнуть тараканов изъ варежки. Говорятъ, передъ пожаромъ тараканы начинаютъ копошиться въ избѣ и сами уходятъ вонъ въ такое мѣсто, гдѣ горѣть не будетъ: «такъ и видно, гдѣ они ползутъ цѣлой дорожкой» (с. Полчаниновка). Чтобы избавиться отъ клоповъ, надо, когда священникъ, кончивъ молебенъ, выходитъ изъ избы, сказать хозяину: «куда попы, туда и клопы». Если это не поможетъ, то когда мужикъ найдетъ чекушку (клинъ или желѣзка, вставляемая въ ось у колеса), взять ее въ избу и, входя, сказать: «чекушка въ домъ, а клопы вонъ». Если нападутъ блохи, надо тоже знать «слово», при которомъ хозяинъ беретъ вѣникъ и водитъ его крестъ на крестъ по полу комнаты, тогда всѣ блохи соберутся къ порогу и уйдутъ за дверь.

Въ Саратовской губерніи нерѣдко услышишь въ народѣ разсказы, что есть люди, способные «словомъ» вывести крысъ и мы-

*) *Дурной глазъ* (обыкновенно сѣрый) по вѣрованію народа можетъ испортить человѣка или *сглазить*, если посмотритъ или похвалитъ.

шей изъ дому, съ гумна, даже изъ цѣлаго селенія, и вести ихъ стадомъ на другое селеніе или заставить броситься въ рѣку; большею частью лица, имѣющія этотъ даръ, являются въ народномъ представленіи людьми, неизвѣстно откуда пришедшими, таинственными. Приведу легенду, давно и крѣпко вкоренившуюся въ Балановскомъ уѣздѣ и переданную мнѣ помѣщикомъ сельца Ивапонки, И. А. Саловымъ: «Поздно вечеромъ, въ одинъ постоялый дворъ, недалеко отъ с. Чиркина, вошелъ благообразный старикъ съ сѣдою бородой, одѣтый прасоломъ, и просилъ сидѣльца дать ему четверть вина; когда онъ почти залпомъ осушилъ всю четверть, то объявилъ, что денегъ теперь не заплатитъ, а наградитъ его; сидѣлецъ, набожный и добрый человѣкъ, довѣрилъ почтенному старику и спросилъ его, какой у него гуртъ—крупнаго или мелкаго скота; гуртовщикъ отвѣчалъ, что гонитъ мелкій скотъ, и вышелъ. Сидѣлецъ пошелъ за нимъ на крыльцо и увидѣлъ огромное стадо мышей и крысъ на дорогѣ, которыхъ старикъ погналъ дальше; въ эту же ночь исчезли и всѣ мыши съ постоялаго двора». Дальше легенда добавляетъ, что послѣ того сидѣлецъ пошелъ однажды къ обѣднѣ въ село и сталъ ставить свѣчку Николаю Чудотворцу; взглянувъ на ликъ угодника, онъ узналъ привѣтливо смотрѣвшаго на него ночного посѣтителя, старика-прасола, и увидалъ тутъ же на подсвѣчникѣ и деньги за четверть вина.

Знахари и знахарки пользуются народными предразсудками и и легковѣріемъ: шепчутъ надъ водкой или водой, даютъ выпить и ежели больному не дѣлается легче, то объявляютъ, что «испортившій» сильнѣе ихъ, и несчастный долго безъ пользы таскается по колдунамъ и ворожеямъ, отыскивая сильнѣйшаго, пока смерть или случайное облегченіе не прекратятъ его розысковъ. Кто изъ простого народа не вѣритъ въ *приворотъ*; часто услышишь выраженіе: «приворожила молодца» или «обошелъ молодку»; колдунъ даетъ корень, съ нимъ надо *обойти* того, кого желаютъ привязать къ себѣ, или носить *приворотный корень* на крестѣ, либо дать выпить настой изъ *приворотнаго зелья*; вслѣдствіе этого, если кто кого обманетъ, то ходитъ поговорка: «онъ его словно *корнями обвелъ*». Прокричалъ воронъ на крышѣ—крестьянинъ ждетъ бѣды неминуемой; филинъ и сова — вѣщуны несчастья *); закричитъ ку-

*) Птица часто появляется въ легендахъ нашего народа. Такъ въ с. Лохѣ

рица пѣтухомъ—ждутъ пожара или покойника; носъ зачешется—значитъ слышать о покойникѣ или водку пить; уши горятъ — не правду говорятъ; нехорошо увидать молодой мѣсяцъ съ лѣвой стороны (лѣвымъ глазомъ); крестьянинъ, не желая худа проѣзжему въ дорогѣ, никогда не перейдетъ передъ нимъ, иначе *пути не будетъ*; ежели встрѣтится баба съ пустыми ведрами, не хорошо путешественнику, ему въ дорогѣ *пусто будетъ*, почему женщина всегда остановится и никогда не *перейдетъ пути*. Въ русскихъ избахъ водится много черныхъ большихъ таракановъ, которыхъ крестьяне считаютъ за грѣхъ и несчастіе убивать, увѣренные, что они приносятъ благополучіе. Въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ, въ курятникѣ непремѣнно навѣшивается на колъ горшокъ съ выбитымъ дномъ, чтобы куры сидѣли покойнѣе на насѣсти; въ помѣщеніи другой птицы этого не дѣлается.

Противъ многихъ бѣдъ и болѣзней помогаютъ разныя средства: стоитъ сушь — надо выкопать опойцу съ кладбища и бросить въ воду или оврагъ; за непмѣніемъ опойцевъ ловятъ лягушекъ и вѣшаютъ за ноги на деревьяхъ. Лѣтомъ 1864 года стояла въ Колѣнской волости сильная засуха, хлѣба и травы «горѣли» (сохли) на корню; однажды рано утромъ рабочій арендатора села Бѣдняковки, Якобсона, замѣтилъ въ господскомъ пруду торчащія изъ воды ноги; въ испугѣ прибѣжалъ онъ домой, позвали старосту и старниковъ, вытащили изъ воды гробъ и торчащаго изъ него мертвеца. Оказалось, что на кладбищѣ разрыта могила, покойникъ былъ Бѣдняковскій мужикъ и сильный пьяница: народное суевѣріе, желая вызвать дождь, рѣшило за непмѣніемъ опойцы утопить покойника-пьяницу. Подобный случай былъ и въ дер. Андреевкѣ (Коротковъ хуторъ) Галаховской волости, гдѣ вырытаго опойцу крестьяне облили водой и бросили въ оврагъ: слѣдствіе не открыло виновныхъ, но становые хорошо попользовались съ суевѣр-

---

разсказываютъ приведенную мною выше легенду, какъ каждую ночь громадная птица клюетъ до мозга голову Куделра. Во время страшной холеры, свирѣпствовавшей въ Саратовѣ въ 1831 году, по разсказамъ старожиловъ, народъ вѣрилъ, что надъ городомъ летала по ночамъ огромной величины черная птица и что дома, надъ которыми она проносилась, махая крыльями, были поражены смертію; вслѣдствіе этого вѣрованія на воротахъ, дверяхъ и окнахъ многихъ домовъ чертили кресты, а на стѣнахъ, для прогнанія нечистой силы, писали священныя слова: «Христосъ съ нами уставися».

ныхъ деревень. У кого не живутъ дѣти, то воспріемниками берутъ *соименниковъ* отцу и матери новорожденнаго, или первыхъ встрѣтившихся на улицѣ людей; послѣдніе называются *встрѣчными крестными*. Въ случаѣ тяжелыхъ родовъ, у многихъ крестьянъ (Полчаниновская волость) существуетъ повѣрье, что надо просить священника отворить царскія врата въ алтарѣ церкви, что ускоряетъ роды и даетъ имъ благополучный исходъ*). Многіе изъ сектантовъ Саратовской губерніи до сихъ поръ не допускаютъ оспопрививанія, считая его за наложеніе «антихристовой печати». Въ нѣкоторыхъ селахъ Аткарскаго уѣзда (Бѣдняковка) крестьянки выпрашиваютъ въ великій четвергъ, на страстной недѣлѣ, ладонъ, оставшійся отъ кажденія во время херувимской пѣсни, и поятъ имъ младенцевъ, когда они бываютъ нездоровы. Наши крестьянки при колпкахъ у младенца, когда онъ «сучитъ ножками», *прикалываютъ болѣзнь* краемъ мѣднаго креста на животѣ ребенка; кто позажиточнѣе, тѣ обращаются къ священнику, прося отслужить молебенъ и «приколоть» болѣзнь копіемъ употребляемымъ при совершеніи св. тайнъ. Лишь только младенецъ появится на свѣтъ въ мордонской семьѣ (с. Оркино), то мать-рожепицу ведутъ въ баню, съ ней несутъ и новорожденнаго, котораго такъ же моютъ и парятъ какъ мать; выходя изъ бани, уносятъ всѣ вещи роженицы, даже вѣникъ, которымъ ее парили, а то *злые люди* могутъ испортить ее. У мордвы, Хвалынскаго уѣзда, для предохраненія ребенка отъ «вѣдуна» (или вѣдьмы), чтобы не съѣлъ сердца его, мать послѣ крестинъ, ежедневно въ теченіи шести недѣль, укладывая ребенка въ зыбку, три раза креститъ его ножомъ и имъ же обводитъ три раза зыбку, затѣмъ кладетъ ножъ подъ подушку младенца. Я сказалъ выше, что мордва суевѣрна и труслива, но бабы ихъ, въ особенности знахарки, бываютъ смѣлы и ночью ходятъ на кладбище затѣмъ, чтобы просить умершихъ знахарей помочь имъ при исцѣленіи больного: знахарка отыскиваетъ нужную ей могилу, ставитъ на ней чашку съ хлѣбомъ и, скобля ножомъ мѣдный трешникъ, проситъ умершаго, о чемъ нужно. Если ребенокъ заболѣетъ *липорадкой* (лихорадкой), мордва Хвалынскаго уѣзда дѣлаетъ слѣдующее: мать идетъ съ нимъ къ старухѣ-знахаркѣ; та для излѣ-

*) Это повѣрье существуетъ и въ Новгородской губерніи.

ченія младенца беретъ три лычка, примѣрятъ ихъ къ ребенку и часть лычекъ, равную длинѣ ребенка, отрубаетъ на шесткѣ (въ переднечьи); затѣмъ беретъ три пучка лучинокъ, по девяти въ каждомъ, кладетъ въ каждый пучекъ по лычку, кладетъ его на шестокъ, зажигаетъ и надъ дымомъ держитъ больного; когда сгоритъ первый пучекъ, кидается второй, затѣмъ третій и такимъ образомъ ребенка окуриваютъ до трехъ разъ, причемъ старуха приговариваетъ: *сынь катка сіялкъ, ейдисъ пекъ сыридянь*, что значитъ: «ребенокъ хвораетъ, кошка бери хворь ребенка». Мордовскія знахарки въ с. Оркинѣ, Саратовскаго уѣзда, не такъ давно начали употреблять оригинальное лекарство отъ лихорадки больному даютъ клоповъ, которыхъ кладутъ потихоньку отъ него въ хлѣбный мякишъ, закатывая его въ родѣ пилюли; послѣ пріема такого лекарства больнаго рветъ ужасно и лихорадка иной разъ проходитъ.

Въ русскомъ народѣ лихорадку лѣчатъ тоже разными *заговорами*. Знахарки толкуютъ, что эта болѣзнь имѣетъ 12 видовъ и есть ничто иное какъ *12 дочерей Иродовыхъ*. У нѣкоторыхъ старухъ-знахарокъ сохранились еще рукописныя *грамотки* молитвъ, заклинающихъ лихорадку. Одна изъ такихъ найдена въ Хвалынскомъ уѣздѣ княземъ Ѳ. С. Голицынымъ. Содержаніе ея слѣдующее:

Грамотка отъ лихорадки. «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Сей списокъ взятъ бысть въ Царѣ-Градѣ у престола Господня отъ всякія болѣзни. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помози мнѣ грѣшному во всѣхъ притчахъ и скорбѣхъ рабу твоему (имя рекъ) изнемозатися. Аминь, аминь, аминь. Святому отцу Сисевію, сидящему на горѣ Синайстей, подъ дубомъ Маврійскимъ, идущимъ мимо его 12 дѣвицъ, онъ рече къ нимъ: окаянныя дьявольницы, что есть вы и къ кому идете? Изъ нихъ рекоша: мы тресавицы, идемъ отъ Ирода царя мучить вашъ родъ человѣческій. И сталъ просить святой отецъ Сисевій: Господи Боже! Избави родъ человѣческій отъ таковыхъ дьявольницъ! Господь посла святаго архистратига Михаила и четырехъ евангелистовъ: Матѳея, Марку, Луку и Іоанна Богослова. Они же ихъ ноймаша и начаша мучити тремя дубцами желѣзными и даша имъ множество ранъ. Онѣ, окаянныя дьявольницы, начаша молитися: Святый отецъ Сисевій и св. архистратигъ Михаилъ и четыре

евангелиста Матѳей, Марка, Лука и Іоаннъ Богословъ, не мучьте насъ! Мы, гдѣ имена ваши заслышимъ, того ради мужеска и женска пола будемъ бѣгать за три поприща. И рече св. отецъ Сисевій и св. архистратигъ Михаилъ и четыре евангелиста Матѳей, Марка, Лука и Іоаннъ Богословъ: окаянныя дьявольницы, (что) есть имена ваши? И рече одна: 1-я, мнѣ бо есть имя *Тресовица*, како пещь распаляетъ дрова, тако распаляю у человѣка вси кости; 2-я, мнѣ бо есть имя *Медія*, знобию у человѣка всѣ уды и тотъ человѣкъ въ пещи согрѣться не можетъ; 3-я, мнѣ бо имя *Чемія*, ложусь у человѣка въ головѣ и закладываю уши и тотъ человѣкъ бываетъ глухъ; 4-я, мнѣ бо есть имя *Прустоша*, ложусь у человѣка подъ ребромъ; тяжко тому человѣку вздыхать; 5-я, мнѣ бо есть имя *Кародія*, ложусь у человѣка подъ вздыханіемъ, аще что вкуситъ, съ души скинетъ; 6-я, мнѣ бо есть имя *Коркуша* отъ всѣхъ проклятая, ручныя и ножныя жилы свожу; 7-я, мнѣ бо есть имя *Ломія*, ломлю человѣка всѣ кости; 8-я, мнѣ бо есть имя *Желтодія*, какъ желтыя въ полѣ цвѣты, такъ человѣкъ желтѣетъ; 9-я, мнѣ бо есть имя *Пухлія*, пускаю въ человѣка пухоль; 10-я, мнѣ бо есть имя *Нелюбія*, ночью сна не даю и къ себѣ никого не допускаю и съ ума сшибаю; 11-я, мнѣ бо есть имя *Серпуша*, всѣми проклятая, смыкаю жилы въ одно мѣсто; 12-я, мнѣ бо имя *Невія*, всѣми проклятая и старѣйшая трясовица, при Иродѣ царѣ усѣкнувъ главу Предтечи, и не имать человѣкъ живъ быть отъ той болѣзни.

«Аще кто хощетъ сію молитву читать на здравіе тѣла и отогнаніе проклятыхъ тресовицъ, сице да творитъ или читаетъ надъ главою болящаго. И ты сними съ него крестъ и положи въ воду и глаголи: во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь (трижды). Окаянныя дьявольницы, заключаю (заклинаю?) васъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Пречистою Дѣвою Богородицею и всѣми святыми, архистратигомъ Михаиломъ, преподобнымъ отцемъ нашимъ Сисеніемъ и четырьмя евангелистами: Матѳеемъ, Маркою, Лукою и Іоанномъ Богословомъ. Окаянная ты еси тресовица, окаянная ты еси Медія, окаянная и т. дал. (до 12-ти), побѣжите отъ раба божія (имя рекъ). Аще не побѣжите, то призовемъ на васъ св. арх. Михаила, препод. отца Сисенія и четырехъ евангелистовъ: Матѳея, Марка, Луку и Іоанна Богослова, и дать вамъ по тысячѣ ранъ; отыдите, окаянныя, отъ раба божія (имя рекъ) во имя Отца и

Сына и Св. Духа, Аминь (трижды). Сія вода дается рабу Божію (имя рекъ) на здравіе тѣла и отогнаніе проклятыхъ тресовицъ. Аминь (трижды)».

Въ народѣ есть еще средство отъ лихорадки — *завязать ее*: для этого щепятъ въ лѣсу молодой дубокъ и въ разщепъ вкладываютъ тряпку; кто затѣмъ коснется до нея, схватитъ непремѣнно эту болѣзнь. Въ народѣ употребляются отъ лихорадки почки *благословенной вербы*, раздаваемой мірянамъ въ церкви на заутреню вербнаго воскресенія; почку эту закатываютъ въ шарикъ хлѣбнаго мякиша и даютъ проглотить больному. Въ Балашовскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ крестьяне лѣчатся слѣдующимъ домашнимъ средствомъ. Въ маѣ стригутъ ржаную озимь, рѣжутъ ее на мелкія части и затѣмъ настаиваютъ въ продолженіи 12 дней въ хорошей очищенной водкѣ; настой этотъ пьютъ по рюмкѣ передъ обѣдомъ и ужиномъ; утверждаютъ, что онъ помогаетъ лучше хины; настойка эта употребляется и въ Саратовскомъ уѣздѣ, но противъ ломоты, отъ лихорадки же настаиваютъ на водкѣ и пьютъ цвѣты ландышей, а такъ же полынь. Когда младенецъ болѣнъ грыжей, то народъ очень часто употребляетъ у насъ слѣдующее средство: отецъ и мать несутъ его въ лѣсъ, отыскиваютъ два рядомъ растущихъ молодыхъ дубка и становятся другъ противъ друга, три раза передавая ребенка одинъ другому въ прогалъ между ними, потомъ снимаютъ съ него рубашенку и пеленку, оставляютъ ихъ въ лѣсу, обвязывая ими дубокъ. Этотъ способъ лѣченія называется мѣстами *относъ* и употребляется въ разныхъ дѣтскихъ болѣзняхъ, въ особенности собачьей старости (родъ сухотки у ребенка). *Жабу* (горловую опухоль) знахарки лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: «бабушка» три раза обводитъ больное мѣсто пальцемъ, причемъ шепчетъ заговоръ и затѣмъ три раза давитъ больное мѣсто о приступокъ печи. При заушницѣ, или свинкѣ, берутъ теплый навозъ изъ-подъ свиньи (*свиное гнѣздо*) и этимъ припариваютъ заушницу; болѣзнь какъ увѣряютъ, проходитъ. Ежели ребенокъ болѣнъ собачьей старостью, то сажаютъ его вмѣстѣ съ кутенкомъ (щенкомъ) въ натопленную печь *), куда влѣзаетъ бабка и вѣникомъ хлещетъ разъ по ребенку, разъ по кутенку, до трехъ разъ, приговаривая: «возьми

*) Русская печь такъ велика, что у насъ крестьяне парятся въ ней вмѣсто бани.

мою старость, отдай здоровье». Ежели кутенокъ затѣмъ околѣетъ (на второй или третій день), то ребенокъ непремѣнно выздоровѣетъ, въ противномъ случаѣ *засохнетъ* (с. Полчаниновка, 1883 года). Ежели ребенокъ очень плохъ и ему не помогаютъ никакія средства, то крестьяне прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: когда подходитъ къ окну вишій просить милостыню, то ему подаютъ черезъ окно больного ребенка, тотъ обходитъ съ нимъ нѣсколько дворовъ и затѣмъ возвращается къ той же избѣ, гдѣ мать *покупаетъ* у него свое дитя, подавъ нищему нѣсколько копѣекъ и принимая его отъ него, тоже черезъ окно. При рожденіи ребенка, какъ въ крестьянскомъ быту, такъ и другихъ сословіяхъ, существуетъ въ Саратовской губерніи обычай завертывать младенца при его появленіи на свѣтъ въ отцовскую рубашку, причемъ послѣдняя имѣетъ здѣсь символическое значеніе связи ребенка съ отцомъ. Много символическихъ значеній предметовъ и существующихъ еще обрядовъ забыты теперь нашимъ народомъ: такъ изчезъ у насъ въ Саратовской губ. очень древній символъ *порога,* хотя и до сихъ поръ ни купецъ, ни крестьянинъ, не подаютъ руки гостю черезъ порогъ, «чтобы не поссориться». Сохранился также у знахарокъ и бабушекъ слѣдующій способъ лѣченія: когда болитъ поясница, то больного ставятъ нагнувшись надъ порогомъ, или кладутъ на порогъ, на поясницу накладываютъ чистый (новый) березовый вѣникъ; затѣмъ старуха (бабушка) беретъ топоръ и слегка три раза *сѣчетъ* (рубитъ) по этому вѣнику; при этомъ больной спрашиваетъ: «что бабушка рубишь?» та отвѣчаетъ: «рублю *типунъ*». Больной говоритъ: «руби хорошенько». Вопросы и отвѣты повторяются три раза. Когда женщина долго мучится родами, то бабушка проводитъ ее три раза черезъ порогъ; это облегчаетъ роды: «Богъ ее прощаетъ», и она скоро затѣмъ рожаетъ. Это и теперь водится у всѣхъ русскихъ бабушекъ *).

Нѣмцы саратовскихъ колоній (Ягодно-Полянская волость, Саратовскаго уѣзда) тоже не лишены предразсудковъ и суевѣрій, преимущественно при лѣченіи больныхъ и припадочныхъ, причемъ часто прибѣгаютъ къ колдовству. Они лѣчатъ *водобоязнь* (бѣшенство) особыми

*) Въ Бѣлоруссіи, послѣ крестинъ, отецъ кладетъ ребенка на нѣсколько минутъ на порогъ, что называется «освятить дитя черезъ порогъ».

билетиками, исписанными какими-то таинственными знаками, принесенными къ нимъ въ старину, которые они даютъ съѣдать больному человѣку или животному. Въ «Саратовск. Губ. Вѣдом.» за 1859, № 15, есть свѣденіе, что нѣмцы Камышинскаго уѣзда давно уже лѣчатъ *билетиками* людей и скотъ, укушенныхъ бѣшеными животными, а также падежъ скота, давая ихъ съѣдать больному. Такіе же билетики употреблялись ими и отъ лихорадки. Слова на такихъ запискахъ не имѣютъ никакого смысла, какъ: «Was, Das, Emas» или «Bel, Bore, Nazel, Kazel», также «Pacus» или «Pakas».

Для прекращенія падежа рогатаго скота, народъ въ Саратовскомъ уѣздѣ употребляетъ слѣдующее средство. Въ 1860 году въ дер. Ивановкѣ (Полчаниновской волости) былъ сильный падежъ, мужики навалили въ баракъ (оврагъ) хворосту и, потушивъ всѣ огни въ селеніи, жгли на томъ кострѣ кости палыхъ животныхъ, а черезъ дымъ гнали скотину. Падежъ былъ и въ дер. Ѳедоровкѣ (той же волости): крестьяне по совѣту знахаря прорыли мысъ между верхами Грунина Барака, гдѣ крестьянка Аграфена зарыла своихъ палыхъ коровъ, и прогнали скотину по этому коридору; приглашенный священникъ стоялъ въ это время на верху и окроплялъ животныхъ святою водою; пока длилась эта церемонія, огонь во всей Ѳедоровкѣ былъ затушенъ и послѣ того его добывали посредствомъ тренія деревяшекъ; утверждаютъ, что падежъ тотчасъ же прекратился. — Для предохраненія домашняго скота отъ заразы существуютъ въ Аткарскомъ уѣздѣ (с. Бѣдняковка) слѣдующія повѣрья. На Пасху, во время служенія пасхальнаго молебна въ домѣ, подъ *столешникомъ* (скатертью) на столъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны лежать крестъ и евангеліе, насыпаютъ нѣкоторые соли, другіе—проса и пшена, смотря по надобности домохозяина; солью затѣмъ кормятъ домашній скотъ, чтобы не хворалъ и болѣе плодился, а просомъ и пшеномъ — куръ, чтобы болѣе неслись и разводились. Выгоняя домашній скотъ на пастбище, прогоняютъ его черезъ «курево» (дымъ), напередъ разведенное въ концѣ селенія, чтобы не приставала зараза. Съ тою же цѣлью, выгоняя въ первый разъ стадо въ поле, сгоняютъ со двора скотъ *благословенной вербой*, которая раздается въ церкви у заутрени на вербное воскресенье *). На Троицынъ день берутъ изъ

*) Въ Новгородской и Псковской губерніяхъ выгоняютъ въ первый разъ

церкви траву и кормятъ ею домашній скотъ, что по убѣжденію крестьянъ предохраняетъ отъ падежа. *Опахиваніе* селеній сохою, въ которую впрягаются дѣвки, ночью, для предохраненія селенія отъ падежа скота, встрѣчалось въ Колѣнской волости (Аткарскаго уѣзда) еще въ 1860 годахъ; теперь о немъ не слышно.

Въ Хвалынскомъ уѣздѣ, чтобы предохранить свой домъ отъ *вѣдуновъ*, мордвинъ вѣшаетъ черезъ заборъ на улицу лапоть съ оборками.

Во многихъ селеніяхъ Саратовской губерніи какъ у русскихъ, такъ и мордвы, распространены рукописныя апокрифическія сказанія, которыя крестьяне чтутъ наравнѣ съ священными книгами, а нѣкоторые носятъ постоянно при себѣ, вѣря въ ихъ чудодѣйственную и цѣлебную силу отъ всякой напасти. Многіе съ этой же цѣлью заучиваютъ ихъ наизусть и убѣждены, что эти списки сняты съ рукописей, полученныхъ *свыше*. Это — религіозно-фантастическія сказанія изъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ: сказанія объ Адамѣ и Евѣ; о древѣ крестномъ; о Раѣ; плачъ Адамовъ; о рукописаніи Адамовомъ; о главѣ Адамовой; о имени Адамовѣ; Сонъ Богородицы; Свитокъ Іерусалимскій; Хожденіе Богородицы по мукамъ; списокъ 12 пятницъ; списокъ дней, которые слѣдуетъ хранить всякому человѣку **). Эти апокрифическія сказанія перешли въ Россію еще въ старину изъ Византіи и хотя церковь строго за-

---

весною скотъ благословенной вербой, служатъ при этомъ общій молебенъ и кропятъ его святою водою.

**) Въ Тамбовской ученой архивной коммиссіи хранятся рукописные и печатные апокрифы: 1) *Сказаніе о чудесахъ Богородицы* (написана въ г. Олонецкѣ въ 1680 году), гдѣ между прочимъ говорится о рожденіи Спасителя: «Яко лучъ солнца чрезъ стекло проникаетъ, не нарушивши стекла, тако и Христосъ народился отъ пречистыя Дѣвы, проникнувъ сквозь тѣло Ея, дѣвства ключа не вредилъ, по словеси пророка Іезекіила: та врата заключена будутъ и не отверзутся и никто же пройдетъ ими, яко Господь Богъ Израилевъ впидетъ ими». (Журн. Тамб. Архивной Коммиссіи, 1885, № 46). 2) Печатанная въ Почаевской типографіи апокрифическая книга: «*Сказаніе о вольномъ страданіи и о тайной вечери Господа нашего Іисуса Христа*, какъ волею своею нашего ради спасенія страсть претерпѣ, и о благовѣстіи Іоанна Предтечи во адѣ, и о сшествіи Господа нашего Іисуса Христа во адъ, и о радости праведныхъ, и о воскресеніи Господни и о введеніи праведныхъ въ рай». (Журналъ Тамбовской Архивной Коммиссіи, 17 февраля, 1886).

прещала чтеніе и распространеніе этихъ сказаній, онѣ читались и переписывались съ жадностью.

Болѣе всего распространенъ въ Саратовской губерніи *Сонъ Богородицы*, обыкновенно крайне искаженный переписчиками; ветхозавѣтные апокрифы встрѣчаются очень рѣдко и я приведу въ пересказѣ сказаніе о предсмертныхъ часахъ жизни Адама:

Сказаніе объ Адамѣ. Проживъ 900 и 30 лѣтъ и родивъ 30 сыновей и 30 дочерей, Адамъ впалъ въ смертную чревную болѣзнь, отъ которой пришелъ въ ужасъ, такъ какъ до той поры не зналъ, что̀ такое болѣзнь, почему велѣлъ собраться всѣмъ своимъ потомкамъ, которые сошлись и стали на три стороны. На вопросъ Сиѳа, отъ чего приключилась эта болѣзнь и не можетъ ли онъ для утоленія ея принести чего-либо изъ рая, Адамъ разсказалъ имъ исторію своей жизни, о сотвореніи Богомъ рая и порученіи на храненіе Адаму восточной и сѣверной сторонъ, а Евѣ— западной и южной; объ искушеніи Евы отъ дьявола и бѣдствіи, постигшемъ ихъ обоихъ послѣ паденія: въ сторонѣ рая, порученной охраненію Евы, появился дьяволъ, принявшій видъ ангела, и разговаривая съ Евой, оторвалъ отъ запрещенной смоковницы вѣтвь съ плодами и подалъ Евѣ; лишь только она вкусила отъ запрещеннаго плода, врагъ изчезъ и всѣ деревья рая сбросили съ себя листья. Ева почувствовала свою наготу и заплакала, но въ это время увидала смоковницу, на которой только и оставались широкіе листья и скрылась подъ нею. По паденіи Адама изъ этихъ листьевъ они сдѣлали себѣ одежду; въ это время раздался звукъ трубы архангела Михаила, созывающій ангеловъ въ рай, чтобы услышать судъ божій надъ Адамомъ. Посреди рая, подъ древомъ жизни, возвышается престолъ, на который, при славословіи ангеловъ, сошелъ съ неба самъ Богъ: мгновенно, съ величайшей пышностью, снова разцвѣли всѣ деревья рая. Когда ангелы стали изгонять изъ рая осужденныхъ, Адамъ просилъ ихъ помедлить, чтобы умолить милость Божію; но Богъ укорилъ ангеловъ и отказалъ въ милости. Семь (по другимъ спискамъ 15) дней сидѣли изгнанные прародители у воротъ рая и, приникнувъ къ землѣ, горько плакали; наконецъ, Ева изнемогла и вмѣстѣ съ Адамомъ отправилась искать по землѣ «снѣднаго», но обошедши всю землю и ничего не сыскавши, они возвратились къ раю и

снова стали горько плакать: «Раю, мой раю!—восклицалъ Адамъ,—красота неизреченная, меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ; Милостиве, помилуй мя падшаго!» И Господь умилосердился, послалъ ангела Іоиля, который отдѣлилъ имъ седьмую часть рая, гдѣ они поѣли сначала плода терноваго, но потомъ явился архангелъ Михаилъ, принесъ пшеницы и меду и «наставилъ ихъ на дѣла ручныя». Адамъ занялся земледѣліемъ, но дьяволъ явился къ нему и сказалъ: «Небеса и рай суть Божіи, а земля моя; если хочешь быть Божій—иди въ рай, а хочешь быть моимъ—дай мнѣ рукописаніе за себя и родъ свой, и дѣлай землю». Адамъ отвѣтилъ: «чья земля, того и я», и далъ рукописаніе дьяволу *); но послѣдній все еще продолжалъ преслѣдовать прародителей. Чтобы избавиться отъ него, Адамъ и Ева наложили на себя 40-дневный постъ: «Ева вошла по шею въ рѣку Тигръ, положивъ одинъ камень подъ ноги, а другой на голову, каялась и молилась тамъ; а Адамъ отправился къ Іордану, въ струяхъ котораго молился 40 дней, — сюда собрались къ нему звѣри и птицы, явились съ небесъ ангелы и стали молиться за него. Дьяволъ же, принявъ видъ ангела, отправился къ Евѣ и уговаривалъ ее выйти изъ воды, потому что Богъ услышалъ ея молитву; но Ева осталась въ водѣ, пока пришелъ за нею Адамъ.—Далѣе въ апокрифѣ разсказывается о поселеніи прародителей въ Мадіамѣ, о рожденіи Каина и Авеля, объ убіеніи Авеля и рожденіи Сиѳа; но Адамъ не успѣлъ окончить разсказа и позвалъ Еву, сказавъ ей, что «душа его исходитъ изъ него», и пожелалъ получить изъ рая масличную вѣтвь. Ева съ Сиѳомъ отправились за нею; на пути звѣрь горгонтій бросился на Сиѳа, но тотъ поразилъ его. Долго плакали они, подойдя къ дверямъ рая; наконецъ, явился ангелъ и объявилъ, что отъ болѣзни Адама нѣтъ лекарства, такъ какъ

*) Въ другихъ апокрифахъ сказано, что Адамъ далъ рукописаніе, напуганный темнотою ночи, когда дьяволъ обѣщалъ ему возвратить дневной свѣтъ. Въ иныхъ же говорится, что онъ далъ оное за то, что дьяволъ освободилъ Каина отъ 12-ти «змѣиныхъ головъ», съ которыми тотъ родился. Рукописаніе это, данное на камнѣ, дьяволъ скрылъ въ Іорданѣ и велѣлъ змѣинымъ головамъ оберегать его; но Христосъ, при крещеніи своемъ, поразилъ змѣй и разрушилъ камень, а потомъ, сошедши въ адъ, окончательно уничтожилъ и остатки этого рукописанія, скрытыя тамъ дьяволомъ.

приблизилась его смерть, а далъ три вѣтки: *пеѣва* *), *кедра* и *кипариса* (по другимъ сказаніямъ: далъ вѣтвь отъ дерева, изъ-за котораго Адамъ изгнанъ изъ рая). Изъ этихъ вѣтвей Адамъ сдѣлалъ *вѣнецъ* и положилъ его на голову; въ это время онъ увидѣлъ простертую къ нему руку Господню и съ отверзтыхъ небесъ явилась кадильница съ ладаномъ и три ангела со свѣщами. Для духа Адамова Господь назначилъ пребываніе на третьемъ небѣ, а тѣло приказалъ арх. Михаилу отнести въ рай. Когда ангелы принесли тѣло, то съ неба раздался гласъ Божій: «земля еси и въ землю пойдеши»; на это земля отвѣтила: «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще отъ всѣхъ».

Послѣ Адама скоро скончалась и Ева; арх. Михаилъ научилъ Сиѳа похоронить ея тѣло близъ тѣлъ Адама и Авеля. Затѣмъ начинается въ извѣстныхъ изданныхъ апокрифахъ сказаніе — о крестномъ древѣ, мнѣ не встрѣчавшееся въ народѣ.

Привожу далѣе рукописныя статьи, часто встрѣчаемыя у русскихъ и мордвы Саратовской губерніи:

Сонъ Богородицы. «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Сонъ Пресвятыя Владычицы и Присно-Дѣвы Маріи. Во градѣ во Виѳлеемѣ Іудейскомъ уснула Пресвятая Богородица на одрѣ своемъ; увидѣла сонъ о сынѣ своемъ Іисусѣ Христѣ и возстала отъ сна своего, и пріиде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ и рече къ ней: мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, спала еси во святомъ градѣ во Виѳлеемѣ Іудейскомъ, что во снѣ видѣла? И рече ему Пресвятая Богородица: сынъ мой возлюбленный, сладчайшее мое чадо, Іисусъ Христосъ. Спала еси **) въ мартѣ мѣсяцѣ во святомъ градѣ Виѳлеемѣ Іудейскомъ и увидала сонъ дивенъ: архангела Гавріила безплотныхъ силъ... (дальше не разборчиво). Глаголаша: правду видѣла еси сонъ зѣло страшенъ. Тебя Господа моего Іисуса Христа жидове поймали и связали и привели къ Понтійскому Пилату Игемону, ко древу кипарису распяли, руцѣ и нозѣ гвоздями пригвоздили, и терновъ вѣнецъ на главу твою святую возложенъ, и по главѣ ударенъ и оплеванъ и ребра твоя святыя копіями прободоша, и абіе изыде кровь и

*) Должно быть: «певга».

**) Т. е.: есми, есмь.

вода на изцѣленіе христіанамъ и на спасеніе душамъ нашимъ. И Никодимъ старецъ тѣло твое со креста снялъ и благообразный Іосифъ плащаницею чистою обвивъ и во гробѣ новомъ положенъ. Въ третій день воскресъ еси изъ мертвыхъ и всему міру даровавъ животъ вѣчный и разодра рукописаніе Адамово. И рече сынъ Божій: мати моя, Пресвятая Богородица, во истину сонъ твой не ложенъ и праведенъ.—Аще кто его въ пути съ собою носитъ, тому человѣку не прикоснется діяволъ, ни золъ человѣкъ, и отъ мечнаго посѣченія скорое избавленіе получитъ. Аще кто сонъ твой содержитъ въ чистотѣ, къ тому дому ни огнь, ни разбойники не прикоснутся, здравіе скотамъ, прибытокъ и по водамъ пристанище будетъ. Который человѣкъ сонъ твой при смерти помянетъ, или кого заставитъ прочитать, тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ вѣчной муки, огня неугасимаго, червя неусыпающаго, тьмы кромѣшней и тартарары преисподней, и ангели Божіи возьмутъ душу честно и понесутъ до царствія небеснаго и отдадутъ Аврааму въ рай. Аминь». «Сей листъ Божій былъ у гроба Господня въ Іерусалимѣ; папа Римскій, о славѣ Господа нашего Іисуса Христа, послалъ его брату своему королю, напротивъ непріятель. Тотъ листъ такую имѣетъ силу: кто его хощетъ читать и слушать, такому человѣку на 40 дней отпущеніе грѣховъ будетъ, и породитъ отроча легко, и стережетъ таковаго во дни и нощи отъ каждой гадины и отъ дьявола искаріотскаго. И прошу тебя, Господа моего, черезъ муку твою святую, которую претерпѣлъ за насъ грѣшныхъ, Іоанна пророка и Предтечу Крестителя Господа нашего Іисуса Христа, остереги меня раба Божія отъ огня и меча, стремленія соблюди мои и отъ казненія избави».

«Сей листъ найденъ въ землѣ греческой на горѣ Елеонской, предъ образомъ Архангела Михаила; листъ писанъ золотыми литерами. И рече Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго: мать Божества моего, ежели бы день недѣльный чтили.... (пропускъ, неразборчиво *); я вамъ далъ 6 дней работать, а седьмой день въ недѣли освятиша. Ежели повелѣніе мое не будете хранить, напущу на васъ, и возстанутъ царь на царя, король на короля, отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата, сосѣдъ на

*) Приводя здѣсь бывшіе у меня въ рукахъ апокрифы, я не измѣняю чтенія, исправляя только безобразныя искаженія писавшаго.

сосѣда, и будетъ между вами великое кровопролитіе на землѣ. И всѣхъ васъ оскорблю (?) и нищу отъ васъ отыму. Еще васъ наказывать буду громомъ и снѣгомъ, и напущу на васъ птицъ летающихъ, начнутъ летать и кусать, и будетъ злое повѣтріе восходить. Еще приказываю вамъ, дабы въ субботу по вечеру не работали для Матери Моея, Пресвятой Богородицы, и ежели бы она за васъ не молилась и ангели ваши хранители, уже бы вы давно погибли горькою смертью. Въ Воскресенье Христово, въ недѣлю дабы каждый человѣкъ, старый и младой, съ женами и дѣтьми своими до церкви Божьей ходили и воспоминали о грѣхахъ, что согрѣшили за эту недѣлю, и всякихъ работъ не работали бы и злыхъ дѣлъ не творили бы. Да еще вамъ приказываю ради Матери Моея Пресвятой Богородицы, ради ангеловъ вашихъ хранителей, не клянитесь небомъ и землею; гнѣвъ не держите другъ на друга; святителей чтите, нищимъ и убогимъ милостыню подавайте, не гордитесь, отца и мать чтите, то дамъ вамъ царствіе небесное и отпущу грѣхи ваши и дамъ покой вѣчный. Послѣднее вамъ приказываю, дабы вѣрили сему листу и ежели который человѣкъ сему листу вѣрить не будетъ, тотъ человѣкъ безъ причастія за грѣхи свои умретъ злой смертію. Ежели который человѣкъ сему листу вѣрить будетъ и сей листъ при себѣ имѣть будетъ отъ дому до дому читать, или писать и списавши отсылать по дальнѣйшимъ странамъ, и тотъ человѣкъ, если бы что имѣлъ то (какъ) на небеси звѣзды, или какъ песокъ въ морѣ, или какъ листъ на деревѣ, отпущеніе грѣховъ будетъ и царствіе небесное получитъ. Ему же честь и слава нынѣ присно и вовѣки вѣковъ, аминь». (У мордвы с. Оркина, Саратов. уѣзда, 1880 года).

Сонъ Пресвятыя Богородицы Дѣвы Маріи (*какъ заговоръ*). «Почивала Марія матушка Пресвятая Богородица во святомъ градѣ во Виѳлеемѣ Іудейскомъ и прійде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ и рече Ей: Мати моя возлюбленная, спала еси во святомъ градѣ во Виѳлеемѣ Іудейскомъ, что ты во снѣ видѣла? Она же рѣче: крестъ, аггеловъ язва, со мною рабою Божіей колесница и сила съ херувимами и серафимами и небесными силами, архистратигами. Михаилъ архангелъ и Уріилъ архангелъ оградите меня съ *каньдитами* (?) своими святыми, закройте ризами своими нетлѣнными и да благословите меня во всякомъ времени, отъ

стрѣлы и пули защитите меня ризами своими нетлѣнными, и отъ колдуновъ и отъ колдуницъ, и отъ всякихъ притокъ, всякихъ заговоровъ и отъ всякаго глазу нечистаго, отъ ружьевъ и пистолетовъ, отъ. мушкетоновъ, отъ стрѣлъ летящихъ: свинцовыхъ, желѣзныхъ и пуль чугунныхъ, каменныхъ и всякихъ злыхъ вещей не были бы на меня́ раба Божія (имя рекъ), или падите въ сыру землю, падите и оглушите непріятелей пули и стрѣлы и страхъ нестерпимый, аки стрески (стрѣлки?) огненной, уже по повелѣнію Господню небо и земля потрясеся, вся та суть ужасошася, которая меня раба хочетъ стрѣлою убить, кровь мою пролить. Лихіе люди, супостаты, воры, разбойники, таковы противъ меня раба Божія (имя рекъ) сопротивниковъ и злыхъ людей, тѣхъ изъ сердца жилье и суставы и горячую кровь, и потрясеся, и ужаснулись-бы Господа Іисуса Христа, Сына Божія. Помилуй мя грѣшнаго раба своего! Ты Господи — Богъ, я рабъ твой, а Ты заступникъ и всякому дѣлу помощникъ, меня раба Божія (имя рекъ) на семъ свѣтѣ утверди, тѣло и душу, сердце съ печенью, кости съ жилами, суставы, горячую кровь, и не сотвори булату крѣпкому отъ злыхъ людей, отъ пуль острыхъ и отъ всякаго смертнаго побоища, и защити ризами своими нетлѣнными. Ты Господи терпѣливый... (неразборчиво) всякому душу неповинную. Спаси всякаго человѣка, Ты Господи, терпѣливый грѣхамъ нашимъ темнымъ, пожди раба Божія на покаяніе, и сохрани того и съ душею отъ смерти, Владыко многомилостиве Создателю, сотворивый небо и землю, аминь». (Списано у Мордвы с. Оркина, въ 1880 г.).

Сонъ Богородицы (*какъ стихъ*). Князь Ѳ. С. Голицынъ записалъ со словъ 80-лѣтней старухи, Анны Яковлевны, изъ с. Одоевщины, Хвалынскаго уѣзда, «стихъ» о снѣ Богородицы («Саратовскій Сборникъ», т. I, 1881):

Матушка Марія,
Ты гдѣ спала, припочивала?
— Во городѣ Виолеемѣ,
Въ Божьей Церкви на престолѣ;
Мало ночиньки спало́ся,
Много во снѣ видѣло́ся;
Во-вторыхъ Христа породила,
И во пелены пеленала,

Да и въ поясъ совивала;
Во Іордапѣ Христа искупала,
И на той святой рѣкѣ, на Іорданѣ,
Выростало святое дерево кипариса;
На тѣмъ святымъ деревѣ кипарисѣ
Явился чуденъ крестъ животворящій,
И на тѣмъ чудномъ крестѣ животворящемъ
Быть Іисусу Христу распятому.
На крестѣ Христа распіяли,
Руки, ноги гвоздями прибивали,
А тутъ копьемъ ребро прибрюшали,
Терновъ вѣнокъ набивали,
Святую кровь проливали,
Уста кровью помазáли.
На крестѣ Христосъ возопнулся,
Во сыру землю опустился,
Песками засыпался,
И камнями заложался,
И приставили къ Іисусу Христу
Іудеи полки—полками.
Какъ полки во кругъ сверпулись,
Такъ истиннаго Христа
Святымъ Духомъ не взвидали,
И вознесся самъ Господь
Ко Матушкѣ ко Маріи.
И сталъ Іисусъ говорить
— Матушка Марія, спишь али не спишь,
Али на меня Христа вдвое зришь?
— «Сладкое Мое сыне, Іисусъ Христосъ,
И сплю и не сплю,
И на тебя Христа вдвое зрю;
Привидяша мнѣ страшенъ сонъ
И грозенъ и милосливъ».
Да кто этотъ сонъ понимаетъ,
Рабъ или рабыня,
Во очищеніи пребываетъ,
И по трóжде на день

Проговаривать станетъ,
Тотъ человѣкъ
Сохраненъ будетъ, помилованъ;
Сохранитъ его Господь
Отъ огня отъ палящаго,
Отъ смолы кипучей,
Отъ муки вѣчной,
Отъ тьмы кромѣшной;
И сохранитъ Господь
При путѣ при дорогѣ,
При чистымъ полѣ,
При синімъ морѣ;
Сохранитъ его Господь
На водахъ, на моряхъ
И на потопахъ.

Слава Отцу и Сыну и Св. Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

По народнымъ понятіямъ стихъ этотъ обладаетъ цѣлебными и чудесными свойствами и читается для исцѣленія больныхъ, а также въ видѣ заговора, при встрѣчѣ съ лихимъ человѣкомъ: въ послѣднемъ случаѣ въ концѣ стиха, послѣ словъ «и на потопахъ» прибавляютъ:

Сохрани меня Господи
Отъ пуговицы отъ мѣдной (отъ пули)
И отъ обуха желѣзнаго (топора).

Варіантъ. Слѣдующій варіантъ «Сна Богородицы» самый распространенный въ Хвалынскомъ уѣздѣ, списанъ княземъ Голицынымъ съ рукописи:

«Спала еси матерь наша, Пресвятая Богородица, во святомъ градѣ во Виѳлеемѣ Іудейскомъ и пріиде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ и рече ей: О мати моя, пречистая Богородице! спиши ты или нѣтъ? Рече къ нему пречистая Богородице: возлюбленный сыне, Боже мой, сладчайшее мое чадо и сердце! заснула я на малъ часъ въ мартѣ мѣсяцѣ во святомъ градѣ Виѳлеемѣ и видѣла сонъ весьма страшенъ: какъ-бы тебя Господа Бога моего Іисуса Христа, у жидовъ пойманнаго, руци и нози твои отъ беззаконныхъ жидовъ связана и приведеннаго къ Понтійскому Пи-

лату Игемону, осужденнаго на смерть крестную и на гору Голгоу за святую выю цѣпью влеча; въ лице твое святое плеваху, руци и нози ко кресту пригвоздиша, терновъ вѣнецъ на главу твою святую возложиша, тростію по главѣ твоей ударяху, оцтомъ съ желчью напоиша; отъ воинъ копіемъ ребра твоя святыя прободена, изъ нихъ изыде кровь и вода. Рече къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ: во истину сонъ твой не ложенъ, а праведенъ есть, потому что глаголемое тобою сбудется,—что буду отъ беззаконныхъ жидовъ поруганъ и на крестѣ распятъ, и въ третій день воскресну, всѣмъ мертвымъ животъ даруя, сущихъ изъ ада съ собою возведу и на небеса вознесу, и тебя, Пречистая Матерь, поученіемъ своимъ возвеличу; на небеса вознесемся со мною во вѣки вѣкомъ, аминь.

«Аще кто человѣкъ сей Сонъ Богородицынъ въ домѣ своемъ держитъ, къ тому дому не прикоснется ни огнь, ни воръ и ни какой злой человѣкъ. Аще который человѣкъ сей Сонъ Богородицынъ при себѣ въ чистотѣ держать будетъ и холить, тотъ человѣкъ избавленъ будетъ вѣчной муки, или кто въ путь свой съ собою носитъ, къ тому человѣку не прикоснется всякое бѣсовское навожденіе, звѣрьми съѣденъ не будетъ и отъ разбойниковъ ограбленъ не будетъ—архангелъ Михаилъ путь выказываетъ. Аще который человѣкъ и въ судъ пойдетъ, и тотъ человѣкъ оправится предъ судомъ и отъ людей прощенъ будетъ. Аще который человѣкъ сей Сонъ при смерти своей помянетъ и ангелы божьи снидутъ на душу его и примутъ въ царствіе небесное, во вѣки вѣковъ, аминь.

«Рече Господь матери своей: аще кто сей Сонъ и страсти мои станетъ въ дому своемъ держать, тотъ домъ сохраненъ будетъ отъ злыхъ супостатовъ и нечистыхъ духовъ. Аще рабъ божій (имрекъ) пойдетъ предъ царя или вельможу и сей сонъ возьметъ съ собой, и онъ, рабъ божій (имрекъ), отъ царя помилованъ будетъ, отъ вельможъ пожалованъ, на судѣ кривымъ не будетъ осужденъ. Аще рабъ божій (имрекъ) пойдетъ въ путь и сей Сонъ съ собою возьметъ, и тотъ рабъ божій (имрекъ) избавленъ будетъ отъ тлетворныхъ и смертоносныхъ язвъ, отъ напрасныя смерти деннаго, полуденнаго, ночнаго и полуночнаго бѣса, отъ семидесяти притокъ, денныя, ночныя, подяныя и вѣтряныя. Аще рабъ

божій (имрекъ) пойдетъ въ бесѣду и сей Сонъ съ собою возьметъ, и въ пиру избавленъ будетъ отъ злыхъ еретиковъ и отъ колдуновъ. Аще пойдетъ въ лѣсъ, избавленъ будетъ отъ деревяннаго лому и отъ ядовитаго гада. Аще рабу божію и смерть случится и сію молитву въ чистотѣ сохранитъ, и сохранитъ душу его Богъ: бѣсы ея не возьмутъ, а возьмутъ святые ангелы Господни, отнесутъ къ Аврааму въ рай.

«Сіе святое письмо писано чудеснымъ образомъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, писано собственною его рукою золотыми литерами еврейскимъ языкомъ; найдено въ.... верстахъ отъ града Іерусалима во изображеніе честнаго креста Господня. Письмо сіе было истолковано семилѣтнимъ мальчикомъ сиротою, который до того времени ничего не говорилъ до сужденнаго онаго письма. Письмо сіе должно носить при себѣ и давать оное каждому христіанину, кто только пожелаетъ и попроситъ оное списать у тебя; оно писано мою собственною рукою и произнесено моими устами; будутъ прокляты тѣ, которые будутъ скрывать его въ своихъ домахъ и не будутъ объявлять о семъ никому—любящимъ мя; посрамлены они будутъ въ день страшнаго суда Божія, а кто пожелаетъ прочесть или списать — будетъ мною благословляемъ отнынѣ и до вѣка, хотя бы они сдѣлали столько грѣховъ, сколько на небѣ звѣздъ. Всѣмъ тѣмъ, которые будутъ носить письмо сіе или имѣть на домѣ своемъ, то никогда ни злой духъ, ни громъ, ни огнь, ни язвы, ни другія же подобныя бѣды не прикоснутся имъ и тому дому будетъ слава Божія и честь отъ людей во вѣки вѣковъ, аминь».

Свитокъ Іерусалимскій. «Во Святомъ градѣ бысть явленіе предивное: въ церковь Божію палъ съ небеси камень, малъ бѣ и студенъ и тяготы ему не могутъ вѣдать. И падъ тотъ камень въ 3-мъ часу дня. Патріархъ Іерусалимскій со всѣмъ соборомъ молебенъ пѣлъ три дня и три нощи; въ четвертый день камень тотъ распадеся на 4 части. Этотъ свитокъ Богомъ написанъ, и въ немъ пишетъ: тако глаголетъ Господь, послушайте, людіе мои, человѣколюбиваго моего писанія и словесъ моихъ: Азъ Богъ вашъ пишу къ вамъ, первую и вторую и послѣднюю мою заповѣдь, а словеси мои никогда не прейдутъ. Уже вамъ, окаянные, много времени и лѣта ваши скончеваются и страшный судъ готовится, Престолъ

Господень содѣвается, книги судей разгибаются и дѣла ваши обличаются; Азъ, Господь вашъ Іисусъ Христосъ, пріиду судити живыхъ и мертвыхъ, воздамъ каждому по дѣламъ вашимъ. Безумные человѣки, поживите въ совѣтѣ и любви между собою, дѣлайте правду, Воскресеніе мое чтите честно и духовно, такожде и праздники Господни почитайте, среду и пятокъ поститесь, (ибо) сотворилъ Богъ перваго человѣка Адама на земли, въ туже пятницу меня жидове ко кресту гвоздями пригвоздили, и копіемъ въ ребро прободоша за ваши беззаконія, а въ Воскресеніе Христово изъ мертвыхъ воскресъ и всѣхъ умершихъ воскресилъ съ собою; въ тоже Воскресеніе Христово начатокъ вашего спасенія.

«Аще который человѣкъ Воскресеніе Христово на трудъ помогаетъ и хощетъ себѣ прибытку получить, и тотъ человѣкъ собираетъ на главу свою огнь и погубитъ себя всю седьмицу; а Воскресеніе Христово далъ Богъ человѣкамъ рабамъ и рабынямъ и скотамъ на покой. Праздники Господни празднуйте съ любовію, не объяденіемъ и не пьянствомъ; другъ друга любите и прославляйте имя мое. Сиротъ и вдовицъ не брежете и не милуете, за то и сами не получите; нищимъ и убогимъ милостыню не творите и не милуете, за то и сами не помилованы будете. Безумные человѣцы! посмотрите, какъ невѣрные языка вашего не знаютъ, а Бога знаютъ, нищимъ и убогимъ милостыню подаютъ по своей вѣрѣ. Вы, безумные человѣцы, по моему закону жить не хочете и меня не слушаете. Азъ есмь Господь вашъ, Творецъ небу и земли, долготерпѣливъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣвался на васъ окаянныхъ и жду вашего обращенія ко мнѣ. За злыя дѣла ваши послалъ бы васъ всѣхъ окаянныхъ сгубить до конца, да еще молится за васъ окаянныхъ Пресвятая Богородица и Ангелы ваши хранители. И еще умилосердюсь на васъ окаянныхъ, жду вашего обращенія къ себѣ; и еще на покаяніе Азъ на васъ окаянныхъ напущу молнію, невѣрные языки, и пролію кровь вашу за ваши беззаконія; напущу на васъ мразъ и огнь и моръ и жажду, не дамъ воды, и рѣки и источники, за злыя дѣла ваши, за неправду, изсякнутъ; не дамъ вамъ дождя на землю, теплоты солнечной во время (созрѣванія) плодовъ земныхъ. И Азъ на васъ, безумные человѣцы, аще не покаетесь, отверзну уста свои и пущу на васъ камни горящіе, воду кипящую и не можете укрыться отъ крѣпкія руки Моя и отъ все-

видящаго ока моего. И еще пущу на васъ звѣрей двуглавыхъ, крылатыхъ, и поѣдятъ сердца ваши и плоть вашу. Еще пущу на васъ звѣрей лютыхъ: главы у нихъ львины, а крылья орлины, а власы у нихъ женскія; и пущу на васъ тьму велику. Окаянные, восколеблетесь аки черви, проподающіе (sic) въ землѣ, начнете раскапывать гробы мертвыхъ своихъ, речете отцамъ и матерямъ, братьямъ и сестрамъ и сродникамъ своимъ: «примите насъ къ себѣ отъ гнѣва божія и сильныхъ лютыхъ звѣрей, не можемъ мы терпѣть и укрыться». Тогда отвращу лице свое отъ васъ и не послушаю гласа вашего и плача и рыданія; вы бо слѣпы сердцемъ, душегубцы и лукавцы: братъ брату, другъ другу завидуете, немилостивые. Какъ оставили свѣтъ и не взлюбили? Земля не пожретъ (?) за ваши беззаконія и неправду и непослушаніе, ограбители чужаго имѣнія! — Милостыню нищимъ не творите, какъ можете отвѣтъ дать въ день судный предъ праведнымъ Судіею? Пишу вамъ спасеніе въ наказаніи, а кто сему листу не вѣритъ, и тотъ человѣкъ будетъ проклятъ и горе тому человѣку, что о правдѣ глаголетъ, а неправду творитъ. Честь и слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь».

Сказаніе о мукахъ. «Рече Мати Пресвятая Богородица архангелу Михаилу: веди меня, гдѣ многіе народы мучатся, гдѣ тьма кромѣшная. И приведе Ее арханг. Михаилъ ко древу желѣзному, на немъ вѣтви желѣзныя и огненныя, и тутъ мнози народы мучатся. И рече Пресвятая Богородица: сіи люди о какихъ грѣхахъ мучатся?—Рече архангелъ: кто вздоръ смутилъ, того ради мучаются. И рече Пресвятая Богородица: поведи ко иной мукѣ. И приведе Ее къ палатамъ желѣзнымъ, тутъ мнози люди мучаются. «О какихъ грѣхахъ мучаются?» Рече архангелъ Михаилъ: судъ неправедно судятъ, правыхъ виноватыми, а виноватыхъ правятъ, мздоимцы. Рече Пресв. Богородица: поведи къ иной мукѣ. Приведе Ее архангелъ къ рѣкѣ огненной; течетъ рѣка отъ востока къ западу; въ ней многіе народы мучаются за то, что по воскреснымъ днямъ блудъ творили; еще которые отцовъ духовныхъ бранили, оные стоятъ по уста въ рѣкѣ огненной. Рече Пресв. Богородица: поведи ко иной мукѣ. И приведе Ее къ рѣкѣ темной, въ ней вой и визгъ, и рече архангелъ: жиды, неправедно Христа распявшіе. Рече Богородица: о горе богохульникамъ, отступникамъ

проклинающимъ Бога! И приведе Ее архангелъ Михаилъ къ червію неусыпающему и рече: поста не знали, среду и пятокъ не соблюдали, на покаяніе къ отцамъ духовнымъ не ходили, тѣло и крови Христовой не принимали. И рече Богородица: что въ рѣкѣ огненной стоятъ въ бѣлыхъ ризахъ, за что люди эти мучаются? Рече архангелъ: патріархи, митрополиты, архіепископы, игумены, попы, діаконы и весь причтъ церковный, видя свѣтъ возлюбили тьму, заповѣдь не наблюдали, дѣтей своихъ духовныхъ страху божію не научали, царство небесное затворили, злыя дѣла дѣлали,—о томъ мучаются. И приведе Ее архангелъ ко злымъ зубамъ (sic), скрыжутъ тѣло человѣческое, и рече: милостыню не подавали, странныхъ и вдовицъ не принимали, того ради мучаются. И приведе Ее, гдѣ скрежетъ зубами лютъ, и рече: за то мучаются, о горе, князи и бояре, что неправедно судили своихъ подданныхъ.... (пропускъ). И рече Пресвятая Богородица: сіи люди за какіе грѣхи мучаются? Идоламъ служители. Прослезися Пресв. Богородица, видя гибель рода человѣческаго. Аминь». (Село Оркино, 1880 г.).

Въ словѣ о видѣніи Апостола Павла разсказывается слѣдующее. Вся природа жалуется Творцу, на беззаконія людей, объясняя, что вся тварь повинуется Богу, только одно человѣчество согрѣшаетъ. Солнце, луна, звѣзды и особенно земля постоянно вопіютъ и просятъ Бога дать имъ власть отмстить людямъ за ихъ беззаконія, но долготерпѣливый Судія постоянно удерживаетъ тварь отъ такого отомщенія, ожидая, что грѣшники обратятся на путь истинный. Ангелы являются передъ Престоломъ Божіимъ съ добрыми и злыми дѣлами людей и огорченные беззаконіями и неисправностью людей, приставленные къ грѣшникамъ ангелы съ плачемъ и рыданіемъ спрашиваютъ: нужно-ли имъ служить грѣшнымъ людямъ. Милостивый и долготерпѣливый Судія велитъ имъ продолжать ихъ служеніе.—Затѣмъ въ апокрифѣ разсказывается *видѣніе* Апостола. Сопутствуемый ангеломъ, апостолъ Павелъ осматриваетъ мѣста святыхъ и праведныхъ, гдѣ они пребываютъ, и затѣмъ сходитъ въ бездну, гдѣ тьма и адъ и куда уносятся души грѣшниковъ. На пути, подъ твердію небесной, апостолъ видѣлъ страшныхъ и немилосердыхъ аггеловъ, лица которыхъ исполнены ярости, зубы выше рта, глаза свѣтятся какъ звѣзды, изъ устъ выходитъ пламень огненный. Эти грозныя существа посылаются за душами

невѣрныхъ людей; на небѣ же находились другіе ангелы, лица которыхъ свѣтились какъ солнце, чресла препоясаны золотымъ поясомъ, въ рукахъ они держали печать Божію и свитокъ съ написаннымъ на немъ именемъ божіимъ: это—ангелы, посылаемые за душами праведныхъ. Ангелъ показалъ апостолу души праведныхъ и грѣшныхъ, отходящихъ отъ міра: въ часъ смерти праведника, предстаютъ предъ нимъ всѣ добрыя дѣла, и добрые ангелы, взявши душу его, несутъ ее къ престолу божію, гдѣ она получаетъ назначеніе идти въ «рай пищи» до дня Воскресенія. Далѣе ангелъ показываетъ апостолу мѣста праведныхъ и возвелъ его на третье небо, у воротъ котораго стояло два золотыхъ столпа съ скрижалями и написанными на нихъ именами работающихъ Богу всѣмъ сердцемъ, бывшихъ и сущихъ въ мірѣ. Вошедши во врата, апостолъ увидѣлъ «землю, текущую медомъ и млекомъ и свѣтящуюся паче серебра», со множествомъ деревьевъ, покрытыхъ обильными плодами, появляющимися 8 разъ въ годъ; здѣсь Исаія встрѣтилъ и облобызалъ его. Потомъ Ангелъ повелъ его къ Херусійскому озеру, на которомъ находится градъ Христовъ; явился золотой корабль и, сопутствуемый пѣніемъ ангеловъ, апостолъ вступилъ въ чудный градъ, «свѣтъ котораго паче свѣта міра сего». Градъ окруженъ 12 стѣнами съ 1000 столповъ внутри каждой стѣны; въ градѣ протекали чудныя рѣки: на западѣ рѣка медвяная, съ юга молочная, съ востока — съ виномъ и елеемъ, а съ сѣвера — маслянаи. У высокаго алтаря, что посреди града, стоялъ царь Давидъ съ псалтырью и гуслями и своимъ пѣніемъ наполнялъ весь городъ, а находящіеся на столпахъ вратъ громко возглашали: «аллилуя», отъ чего потрясались основанія града. Отсюда ангелъ перенесъ апостола на западъ солнца за океанъ, обходящій вселенную, въ то мѣсто, гдѣ пребываютъ души невѣрныхъ и грѣшныхъ, гдѣ «тьма, скорбь и туга», гдѣ течетъ рѣка, пылающая неугасимымъ огнемъ и, обходя съ нимъ эти ужасныя мѣста, объяснилъ, за какія беззаконія мучатся здѣсь грѣшники; затѣмъ подвелъ его закрытому кладезю, откуда исходилъ невыносимый смрадъ и куда ввергаются души не исповѣдавшихъ воплощенія Господа Іисуса. Осмотрѣвъ всѣ муки грѣшниковъ и ужасы этого мѣста, апостолъ Павелъ, съ арханг. Михаиломъ и небесными силами, сталъ молить Господа помиловать свое созданіе; отъ воплей молящихся колебалось небо и

явившійся Сынъ Божій изрекъ опредѣленіе: «дать покой сущимъ въ мукѣ въ ночь и день святыя недѣли». Въ заключеніе всего ангелъ показалъ апостолу «Эдемскій рай» съ четырьмя рѣками и древомъ, отъ корня котораго выходили эти рѣки. На древѣ почивалъ Духъ Божій, который когда «дыхалъ», то шли воды. Здѣсь же апостолъ видѣлъ древо познанія добра и зла и древо жизни, Пресв. Богородицу, сопровождаемую въ прогулкѣ 200-ми ангеловъ, Авраама Исаака, Іакова, Илію, Елисея и Ноя, съ которымъ разговаривалъ о потопѣ.

Списокъ дней. «Аще кто въ таковые мѣсяцы и въ объявленныя числа станетъ жениться, тотъ человѣкъ не обрадуется; кто заболѣетъ въ тѣ дни — живъ не будетъ, и ежели родится въ человѣцѣхъ или скотѣ—своей горести не избудетъ; кто домъ новый поставитъ, то не будетъ въ немъ жить; кто въ путь пойдетъ — разбойники убьютъ, или потонетъ, во всемъ смерть является; кто чѣмъ посѣетъ, то не взойдетъ. Подобаетъ всякому православному христіанину таковые дни хранить: Сентябрь — 2 и 26 числа. Октябрь—19 и 21. Ноябрь—2 и 24. Декабрь — 2 и 27. Январь—2 и 19. Февраль—2 и 24. Мартъ—3 и 25. Апрѣль—3 и 12. Май—7 и 8. Іюнь—2 и 21. Іюль—6 и 28. Августъ—6 и 18. Аминь».

Въ декабрѣ 1887 года крестьянинъ с. Вязовки (Саратовскаго уѣзда) А. Ф. Кузнецовъ, бывшій волостной старшина, доставилъ мнѣ рукописную тетрадку славянскаго письма, какъ видно не очень давно списанную: на оберткѣ изображенъ осьмиконечный крестъ, съ копіемъ, тростью и подписями, внизу два деревца. Тетрадь эта содержитъ опять «Сонъ Богородицы», малограмотный варіантъ уже приведеннаго текста, а затѣмъ «Хожденіе по мукамъ» и «Сказаніе о пятницахъ», которые привожу дословно, пополняя лишь титла и исправляя грубѣйшія ошибки и описки.

Слово отъ хожденія пресвятой Богородицы *узрити, гдѣ муки вѣчныя, и видѣти мѣста мученія грѣшникомъ.* «И взыде на гору Сіонскую и помолися. 1-й судъ. И поведе Михаилъ архангелъ открыти западную страну и видѣ пресвятая Богородица народу множество, мужей и женъ, кипящіе во озерѣ огненномъ, и рече Михаилу архангелу пресвятая Богородица: согрѣшеніе какимъ людямъ *)?

*) Т. е.: какое согрѣшеніе этихъ людей?

—То суть патріархи, попы, и князи, и черницы, которые не учили страху Божію дѣтей своихъ. 2-й судъ. И тогда поидоша на иное мѣсто и тамо много мужей и женъ и дѣтей плачущихъ съ великимъ рыданіемъ, и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу: какое согрѣшеніе ихъ?—То суть, (кто) не вѣровали во святую Троицу. 3-й судъ. И тогда поидоша на иное мѣсто и видѣ рѣку огненную болѣе въ 2-й тьмы (?), и много народу мужей и женъ аки въ Чермномъ морѣ, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—Оный судъ жидовъ, которые Христа распинали отъ тебя тѣлу оскорбляли.... глаголя: буди имъ по дѣломъ ихъ. 4-й судъ. Тогда поидоша на иное мѣсто и видѣ пресвятая Богородица тьму кромѣшную и во оной много мужей и женъ. Пресвятая Богородица вопроси: что согрѣшеніе ихъ?—То суть тати, которые крали и не покаялись, буди имъ во вѣки мучиться. 5-й судъ. И рече Михаилъ архангелъ: куда, госпожа пресвятая Богородица, хощещи итти на сиверъ или на востокъ? И приступиша къ ней херувимы и серафимы всего... *) ангеловъ и поидоша на полуденную страну, и видѣ пресвятая Богородица и прослезися и рече Михаилу архангелу: что согрѣшеніе ихъ?—Что по груди стоятъ во огненной рѣкѣ, родителей не слушали своихъ; сверхъ головъ горятъ, то суть кумоложествовали и сквернословили, и блудницы. 6-й судъ. Тогда поидоша на иное мѣсто и тамо много мужей и женъ висящія за уши. И рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То суть божественнаго писанія не хотѣли слушать и ближняго своего слыша добру ученія во зло превращали. И тутъ произгласила пресвятая Богородица и рече: лучше бы не родиться тѣмъ человѣкомъ. 7-й судъ. И тогда поидоша на иное мѣсто и увидѣ пресвятая Богородица много висящихъ за ноги и червіи ихъ ядоша, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То разбойники и душегубцы. 8-й судъ. И рече Михаилъ архангелъ пресвятой Богородицѣ: пойдемъ на западную страну, и приступиша къ ней херувимы и серафимы всего.... **) ангеловъ, и поидоша на западную страну, и увидѣ тамо облакъ простертой, на томъ облацы постели огненные съ хитростію, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—

*) Въ рукописи неясно: кажется *у* съ титломъ, т. е. 400.

**) Буква *д* съ титломъ, вѣроятно писавшій хотѣлъ означить 4.000 ангеловъ.

То суть не вставали къ заутрени и литургіи въ недѣль дни и господнія празники и лежали. И рече пресвятая Богородица: немощенъ и есть бо немощнымъ мученіе. 9-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица на ономъ мѣстѣ столбы огненные и на тѣхъ столбахъ сидѣша много мужей и женъ, горящихъ пламенемъ огненнымъ, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ? И рече Михаилъ: то суть священники, что не вставали во время литургіи въ церкви святой. 10-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица множество лютыхъ мукъ и вельми страшныя муки и рече: что согрѣшеніе ихъ?— То суть пентуны *), язычники и блудники и сквернословцы и сквернопѣсословцы, которые на божественное пѣніе и нехотятъ читать и ругаяся о немъ. Буди имъ по дѣломъ ихъ. 11-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица много людей висящихъ и по тѣлу ихъ кровь текуще, языки ихъ связаные, и помолися пресвятая Богородица: о коихъ грѣхахъ мучаются?—То суть священники, что службу божію нерадѣніемъ служили. 12-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица много мужей и женъ, звѣріе терзающе тѣла ихъ: то суть окаянныя жидове, кои Ісуса Христа мучили и распяли, копіемъ били и.... плевали, и трость въ руки давали, и желчію во уста его напоиша. и терновъ вѣнецъ на главу возложиша, и копіемъ [illegible] бодоша, и камень великій ко гробу привалиша и ....

И восплакася пресвятая Богородица. 13-й судъ. Еще видѣ пресвятая Богородица людей, висящихъ за языки, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То судъ тѣмъ, которые книги читаютъ, а зло творятъ. 14-й судъ. Еще видѣ пресвятая Богородица мужей и женъ, изъ устъ ихъ пламенемъ пылаетъ сердца ихъ, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То судъ пьяницамъ и тѣмъ мужьямъ, кои женъ своихъ (покинули) и чужихъ имѣли или жены своихъ мужей покинули за другаго мужа. 15-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица множество женъ, лежащихъ во огнѣ, и черіе ихъ ядоша и зубами желѣзными терзаютъ тѣло ихъ. И рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То суть человѣцы въ блудъ впадаютъ и не покаялись. 16-й судъ. Тогда пондоша на иное мѣсто и видѣ пресвятая Богородица озеро огненное, изъ него исходитъ рѣка огненная аки кровь, и въ той рѣкѣ множество мужей и

*) Шептуны?

женъ. И рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То суть прелюбодѣи, немилосердыя сребролюбцы и не покаявшись во грѣхахъ своихъ. 17-й судъ. И рече пресвятая Богородица: поидемъ, Михаила архангелъ, на другую (страну), и приступиша къ ней 4000 ангеловъ, и увидѣ пресвятая Богородица рѣку огненную, въ той рѣкѣ много мужей и женъ въ котлѣ кипящіе и червіе ихъ ядоша. И рече пресвятая Богородица: что ихъ согрѣшеніе?—То суть христіяне смертоубійцы и отрекались отъ Христа и отъ святаго духа и блудствовали съ... сестрами и разбойники младенцевъ губили. И рече пресвятая Богородица: буди имъ по дѣломъ ихъ; покрылась рѣка огненная. 18-й судъ. И рече Михаилъ архангелъ: пойдемъ, пресвятая госпожа Богородица, поведе ея.... прошеніе опыхъ страждущихъ къ царю и Богу нашему, и тогда гласъ невидимъ бысть: Маріе, сіе мученіе, не будетъ имъ конца ихъ. И рече пресвятая Богородица: не молюся тебѣ, Господу моему, за жидовъ, но за грѣшныя христіянскія души. Потомъ рече Господь нашъ Ісусъ Христосъ: за нетвореніе моей воли и за несоблюденіе вѣры христіянской и за непослушаніе заповѣдей моихъ и евангелія моего по отступленіи отъ вѣры. И рече пресвятая Богородица: пощади, Господи, созданіе свое, христіянскія души, и изведи отъ муки вѣчныя. И рече Господи: азъ сотворилъ перваго человѣка Адама и Еву и они заповѣди мои преступиша, но за миръ христіанской воплотися и бысть мученъ за искупленіе ихъ ниже отъ вѣры моя любви и надежды: ко спасенію буди имъ по дѣломъ ихъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

Двѣнадцать пятницевъ годовые.

«1-я пятница на первой недѣли великаго поста: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ незапною смертію не умретъ.

2-я пятница предъ Благовѣщеніемъ пресвятой Богородицы: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ непріятеля сохраненъ будетъ.

3-я пятница на Страшной недѣли великаго поста: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ воровъ сохраненъ будетъ.

4-я пятница предъ Вознесеніемъ Господнимъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ потопленія по водамъ сохраненъ будетъ.

5-я пятница предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ великаго недостатка сохраненъ будетъ.

6-я пятница предъ Сошествіемъ св. Духа: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ остраго меча сохраненъ будетъ.

7-я пятница предъ Пророкомъ Иліею: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ убіенія громомъ сохраненъ будетъ.

8-я пятница предъ Успленіемъ пресвятой Богородицы: кто сію пятницу будетъ поститься, тотъ человѣкъ отъ сушенія трясовицы сохраненъ будетъ.

9-я пятница предъ Кузьмою Доміаномъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ смертнаго грѣха избавленъ будетъ.

10-я пятница предъ Михаиломъ архангеломъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ увидитъ имя свое написано будетъ у пресвятой Богородицѣ на престолѣ.

11-я пятница предъ Рождествомъ Христовымъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ при смерти своей увидитъ пресвятую Богородицу.

12-я пятница предъ Богоявленіемъ Господнимъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ увидитъ имя свое у Господа нашего Іисуса Христа въ животныхъ книгахъ.

Аще кто въ назначенные пятницы дѣластъ суевѣрія, приближается къ своей женѣ на блудъ, отъ того человѣка народится у нихъ дѣтища слѣпъ, или нѣмъ, или глухъ, или воръ, злонравникъ; того ради всякому человѣку таковыя дни блюсти должно во вѣки вѣковъ, аминь».

Въ той же рукописи помѣщенъ еще другой варіантъ *Хожденія пресвятой Богородицы по мукамъ*.

Хранитель Саратовскаго Радищевскаго музея А. Л. Кущъ доставилъ мнѣ (въ 1887 г.) пріобрѣтенную имъ въ г. Саратовѣ не большую тетрадку, не очень стариннаго славянскаго письма, содержащую *псальмы*: Іисусу прелюбезному; Іисусу сладчайшему; Святому Духу; Богу Савао̀ву; псальма Каплуновской Богородицѣ; Ахтирской Богородицѣ; Іоакиму; Іисусу, когда ишелъ на вольную страсть; Воскресенію Христову; Адаму; Всѣмъ христіанамъ; Онуфрію святому; архидіакону Стефану; псальма монаху и проч. Книжка эта была въ большомъ употребленіи и сильно обветшала.

Эти псальмы, извѣстнаго типа, риѳмованныя, обязанныя своимъ происхожденіемъ школьному стихотворству. Въ настоящемъ спискѣ, видимо очень употреблявшемся, они крайне безграмотны, и это указываетъ на степень образованія церковниковъ, въ средѣ которыхъ и черезъ которыхъ они должны были въ особенности распространяться.

Строй жизни духовенства въ прошломъ столѣтіи стоялъ на низкой ступени: неприглядную картину положенія сельскаго духовенства въ XVIII и первой четверти настоящаго столѣтія, рельефно рисуютъ архивныя дѣла того времени. Въ Трудахъ Саратовской Архив. Комм. 1888 г., Т. 1, вып. 2-й, помѣщены дѣла бывшаго Вольскаго духовнаго правленія съ 1772 года. Изъ нихъ мы видимъ, что священно-церковно-служители нѣкоторыхъ епархій, больше запрещенные и бѣглые попы, ходятъ по петербургскому тракту въ синодъ съ просьбами объ опредѣленіи ихъ на праздныя мѣста, и въ Москву, называя себя на карантинахъ и заставахъ, обманно, разными именами помѣщичьихъ людей (1772 г.). Сельскіе священники и діаконы, пріѣзжая въ епархіальный городъ (указъ казанской консисторіи 1781 г.), шатаются по улицамъ, являются къ преосвященному и въ консисторію въ неприличной сану одеждѣ: въ мужицкихъ кафтанахъ, шапкахъ и въ лаптяхъ, не отличаясь нимало отъ простолюдина, почему предписано, кромѣ «работныхъ случаевъ», въ особенности же въ церкви, ходить священникамъ въ чистой и «отмѣнной» одеждѣ. Многіе священники терпятъ побои отъ свѣтскихъ лицъ, даже имѣя при себѣ въ дароносицѣ св. дары (1777 г.). Въ срединѣ еще XVIII вѣка духовенство наказывали розгами; указами 1767 и 1771 г. синодъ воспрещаетъ тѣлесныя наказанія священниковъ и дьяконовъ въ «духовныхъ командахъ», а предписываетъ исправлять ихъ отрѣшеніемъ отъ дохода и прихода; между тѣмъ казанская консисторія (въ 1773 г.) усматриваетъ, что нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ вести себя непорядочно, въ особенности пьянствуя и впадая въ безчинія, почему синодъ приказалъ за тѣ проступки, за которые они прежде были наказываемы тѣлесно, теперь, не дѣлая этого, запрещать имъ священнослуженіе и представлять къ лишенію священства и дьяконства, а церковнослужителей исклю-

чать изъ причта и отсылать въ свѣтскія команды для опредѣленія въ военную службу, или на поселеніе, или въ крестьянство. Изъ документовъ 1783 г. видно, что духовное начальство (*зажащики*) наказываютъ еще тѣлесно церковно-служителей и ихъ женъ, а священниковъ и дьяконовъ сажаютъ въ цѣпи, держатъ въ желѣзѣ и колодкахъ, а въ случаѣ неявки въ консисторію привозятъ священниковъ изъ селъ за карауломъ. Въ 1783 — 1788 г. встрѣчаемъ жалобы прихожанъ на вымогательство причтовъ; въ 1776—1783 г. указывается лѣность и нерадѣніе многихъ духовныхъ лицъ: священники часто въ воскресные дни не служатъ литургій и часто отъѣзжаютъ въ отдаленные города для промысловъ на долгое время. Главнымъ порокомъ духовенства того времени было пьянство; нѣкоторые священники у «новокрещенъ» вели жизнь пьяную, развращенную и озорную (1789 г.), подавая дурной примѣръ инородцамъ. Въ 1800 году духовное начальство изыскиваетъ средства къ прекращенію пьянства въ средѣ священства и причта; въ 1808 г. подтверждаетъ духовенству, чтобы они изъ дома въ домъ по своимъ прихожанамъ для гульбы не ходили. Въ 1819 и 1821 г. отбираются отъ духовныхъ лицъ подписки сохранять себя въ трезвости и благонравіи, гнушаться пороковъ, въ особенности пьянства; въ 1827 г. пензенско-саратовскій архіерей Ириней указываетъ, что при служеніи праздничныхъ молебновъ, за священно-церковно-служителями ходятъ ихъ жены, часто въ нетрезвомъ видѣ, бражничаютъ и просятъ платы; архіерей строго воспрещаетъ подобное «тасканіе». Въ 1838 г. предписываются мѣры къ улучшенію нравственности духовенства, для чего епархія дѣлится на благочинническіе округи. Низкій нравственный уровень духовенства того времени зависѣлъ отъ незавиднаго положенія, въ которомъ оно стояло, и необразованности: самые храмы божіи въ селахъ до 1800 г. были преимущественно деревянные, невзрачные, грязные, мы видимъ въ нихъ полный недостатокъ необходимыхъ церковныхъ книгъ (1778 г.). При обозрѣніи епархіи въ 1783 г. казанскимъ архіепископомъ Антоніемъ, во многихъ церквахъ одежды на престолахъ и жертвенникахъ были изъ простой, самой низкой набойки, погнившіе съ нижняго конца, антиминсы изчервѣлые, сосуды оловянные, полы и кровли въ церквахъ погнили, окошницы безъ стеколъ. Въ 1788 г. епархіальное начальство обратило вниманіе на то,

что нѣкоторые священники женаты на простыхъ крестьянкахъ, съ которыми вступали въ бракъ и дѣти ихъ и церковники, а дочери духовенства, по бѣдности, выходили за крестьянъ. Наше духовенство было тогда почти безграмотно; мы видимъ, что въ 1786 г., въ казанской епархіи оказалось изъ священно-церковно-служителей «неисправныхъ въ чтеніи и неумѣющихъ совсѣмъ читать по книгѣ, писать и пѣть» — 381 человѣкъ, «ученыхъ» священниковъ было очень мало; въ 1789 г. не всѣ священники знали катихизисъ; въ 1811 г. въ Вольскомъ уѣздѣ у 274 лицъ духовенства показано дѣтей лишь 32, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, и 207, живущихъ при отцахъ своихъ; въ Хвалынскомъ—у 175 лицъ: дѣтей, обучающихся въ заведеніяхъ, 17, и живущихъ при отцахъ, 132; въ 1823 г., по вѣдомостямъ Вольскаго дух. правленія, оказалось дѣтей духовенства, праздно живущихъ при родителяхъ, 64 человѣка отъ 8 до 20 лѣтъ. Въ 1828 г. изъ числа священниковъ были: въ городахъ — половина, а въ деревняхъ лишь $^1/_4$ часть кончившихъ курсъ въ семинаріи. Въ 1797—99 г. въ причетники и пономари, на мѣста умершихъ, нерѣдко зачислялись 9 — 12-лѣтніе сыновья ихъ; въ 1804 году видимъ случай зачисленія изъ с. Барановкѣ пономарскаго мѣста за сыномъ умершаго пономари, имѣвшаго отъ роду $^1/_2$ года, «для прокормленія сиротъ». Лишь въ 1806 г. послѣдовалъ указъ синода о разборѣ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, живущихъ праздно при отцахъ, съ тѣмъ, чтобы таковыхъ обращать въ военную службу. Въ 1799 году встрѣчаемъ большую неурядицу въ распредѣленіи самихъ епархій: въ Вольскомъ округѣ церкви состояли въ 3-хъ епархіяхъ — Казанской, Астраханской и Тамбовской, а въ одномъ селеніи—двѣ приходскія церкви принадлежатъ разнымъ епархіямъ! Лишь съ 1800 г. Вольскъ и Хвалынскъ съ уѣздами причислены уже къ Саратовско-Пензенской епархіи преосвященнаго Гаія; въ томъ же году дѣти духовенства стали поступать въ саратовскую семинарію, состоявшую въ Пензѣ; до того же они обучались въ семинаріяхъ: астраханской, тамбовской и воронежской, что было крайне тяжело для бѣднаго духовенства. До 1832 г. многіе изъ духовныхъ лицъ не имѣли фамилій (изъ 66 членовъ духовенства въ Вольскомъ уѣздѣ лишь 28 были съ фамиліями), почему имъ предписано было брать себѣ таковыя по желанію. Въ Вольскомъ архивѣ есть интересный документъ с.

Бѣлый Ключъ 1802 г., указывающій, сколько въ то время духовенство брало за требы: крестины по 5 коп., заказная обѣдня—1 р. 20, свадьба — 25 коп., похороны — отъ 5 до 25 коп. и молебенъ 7 и 10 коп.

Мнѣ случалось очень рѣдко въ Саратовскомъ краѣ встрѣчать прошеніе милостыни пѣснью. Въ 1887 году мною записана въ с. Полчаниновкѣ такая пѣсня странняго нищаго:

«Господи Іисусе Христе!
Всемірный потопъ былъ;
Господи Іисусе Христе!
Страшный судъ будетъ;
Ожидать намъ грѣшникамъ
Страшнаго суда:
Въ чемъ захвачу, судить буду.
Заблужденнаго, спящаго,
Душа во вѣки вѣковъ пропала!
Иже я тебя, раба, захвачу на молитвѣ,
Душа въ царствіи небесномъ
Во вѣки вѣковъ будетъ вѣчно.
Предъ послѣднимъ концемъ загремѣю,
Двѣнадцатью громами ударю!
А гдѣ ты, Господь нашъ,
Святой Духъ, будешь судить?
Ни на райскихъ земляхъ,
А на израильскихъ,
На престолѣ сидящемъ.
Грѣшники прокляты,
Въ огонь вѣчный отойдите,
А праведники
Къ престолу Божію подойдите!

Въ народѣ распространено, далѣе, множество рукописныхъ *заговоровъ*; приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, доставленные мнѣ изъ села Озерокъ, Саратовскаго уѣзда (1886 г.).

Заговоръ мужчины на женщину, чтобы тосковала о немъ и не могла безъ него жить: «Ложусь помолясь, встану благословясь,

умываюсь не водою, но божьей росою, утираюсь бѣлымъ полотномъ; иду изъ двери въ двери, становлюсь средь двора широкаго. Ночи вы мои, ночи темныя! Зори вы мои бѣлыя! Соберитесь, зоренъки въ одинъ сугласъ, подумайте, какъ тошно и грустно черному ворону на сухомъ дубу сидѣть безъ рукъ, безъ ногъ, безъ своихъ когтей, такъ было бы тошно рабѣ (имя) безъ раба (имя). На морѣ на океанѣ, на островѣ Буянѣ, лежитъ бѣлъ-горючь камень, на этомъ камнѣ стоитъ изба, въ этой избѣ лежитъ доска, по этой доскѣ мечется тоска. Подойду къ доскѣ, спрошу тоскѣ: что ты, тоска, мечешься, что ты кидаешься? Какъ мнѣ не метаться, какъ мнѣ не кидаться! куда мнѣ дѣваться? Соберись, тоска, со всего вольнаго бѣлаго свѣта, бросься въ рабу (имя) и затоскуй, и загорюй объ рабѣ божіемъ (имя) и денно и полуденно, и полуночно, и часно, и получасно, ежеминутно, полуминутно, и на ѣдѣ-то не заѣдала бы, и на пойлѣ не запивала бы, во снѣ бы видѣла; ѣла бы — не заѣла, пила бы — не запила, спала бы — не заснала; вся кровь бы въ ней выгорѣла, ретивое сердце — выболѣло, на ломъ выломило объ рабѣ (имя)».

Этотъ заговоръ надо читать по зарямъ утромъ и вечеромъ, передъ печною трубою, не менѣе 27 разъ.

Заговоры на примиреніе мужа съ женой. «Ложусь помолись, встаю благословясь, умываюсь не водою, а Божьей росою, утираюсь бѣлымъ полотномъ; иду изъ дверей въ двери, изъ воротъ— въ вороты. На полѣ—на востокѣ, тамъ стоитъ зелепая дуброва; за зеленой дубровой—золотая риза, за золотой ризой Моисей старецъ Богу молится. Отъ дѣла-ли ты лытаешь? — нѣтъ, я не отъ дѣла лытаю, больше того — дѣло пытаю: хочу поношаться рабою или рабомъ (имя) тѣломъ и бѣлымъ и чернымъ печеньемъ. Бери булатную сѣкиру, рубп дубовыя дрова, коли-выкалывай дубовое сердце, клади въ муравую печь, зажигай огнемъ-пламенемъ; какъ въ печи дрова горятъ жарко, такъ бы было рабѣ (имя) жалко раба (имя); какъ передъ огнемъ не можно стоять, такъ бы она не могла безъ этого раба терпѣть; какъ огонь неугасимый — сердце ея неутомимое (неутолимое?), вся кровь выгорѣла, ретивое сердце выболѣло, на ломъ выломило объ рабѣ (имя)».

Читать этотъ заговоръ слѣдуетъ также какъ и первый.

«Двое молодцовъ дрова рубятъ. Зачѣмъ вамъ дрова? — землю

жечь.—Идетъ баба безхвоста, несетъ беремя дровъ: зачѣмъ тебѣ, баба, дрова? — Иду рабѣ (имя) зажигать сердце на мѣсяцъ, кровь бы выгорѣла, а сердце болѣло о рабѣ (имя)».

Этотъ заговоръ можно читать когда угодно, но три раза; за каждымъ разомъ должно дунуть въ руку и потомъ ударить ладонью легонько въ грудь, чтобы рука не могла отскочить обратно, иначе заговоръ возвращенъ и не можетъ дѣйствовать.

Заговоръ о томъ, чтобы мужъ не билъ свою жену. «Ложусь помолясь, встаю благословясь, иду я въ поле, тамъ лежитъ усопшій: ногами не ходитъ, руками не машетъ, глазами не глядитъ, устами не говоритъ. Такъ бы рабъ (имя) передъ рабою (имя) стоялъ недвижимый: ногами бы не ходилъ, руками бы не махалъ, весь-бы вѣкъ на рабу (имя) руки не подымались».

Этотъ заговоръ должно читать тоже по зарямъ въ домѣ, у печной трубы.

Заговоры о пчелахъ. Крестьянинъ д. Ѳедоровки, Полчаниновской волости, Саратовскаго уѣзда, Опекуновъ доставилъ мнѣ старую рукописную тетрадку начала нынѣшняго столѣтія: «*Формальное свѣдѣніе о пчелахъ*, принадлежитъ сельца Еленина дворовому человѣку Матвѣю Варламову». Почеркъ очень четкій, годъ не означенъ, но рукопись, какъ видно, была въ большомъ употребленіи и обветшала; текстъ весьма испорченный.

1. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! На морѣ окіянѣ, *островѣ* *), лежитъ камень Алтаря **), отъ конца до вѣка и яко престолъ стоитъ на престолѣ Спасовъ образъ со всѣмъ соборомъ, со ангелы и архангелы, со святою дѣвою Божію Матерію, Изосимомъ и Савватіемъ, соловецкими чудотворцами, со архангеломъ Гавріиломъ, посланы были въ татарпнскую землю, крымскія горы, зошлою пчелинами поимши изосимомъ (?) матку и поднявъ со земли архангелъ Господень силу пчелиную, какъ восходятъ облацы, подымаются, такъ и поднялась сила пчелиная со святыми отцами Изосимомъ и Савватіемъ, соловецкими чудотворцами, и Духомъ святымъ, и догнавше и взыскаше по надлежащему пути и потр....лѣ и благослови архангелъ Гавріилъ Изосима и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ: вы есте посланники

*) Неразборчиво; конечно: «Буянѣ».

**) Т. е. «алатырь».

божіи, возьмите матку пчелиную въ жезлъ на знаменіи дороги за вами учинится погонь велика, вы бросьте въ правую сторону ко мнѣ, рабу Божію (имреку), въ вотчину и на пчельникъ со всею своею молитвою и Духомъ святымъ. И догнаша и взнесоша по надлежащему пути и по травамъ. И рече отецъ Медоторъ: вы есте посланники Божіи, Изосима и Савватій, возмите жезлъ свой, благословите и наградите путь свой дороги у меня, раба (имрека), въ вотчинѣ, во дворѣ и пчельникѣ, пчелъ во всякомъ древѣ крестомъ и жезломъ, съ востоку и до западу, до скончанія вѣка сего. Приведоша Крѣпчика и Матку со всею силою пчелиною къ тому же собору божію и приведоша къ позѣмъ Спасителевымъ; и рече святыи отцы Изосимъ и Савватій: Господи, пришелъ еси отъ вашея седми (?) и десницею сохранены и помилованы вашими святыми молитвами; ты еси Богъ нашъ, ты еси Спаситель нашъ по всякій часъ и во всякое время, и приведоша къ позѣмъ твоимъ крѣпчика и матку со всею силою пчелиною, куда дѣвать и сажать. Господь же благословилъ и освятилъ и передалъ Изосимѣ и Савватію, соловецкимъ чудотворцамъ, повелѣлъ пустить отъ востоку и до западу ..... весь свѣтъ и Русь земли въ темныя лѣса, въ угодныя древа, всѣмъ православнымъ христіанамъ, такожде и ко мнѣ, рабу божію имреку. Создай, Господи, милость свою, награди и надѣли во пчельники пчелъ молитвами преподобныхъ Изосима и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, какъ приведена повелѣнію твоему, Господи, изъ невѣрныя страны во святую русскую землю на канунъ, на воскъ и на фиміанъ, и на всяку утварь церковную, укрѣплено и утверждено до скончанія вѣка сего. Такожде, Господи, и укрѣпи и утверди у меня, раба божія имрека, во дворѣ, въ вотчинѣ, въ лѣсу, на пчельникѣ, пчелъ молодыхъ и старыхъ водитися до скончанія вѣка сего Духомъ святымъ преподобныхъ отецъ и молитвами Изосима и Савватія: вы сохраните и помилуйте у меня, раба божія имрека, на пчельникѣ пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выставкѣ во всякомъ году, и мѣсяцѣ, и въ четверти, получетверти. Около ограды моей обойду Духомъ святымъ, и окурю ладономъ со всякаго глазу мужеска и женска, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ колдуновъ, отъ лихова человѣка, отъ нечистаго духа, и отъ всякой злобы человѣческой, и чтобъ налетныя пчелы дабы къ городьбу мою валиться не должны, а мои отъ пчельника моего не отлетали,

какъ молодыя равно и старыя до окончанія вѣка сего. Всему дѣлу замокъ — земля, небо — ключъ. Аминь».

2. «Милостивъ Господь Вседержитель, Царь небесный, Богъ великій, на престолѣ херувимстѣмъ, небесный и страшный твой престолъ, отъ него же трепещетъ небо и земля, твоея силы небесныя и неизреченныя ужасаются, поютъ херувимы и серафимы: святъ, святъ, святъ Господь Савао̀ъ и исполнь небо и земля славы Твоея, и человѣцы непрестанными гласы взываютъ и всякая тварь ужасается отъ страсти Твоей. Твоимъ святымъ промышленіемъ сотворилъ еси четыре времени, кругъ лѣта вѣнчалъ еси, Тебѣ трепещутъ умныя силы небесныя, тебѣ слушаетъ святый ликъ, тебѣ работаютъ звѣзды, моря, рѣки, источники и потоки. Ты простерлъ еси море пескомъ ..... *) и ангельскія силы тебе слушаютъ и архангельскія лицы тебѣ кланяются, многоочитыя херувимы и шестикрылатіи серафими окрестъ престола твоего облегаютъ со страхомъ. Аминь».

3. «Господи, Царь небесный, Собезначальный, удиви на мнѣ, рабѣ божіемъ имрекѣ, милость свою во вѣки, какъ ты, Господи, повелѣлъ стоять отъ единаго слова своего, пчеламъ моимъ запрети отъ древесъ не отлетати и народити молодымъ и старымъ; твоимъ повелѣніемъ, Господи, стоитъ небо и земля и отъ единаго слова твоего тамъ же запрети пчеламъ не отлетати; какъ море не пересыхаетъ, также не переводиться пчеламъ моимъ у меня раба Божія имрека во дворѣ, въ лѣсѣ и на пчельникѣ до окончанія вѣка сего. Аминь».

4. «Господи, не дай моимъ пчеламъ пройти невидимо ненавидчику, ни колдуну, ни колдуницѣ, ни еретику, ни еретицѣ .....льникамъ; не дай, Господи, не навидѣть ненавистнику, и сохрани отъ всякаго глаза звѣря, ползующи гадовъ на земли и летучихъ, отъ нечистаго духа, отъ лихова человѣка, отъ чернеца и отъ черницы, вора, разбойника, и не переводиться меду и соту на воскъ и на фиміянъ до скончанія вѣка сего. Аминь».

Заговоръ противъ стрѣлъ, ядеръ и пушекъ. «Слава Христова на мнѣ, рабѣ божіемъ (имярекъ), замка̀ми и молитвами Господа нашего Іисуса Христа и Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы

*) Нѣсколько словъ спутано.

Маріи и всѣхъ святыхъ отецъ нашихъ всегда, нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ, Аминь! Молитвами Господа нашего Іисуса Христа и Пресвятыя Богородицы Присводѣвы Маріи, отъ ружья всякаго благослови, отъ стрѣлъ и отъ пушекъ и отъ пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Черезъ милостиваго Господа нашего Іисуса Христа и пресвятую Богородицу Присводѣву Марію, ярезъ Благовѣщеніе Господа нашего Іисуса Христа отъ стрѣлъ, отъ пушекъ и отъ пушечныхъ ядеръ, стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Чрезъ Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра — стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Молитвами святаго, славнаго пророка Предтечи и Крестителя Господа нашего Іисуса Христа—Іоанна; молитвами великаго святителя, архіепископа и чудотворца Николая, отъ стрѣлъ, отъ пушекъ и отъ пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Молитвами четырехъ святителей: Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа, московскихъ чудотворцевъ; молитвами св. пророка Иліи, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра, — стойте и не ходите на меня, раба божія (имя). Молитвами св. двѣнадцати апостоловъ и 600 мучениковъ, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра, всякому по одному оружію, азъ, рабъ божій, загорожденъ всѣми святыми апостольскими силами. Молитвами святыхъ ангелъ и всѣхъ небесныхъ силъ, св. архангеловъ Михаила и Гавріила, грозныхъ воеводъ, и св. отцевъ и мучениковъ, которые кровь свою за Христа проливали, и св. Тихона, услыши, Господи, святаго Платона усердное молевіе, а вы, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра, вѣрныхъ и невѣрныхъ человѣкъ, отойдите отъ меня, раба божія (имя). Святые четыре евангелиста: Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ Богословъ, сойдите съ небесъ и снесите замокъ со всѣхъ четырехъ сторонъ: отъ востока и до запада, отъ запада до юга, отъ юга до сѣвера и отъ небесъ замкните на мнѣ, рабѣ божіемъ (имя), слово Христово крѣпко. Аминь! Аминь! Аминь!» (Доставлено мнѣ въ 1886 году тѣмъ же крестьяниномъ д. Ѳедоровки Опекуновымъ).

Въ маѣ 1888 г. земскій докторъ М. И. Шмуккеръ доставилъ мнѣ тетрадку, славянскаго письма, которую носилъ на груди въ

ладонкѣ больной крестьянинъ с. Широкаго, Саратовскаго уѣзда. Въ ней заключаются молитвы отъ разныхъ болѣзней и золъ:

Молитва отъ лихихъ враговъ. «На горѣ Фаворстѣй шелъ Господь со учениками своими съ апостолами и преобрази Господь лице свое; какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, воскреслъ отъ древа крестнаго изъ гроба живоначальнаго, изчезли книжники и фарисеи жидовскіе, такъ чтобы изчезли отъ рабовъ божіихъ имрекъ всѣ злые и лихіе люди; и напусти, Господи, на злыхъ враговъ страхъ и ужасъ нестерпимъ. Мати наша Владычица Пресвятая Богородица, Ты наша заступница отъ злыхъ враговъ, и кто на насъ думаетъ лихо, то чтобы одервенѣлъ и окаменѣлъ, и языкъ въ тѣмя (?) запечатлѣнъ во вѣки вѣковъ, аминь».

Молитва отъ напасти. «Помяни, Господи, царя Давида и кротость его и крѣпость его, какъ царь и пророкъ Давидъ лежитъ на мѣстѣ своемъ ни въ чемъ невредимъ и непоколебимъ, такъ чтобы ни въ чемъ невредимы и непоколебимы были рабы божія имрекъ и отъ всѣхъ враговъ и напастей избавлены во вѣки вѣкомъ, аминь».

Молитва отъ грыжи. «Спаси, Господи, и помилуй раба своего имрекъ отъ грыжной болѣзни, нашедшія нань въ прискорбномъ случаи. Мати Владычица Богородица скорбящая всѣхъ радостей, и святая великомученица Варвара, сохраните ихъ своими молитвами, укройте святыми ризами, защитите пеленами. Богородица Дѣва радуйся, о всепѣтая скорбящая Богородица, сохрани во вѣки вѣкомъ, аминь». (Двѣнадцать разъ читать Богородицу надъ водою и потомъ пить).

Молитва отъ лихорадки. «Въ началѣ святый пророкъ и предтеча Крестителъ Христовъ Іоаннъ, и святые отцы Зиновій, Филиппъ, и четыре евангелиста: Лука, Марко, Матѳей и Іоаннъ, шли на горѣ Синайской, встрѣтили двѣнадцать женъ простоволосыхъ, вопросиша ихъ святые отцы: что за жены и куда идете? Мы—проклятыя Ирода царя дщери, идемъ въ христіанскій родъ мучить и сушить и зубы скрежетать. И вопросиша святые отцы: что есть ваши имена? Первая Синея, вторая Сиронія, третія Сушея, четвертая Колея, пятая Скучея, шестая Дулея, седьмая Огнея, осьмая Зубнея, девятая Матушея, десятая Ломея, одиннад-

цатая Зиобея, двѣнадцатая Трясея. И взяша святые отцы по тридцать прутьевъ желѣзныхъ и начаша ихъ бить мучить по тридцать разъ. Тогда треклятыя возмолились святымъ отцамъ Зиновію, Филиппу и четыремъ евангелистамъ: Луки, Марку, Матѳею и Іоанну, аще мы услышимъ въ которомъ домѣ вспомянетъ ваши святыя имена рабы божія имрекъ, или сію молитву на крестѣ носить будетъ, то мы отъ него бѣгать будемъ отнынѣ и до вѣка занимать не будемъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Молитва Кресту. «Крестъ Господень погружается, а сатана связанъ молитвами святаго мученика Кипріяна (и) Устиніи, спасите и сохраните раба божія имракъ, отъ трясовичной болѣзни, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Молитва Богу Отцу. (Еще варіантъ молитвы отъ трясавицы, очень спутанный и смѣшанный съ разными церковными изреченіями. Начинается: «Въ началѣ бѣ слово, слово бѣ къ Богу» и пр.).

Молитва во имя Господне. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Шелъ святый Авраамъ съ сыномъ своимъ Исаакомъ, встрѣтилъ еретическихъ дочерей и спросилъ ихъ: куда вы идете? мы идемъ въ христіанскую вѣру христіанскія крови пить и жильныя кости ломати. И повелѣ Авраамъ сыну своему Исааку: возьми прутья желѣзныя, побей и потопчи семьдесятъ семь еретическихъ дщерей, чтобы они не шли въ христіанскую вѣру, христіанской крови пить, жильныя кости ломати. Аще кто сію молитву рано утромъ и вечеромъ будетъ читать, то того и отныня и до суда Божія занимать не будемъ во вѣки, аминь».

Молитва отъ виннаго запойства. «Святый великомученикъ Вонифатій, спаси и помилуй раба божія имракъ отъ виннаго запойства, злаго змѣя во вѣки, аминь».

Молитва, аще кто возненавидитъ, мужъ жену или жена мужа. «Святый Гурій, Самонмъ и Авива, спасите и сохраните и помилуйте раба божія имракъ, ссоры и драки, зависти и злыхъ дѣлъ вашими молитвами, соедините во едину мирну жизнь, аки мертво тѣло лежитъ, такъ чтобы рабъ Божій имракъ ни въ чемъ невреднмъ былъ, рабе божій имракъ, во вѣки вѣкомъ. Аминь».

Молитва отъ падежа скота и лошадей и отъ съѣденія звѣрей. «Святый мученикъ Никита, священномученикъ Власій, преподобный Флоръ и Лаверъ, Георгій Побѣдоносецъ, спасите и сохраните и

помилуйте скотскій и конскій падежъ отъ съяденія звѣрей у раба Божія имракъ; вы помощники и заступники ему во вѣки, аминь».

Молитва отъ зубной боли. «Господи Боже нашъ, Царю безначальный, пошли, Господи, рабу своему имракъ помощи избавиться отъ болѣзни зубной, и Ты, Царица Госпожа Пресвятая Богородица, закрой своею ризою раба своего имракъ; къ тебѣ прибѣгаю святому великомученику Антипію, прошу, защити раба божія имракъ отъ зубной болѣзни, аминь».

«Батюшка младъ мѣсяцъ, золотыя рога твои, какъ рога твои золотыя, такъ чтобы у раба Божія имракъ зубной болѣзни не было во вѣки, аминь».

Многіе праздники и извѣстные дни въ году изстари нашъ народъ обставляетъ разными обрядами; они довольно извѣстны и общи на Руси, поэтому я назову тѣ, которые рѣже встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ.

Въ с. Колѣпѣ, Аткарскаго уѣзда (въ 1860 годахъ), вечеромъ наканунѣ *новаго года* дѣти собираются толпой на улицѣ и, подходя подъ окна, затягиваютъ монотонную пѣсню *таусень*:

Таусень дуда,
Ты гдѣ была?
— Коней пасла.
Что выпасла?
— Коня въ сѣдлѣ,
Въ золотой уздѣ.
А гдѣ кони?
— За воротами стоятъ.
Гдѣ ворота?
— Водой снесло.
Гдѣ вода?
— Быки выпили.
Гдѣ быки?
— За горы ушли.
А гдѣ гора?
— Черви выточили.
А гдѣ черви?
— Гуси выклевали.

А гдѣ гуси?
— Въ тростникъ ушли.
А гдѣ тростникъ?
— Дѣвки выломали.
А гдѣ дѣвки?
— Замужъ ушли.
А гдѣ мужья?
— На палатяхъ сидятъ,
Одни лапотки плетутъ,
Другіе шапочки шушатъ,
Перешушиваютъ;
Одна шапочка пропала
Знать, татарочка украла.

***

Въ переднее окошко — блинъ, да лепешку,
А въ заднее окошко — поросячью ножку!

Таусень поютъ различно. Привожу еще образчикъ (с. Колѣно):

Среди Москвы,
Среди площади,
Таусень!
Стоятъ три терема
Златоверхіе;
Таусень!
Какъ во первомъ терему
Свѣтлый мѣсяцъ молодой,
Православный царь;
Таусень!
Во второмъ терему
Часты звѣздочки,
Малы дѣтушки.
Еще новый годъ,
Таусень!

***

Не пора ли вамъ, хозяева,
За таусеня платить:
Либо каши горшокъ,
А то блюдо кишокъ

Или денегъ мѣшокъ!»

Третьи поютъ слѣдующимъ образомъ:

Василій Звѣздинъ *)
Таусень!
По морю ѣздилъ,
Таусень!
Уронилъ перстень,
Таусень!
Красная дѣвица, подай!
Таусень!
Я бы рада подала:
Таусень!
На перинѣ сижу,
Таусень!
Тебѣ жемчугъ нижу.
Таусень!

* *
*

Пышки, лепешки, свиныя ножки,
Таусень!
А вы не скупитесь и намъ подѣлитесь.
Таусень!

Во время святокъ, во многихъ деревняхъ Саратовской губерніи, парни и дѣвки наряжаются и ходятъ по дворамъ; ряженые называются «святошниками». На Рождество въ с. Колѣнѣ (въ 1860 г.) мальчики ходили «славить Христа», распѣвая по домамъ молитву: «Христосъ рождается, славите»... и т. д.

Наканунѣ Рождества, въ мордовскихъ селеніяхъ Хвалынскаго уѣзда пекутся въ честь *коляды* небольшіе сдобные пироги, имѣющіе видъ коника (коня); во время святокъ молодежь собирается въ особую избу, гдѣ проводятъ вечера въ игрищахъ, начиная съ того, что сожигаютъ нарочно изготовленное соломенное чучело; затѣмъ идутъ пѣсни и пляски. У мордвы с. Оркина (Саратовскаго уѣзда) дѣти колядуютъ подъ Рождество и имъ подаютъ лепешки, называемыя «колядáшками»; утромъ на рождественскій

*) На новый годъ *Василія Великаго*; таусень поютъ подъ *Васильевъ день*.

сочельникъ мордовскіе мальчики и дѣвочки, лѣтъ 10, колядуютъ подъ окнами избъ и, выстроившись въ рядъ, поютъ:

Каля́да!
Га чи́за сюры́сь
Каля́да!
Ажія́шки олгэ́за,
Каля́да!
Чи́рьки пяшна колэзы́за
Каля́да!
Каля́дашка зёрна́за!
Каля́да!
Лу́пушки, ла̀пушки,
Дайте намъ пирожки!

* *
*

Каля́да!
Пи́зна пря́са каша гакшъ
Каля́да!
Мольць кискà́сь сальёзя
Каля́да!
Кискà́сь ковъ молць?
Каля́да!
Покшъ ви́рій ворге́ть
Каля́да!
Покшъ ви́рись-ковъ молць?
Каля́да!
Пшчи у́зирись ка́ризя
Каля́да!
Пшчи у́зирись ковъ молць?
Каля́да!
Ини вяць вялсь
Каля́да!
Ини ва́дись ковъ молць?
Каля́да!
Якстиря бу́касъ салызя.
Каля́да!
Якстиря бу́касъ ковъ молць?
Каля́да!

Раш то ва̀нинъ пячкининь
Каля́да!
Авы́ня а̀ла пи́дипикь
Каля́да!
Кустима а́ла о́знепскъ
Каля́да!
Го́варъ а̀ла са̀виникь
Каля́да!
Лу́пушки, ла̀пушки
Дайте намъ пирожки!

* *
*

До́вай уря́шъ сю́кыра!
Каля́да!
Бя́дя а̀максатъ сю́кыра
Каля́да!
Частатъ черы́ня!
Каля́да!
Тузу́въ — та̀зувъ у́лиза,
Каля́да!
Ла̀вца — ла̀нга, чій низа;
Каля́да!
Пона́ — паркъ про́за,
Каля́да!
Пона́ — на̀ркста бу́ка ланксъ
Каля́да!
Бука ругатъ — во́зжанза,
Каля́да!
Бу́кань пу́ла ло́кмеза!
Каля́да!
Лу́пушки, лапушки,
Дайте намъ пирожки!»

Пѣсня эта, въ буквальномъ переводѣ значитъ: «Каляда! Родился бы хлѣбъ соломой съ оглоблю, съ дугу колосомъ, съ колядконую лепешку зерномъ! Лупушки и проч. припѣвъ. Каляда! на горнушкѣ горшокъ каши, пришла собака и украла. — Куда дѣвалась собака? въ большой лѣсъ убѣжала. Куда дѣвался большой лѣсъ? Вырубилъ острый топоръ. Гдѣ же острый топоръ? Утонулъ

въ водѣ. Куда же дѣвалась вода? Воду красный быкъ выпилъ. Куда же дѣвался красный быкъ? Къ Рождеству зарѣзали, въ овинѣ сварили; подъ лѣстницей молились; подъ ступой съѣли. Припѣвъ... Каляда! Давай, баба, лепешки! Если не дашь, родишь сына—паршивый будетъ, по полкамъ бѣгать будетъ, съ полки упадетъ въ лукошко для мочекъ, а изъ лукошка на быка. Бычачьи рога—возжи, бычачій хвостъ—кнутъ!» и проч.

Въ Оркинѣ, на Крещенье, мордва печетъ лепешки, называемыя *конями* и имѣющія форму полумѣсяца.

Въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, малороссы (с. Сокуръ, Саратов. уѣзда, 1886) варятъ *свару* и *кутью*; въ этотъ день они ничего не ѣдятъ до вечерней зари; лишь взойдетъ звѣзда, они ставятъ кутью и свару на столъ, зажигаютъ передъ образами свѣчу, всѣ становятся на колѣни и просятъ Бога о ниспосланіи имъ хорошаго урожая хлѣбовъ, благополучія скоту и здравія себѣ; затѣмъ садятся за столъ и ѣдятъ приготовленную кутью и свару оставшееся же ставятъ подъ образа, подостлавъ предварительно сѣна; кутья и сваръ стоятъ такъ до крещенскаго сочельника *); въ этотъ день малороссы съѣдаютъ все; сѣно же, бывшее подъ сваромъ и кутьею, разстилаютъ по столу. Хохлы увѣряютъ, что въ этомъ сѣнѣ является, неизвѣстно откуда, шерсть разнаго цвѣта, которую разбираютъ по мастямъ и раскладываютъ на нѣсколько кучекъ, по цвѣту: въ которой кучкѣ шерсти больше, то этой масти слѣдуетъ держать и скота больше. Сѣно отдаютъ потомъ коровамъ, чтобы вѣдьмы не могли ихъ доить. Малороссы съ рождественскаго сочельника до крещенскаго метутъ свои хаты, начиная отъ дверей (порога) къ переднему углу, подъ образа, и все это время сора не выкидываютъ; въ крещенскій же сочельникъ жгутъ этотъ соръ, и золу отъ него оставляютъ до весны, и когда выѣзжаютъ пахать, то смѣшиваютъ эту золу съ хлѣбными сѣменами, для того, чтобы не было пустыхъ колосьевъ и сорныхъ травъ.

На первый день Рождества Христова малороссіянки с. Сокура,

*) Въ 1854 г. встрѣчая Рождество въ Купянскомъ уѣз. Харьков. губ., въ домѣ помѣщика-малоросса Неунова, я встрѣтилъ такой же обычай: вечеромъ въ Рождественскій сочельникъ положено было подъ образами сѣно, поставлена была свѣча, изображавшая Спасителя, и дары: кутья, взваръ и пироги, поданные за тѣмъ къ ужину.

женщины и дѣвицы, ходятъ вечеромъ подъ окнами и поютъ слѣдующую *коляду* (колядуютъ):

Нова рàда стàла,
Якóй небувàло:
Надъ вертѣпомъ звѣзда ясна
Весь свѣтъ осіяла *).

***

Гдѣ Христòсъ родівся,
Зъ Дѣвы воплотівся
Тамъ человѣкъ предъ Богомъ
Пеленами повівся.

***

Пастушки зъ ягнѣткомъ
Передъ тѣмъ Дитѣткомъ
На колѣны припàдалы
Богàмъ велычàлы.

***

Ой ты Бóже, нашъ Цàрю,
Небесный шахмàрю,
Пошли лѣто счастливóе
Сему́ господàрю.

***

Давы́дъ милосéрдый,
Выгрывàя дівно,
На вси струны ударяе,
Богà велычàе.

Припѣвъ: Яко царю́ рождéнну
Богу пресвѣчну.

При этомъ хозяева дома выносятъ колядующимъ хлѣбъ (паляницу), крендели, пироги, колбасу и иногда деньги; колядованіе продолжается съ 5 до 8 часовъ вечера, несмотря ни на какую погоду. Вотъ еще другая коляда, распѣваемая на второй день:

Панъ господарє!
Богъ тебе кличе,

---

*) *Коляда* эта переложена на ноты Н. И. Кондратьевымъ и передана въ Имп. Геогр. Общество.

Даромъ даруе —
Три теремо́чки:

* * *

Въ первомъ теремѣ
Сыновъ женити,
Въ другомъ теремѣ
Дочь отдавати,

* * *

Въ третьемъ теремѣ
Вамъ старымъ жить,
Вамъ старымъ жить,
Медъ, вино пить.

Припѣвъ: «О дай Боже, святый вічоръ!»

Подъ новый годъ вечеромъ малороссіяне поютъ:

Милáнна ходи́ла,
Васи́лка просила:
Тымъ мене, бàтько,
Пусти къ себѣ въ хатку.

* * *

Я живно не жала
Честны́й хрестъ держала,
Честный хрестъ держала,
Золоту кадильницу: —
Припѣвъ: «Радуйтеся люди,
Къ намъ Христосъ буде!»

Раннимъ утромъ 1 января являются мальчики съ разнымъ хлѣбомъ (пшеницей, рожью и проч.) и обсыпаютъ имъ избу, приговаривая: «на жито, на горохъ (пошли Господи урожай), на пшеницю, чечевицу; доброму хозяину на доброе здоровье». За тѣмъ идетъ поздравленіе съ праздникомъ, при чемъ поздравителямъ даютъ деньги.

Крестьянинъ Т. Кузьминъ (Сарат. губ. Вѣдом. 1888, № 61) сообщаетъ, что въ слободѣ Рудиѣ, Камышинскаго уѣзда *), у малороссовъ, на первый и второй день Рождества поется коляда, а

*) Слобода Рудня населена русскими государст. крестьянами и солевозцами малороссами изъ Воронежской и Полтавской губ. въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

подъ Новый годъ—щедрикованье, толпами молодежи и «дівчатъ», съ позволенія хозяевъ, которые дарятъ ихъ хлѣбомъ, саломъ, деньгами и водкой. Вотъ образчики этихъ пѣсенъ (первая—варіантъ приведенной выше):

Коляда.

Нова рада стала,
Якъ на небі хмара,
Надъ вертепомъ звізда ясна
Весь світъ осіяла.
Дѣ Христосъ родывся,
Съ Дівой воплотывся,
Тамъ чоловікъ передъ Богомъ
У се рызами уповывся.
Пастушки съ ягняткомъ
Передъ тымъ дытяткомъ
На колінцы упадаютъ,
Бога-Цэря велычаютъ:
Боже нашъ Царю,
Небесный *шатарю* *),
Пошли літо счастливое
Нашему господарю.

***

Давыдъ милосердый
Грае, выгравае,
На всі струны ударяе,
Бога-Царя велычае.
Цари приходылы,
Не то срібло, не то злато,
Чімъ Господа даруваты.

Приговорка:

Дай Боже вечеръ добрый,
А намъ перигъ (калачъ) довгій,
Хочь маленькій,
Та цілєнькій.

***

*) Объяснить значеніе этого слова малороссы не могутъ.

Еще поютъ такъ:

Кто, кто Миколая любе,
Кто, кто Миколаю служе,
Святый отче Миколае
На всякій часъ помогае.
Миколаю (2 раза).
Богородыця Сына породыла,
Всіхъ ангеливъ до себе зазвала.
Стали думать и гадать,
Якъ ему имя дать.
Миколаю (2 раза).
Далы ёму имя святого Петра,
Богородыця Петра не злюбыла,
Всіхъ ангеловъ посмутыла.
Миколаю (2 раза).
Кто, кто Миколая любе,
и т. д.

Другой варіантъ:

Богородыця сына породыла,
Всіхъ ангеливъ до себе забрала;
Сталы думать и гадать,
Якъ ему имя дать.
Миколаю (2 раза).
Далы ему имя святого Илья,
Вона имя не злюбила
Всіхъ ангеливъ позмутыла.
Миколаю (2 раза).
Кто, кто мене любе, и т. д.....

Богородыця Сына породыла,
Всіхъ ангеливъ до себе забрала;
Сталы думать и гадать,
Яке имя дать.
Миколаю (2 раза).
Далы ему имя Іисуса Христа,
Іисуса она возлюбила

Всіхъ ангеливъ взвеселыла.
Миколае (2 раза).
Кто, кто мене любе, и т. д.....

***

Шла Діва Марія
Изъ монастыря.
Аллилуя! Аллилуя!
Изъ монастыря.
Встілы ін
Трое жидовья.
Аллилуя! Аллилуя!
Трое жидовья.
Чи не вы, жиды,
Христа мучылы?
Аллилуя! Аллилуя!
Христа мучылы.
Ни, не мы Его мучылы,
А наши предковья.
Аллилуя! Аллилуя!
А наши предковья.
Шла Діва Марія
На Сіонску гору.
Аллилуя! Аллилуя!
На Сіонску гору.
А на Сіонской гори
Мастры маструють,
Церкву будують.
Аллилуя! Аллилуя!
Церкву будують.
А въ той церкви
Три гроба стоять.
Аллилуя! Аллилуя!
Три гроба стоять.
Первый гробъ —
Іисусъ Христосъ.
Аллилуя! Аллилуя!
Іисусъ Христосъ.

А второй гробъ —
Иванъ Хрыстытель.
Аллилуя! Аллилуя!
Иванъ Хрыстытель.
А третій гробъ—
Дiва Марія.
Аллилуя! Аллилуя!
Дiва Марія.
Надъ Iисусомъ Христомъ
Свiчи пылаютъ.
Аллилуя! Аллилуя!
Свiчи пылаютъ.
А надъ Иваномъ Хрыстителемъ
Евангель читаютъ.
Аллилуя! и т. д.
А надъ Дiвой Марiей
Рожа (роза) розцвiтае.
Аллилуя! и т. д.
Якъ стой (стою) разъ
Вылытiвъ птахъ.
Аллилуя! и т. д.
Тай полытiвъ птахъ
По пидъ небесахъ.
Аллилуя! и т. д.
Небеса растворяются,
Всi свiты ему поклоняются.
Аллилуя! и т. д.

Нѣмцы Ягодной-Поляны (Саратов. уѣз.) всю ночь подъ Рождество (die heilige Nacht), до разсвѣта, звонятъ въ церковные колокола. Молодежь, на святкахъ, по вечерамъ и ночью ходитъ по домамъ наряженная, преимущественно выворачивая шубы; эти святошники называются у нихъ «Pelz-nickel». На новый годъ молодежь и старики ходятъ толпой въ гости къ знакомымъ, угощаютъ другъ друга ѣдой и виномъ, и стрѣляютъ изъ ружей; въ этотъ день, обыкновенно, русскіе крестьяне изъ сосѣднихъ селеній навѣ-

щаютъ своихъ знакомыхъ нѣмцевъ, на что колонисты отвѣчаютъ въ свою очередь, пріѣзжая къ нимъ въ русскія селенія на масляницу. Послѣдняя празднуется у крестьянъ Сарат. губерніи съ четверга, блины же пекутъ еще съ воскресенья и понедѣльника; къ этому времени готовятъ брагу. Отличительная забава этихъ праздниковъ—катанье по улицѣ, теперь больше парой и даже въ одну лошадь: бабы, дѣвки и ребятишки насядутъ въ сани человѣкъ пять и больше, такъ что подъ часъ бѣдная лошаденка едва тащитъ эту кладь. Пьянство на масляницу превосходитъ даже бывающее на «престолъ» (храмовой праздникъ). *Пировая* (гульба) продолжается иногда въ понедѣльникъ великаго поста *до бани*; въ этотъ день многіе доѣдаютъ и допиваютъ остатки *широкой и честной* масляницы, но послѣ бани считается уже за грѣхъ дотронуться до скоромнаго и хмѣльного. Вечеромъ, въ воскресенье масляной, наканунѣ великаго поста, въ такъ называемый *прощеный день*, крестьяне ходятъ къ священнику и другъ къ другу (прежде, бывало, къ господамъ) «прощаться», т. е. просить прощенія, причемъ кланяются въ ноги. Мужъ, *прощаясь* съ женой, никогда не дѣлаетъ ей земного поклона, она же обязательно выполняетъ это.

Великимъ постомъ, 9 марта наступаетъ праздникъ весны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саратовской губерніи (с. Колѣно, въ 1860 годахъ) пекутъ «жаворонковъ» изъ тѣста, при этомъ мальчишки и дѣвчонки взбираются на крыши избъ и кричатъ:

Жаворонки, жавороночки!
Прилетите къ намъ,
Принесите намъ
Лѣто теплое,
Унесите отъ насъ
Зиму холодную;
Намъ холодная зима
Надоскучила,
Руки, ноги отморозила!

На *Благовѣщеніе* (25 марта) русскіе считаютъ за большой грѣхъ работать, такъ какъ «и птица не вьётъ гнѣзда въ этотъ день»; въ народѣ (с. Колѣно) есть разсказъ про птицу, которая свила въ этотъ день гнѣздо и удавилась въ немъ. На Благовѣще-

ніе крестьяне берутъ за обѣдней просфоры и берегутъ ихъ до времени сѣва: выѣзжая въ первый разъ сѣять, каждый закусываетъ этой «благовѣщенской» просфорой, оставляя отъ нея кусочки, которые разбрасываютъ при сѣвѣ на пашнѣ *).

Какъ русскіе, такъ и малороссы, выходя на *Великій четвергъ* (на страстной недѣлѣ) отъ стоянія, стараются донести въ свои дома «огонь евангельскій» (зажженныя свѣчи) и по приходѣ коптятъ ими или выжигаютъ на матицѣ (бревнѣ, поддерживающемъ потолокъ) кресты, чтобы «не угасла благодать Господня въ домѣ».

У малороссовъ, въ с. Широкомъ-Уступѣ (Аткарскаго уѣзда, въ 1860 годахъ) заведено «со старины» (изъ ихъ родины) приносить при освященіи пасхи, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, всю свою провизію или уже непремѣнно поросенка и свиное сало, въ добавленіе къ куличу и сыру, вмѣсто приносимыхъ русскими лишь кулича, пасхи и яицъ. Православный народъ съ четверга страстной недѣли начинаетъ готовиться къ Пасхѣ: варятъ брагу, ставятъ куличи, дѣлаютъ пасхи, красятъ яйца; малороссы дѣлаютъ «писанки» (узорчато раскрашенныя разноцвѣтными полосами, угольниками и другими фигурами яйца). По окончаніи заутрени, подходя къ кресту, всѣ христосуются съ духовенствомъ, подавая каждому изъ священниковъ и причту по одному и болѣе яицъ, которыя опускаются тутъ же въ стоящія подлѣ нихъ кошёлки, кадушки или иную посуду. Послѣ обѣдни, на полу церкви и съ наружи, около нея, вытягиваются длинныя веренницы куличей, пасохъ и яицъ, которые святитъ священникъ; отъ каждаго кулича и пасхи попы отрѣзаютъ части въ свою пользу и берутъ по нѣсколько яицъ, все это сваливается ими въ особыя посуды и за тѣмъ дѣлится съ причетниками, при чемъ прежде не обходилось безъ споровъ и ссоръ. На другой день Пасхи жители слободы Широкаго-Уступа, какъ малороссіяне, такъ и русскіе, обходятъ съ иконами и хоругвями, взятыми изъ церкви, кругомъ села, для охраны его отъ всякихъ несчастій и пожара; тотъ же обычай ведется издавна и въ с. Полчаниновкѣ (Саратов. уѣзда) и нѣкоторыхъ другихъ се-

*) Въ Тамбовской Архивной Коммиссіи хранится уставная грамота 1652 г.», указывающая, что и въ то время держали *благовѣщенскія просфиры* для хлѣбнаго засѣванія.

леніяхъ. Духовенство всю святую недѣлю ходитъ по приходу съ молебнами (славить Христа), за ними слѣдуютъ *богоносцы* съ хоругвями и иконами, которыя ставятся въ домахъ на приготовленный въ посудахъ разный зерновый хлѣбъ; послѣдній мѣшаютъ затѣмъ съ сѣменами, идущими на посѣвъ полей. Отличительное увеселеніе на Пасху составляютъ въ нашемъ народѣ, въ большинствѣ селеній, *рели* (качели) и катанье яицъ на улицѣ. Нѣмцы Ягодно-Полянскихъ колоній, Саратов. уѣзда, усвоили себѣ тоже обычай, празднуя первые три дня Пасхи, ставить качели, на которыхъ качается молодежь, парни и дѣвушки.

На лѣвомъ берегу Волги, противъ Саратова, лежитъ большая малороссійская слобода Покровская, Самарской губ. Она населена послѣ указа 1763 г. солевозцами, выходцами изъ Украйны, и имѣла уже въ 1770 г. деревянную церковь; теперь ихъ въ слободѣ пять. Покровскія «жинки» гуляютъ на Ѳоминой недѣлѣ, выпроводивъ своихъ «чоловіковъ ораты у поле», справляя свой бабій праздникъ *ловить Хому*; для этого «жинки» устроиваютъ складчину и затѣмъ собираются въ какой-либо хатѣ, гдѣ хозяйкою являлся «сама стара» хотя бы она была совсѣмъ молодой женщиной. Подвыпивъ здѣсь самымъ основательнымъ образомъ, хохлушки цѣлою толпою открываютъ далеко нескромное шествіе по селу съ пѣснями и пляскою. Завидѣвъ мужчину, онѣ гурьбой бросаются за нимъ: это собственно и значитъ «ловить Хому». Попавшійся въ ихъ руки, въ особенности «москаль», не скоро отдѣлается отъ разгулявшихся бабъ—и во всякомъ случаѣ не иначе, какъ заплативъ имъ посильную ленту на выпивку. Дѣвушки, которымъ перевалило за 25 лѣтъ, подвергаются той же участи; каждую изъ такихъ пьяная толпа тащитъ за собою, припѣвая:

Черезъ греблю Микитину
Ведутъ Гапку пидтыкану...
Кричитъ Гапка, репетуе,
Никтожъ Гапці не ратуе!»

Заканчивается процессія новой выпивкой; подобнаго обычая въ другихъ малороссійскихъ селеніяхъ, кажется, не водится («Сарат. Листокъ», 1887).

При первомъ весеннемъ выгонѣ скота въ поле во многихъ селахъ Саратов. губерніи (с. Полчаниновка и др.) существуетъ

изстари слѣдующій обрядъ: стада собираются утромъ на площади, около церкви, и священникъ, отслуживъ молебенъ съ водосвятіемъ, обходитъ ихъ съ образами и хоругвями, причемъ кропитъ животныхъ святой водой; при этомъ ставятъ тутъ же столъ и на немъ хлѣбъ и соль, а затѣмъ бабы раздаютъ пастухамъ лепешки и яйца.

На *Преполовеніе* (24 дня послѣ Пасхи) во многихъ селахъ существуетъ обычай, что священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, хоругвями, образами и весь народъ идутъ на рѣку или родникъ, гдѣ ставится столъ съ хлѣбомъ и солью; здѣсь служится молебенъ съ водосвятіемъ.

Наканунѣ Вознесенія бываетъ «отданіе Пасхи»: въ этотъ день у обѣдни послѣдній разъ поютъ «Христосъ воскресе» и затѣмъ только въ заутреню на Вознесеніе. Народъ празднуетъ этотъ день лишь до обѣда.

Еще недавно въ с. Озеркахъ (Саратов. уѣзда) былъ обычай, на концѣ Вознесенія, печь «блинцы» и изъ того же тѣста — «лѣсенки»; вечеромъ клали ихъ на столъ и зажигали восковую свѣчу, которую не тушили всю ночь: лѣсенки должны были служить Іисусу Христу «для взлѣзанія на небо», а блины — подобіемъ онучъ, для обвязыванія ногъ, «чтобы не потереть ихъ». Обычай этотъ недавно вывелся въ Озеркахъ, но блинцы и до сихъ поръ называются *Христовыми онучками*. На Вознесеніе, существовалъ въ с. Колѣнѣ (Аткарскаго уѣзда) въ 1860 годахъ обычай, что женщины и дѣвушки пекли блины и яйца, дѣлали изъ тѣста «лѣстницы» и послѣ обѣда шли въ поле, гдѣ посѣяна рожь, входили на средину десятины, клали принесенные запасы на землю, пѣли пѣсни и валялись во ржѣ, при этомъ кидали яйца къ верху и ловили ихъ; киданіе имѣло свое значеніе: какъ высоко взвилось яйцо, такъ должна была вырости рожь; послѣ того все принесенное съѣдалось тутъ же. Теперь обычай этотъ намъ не встрѣчался.

Троицынъ день—одинъ изъ праздниковъ, который сохранилъ въ народѣ свой особенный нарядный типъ и обычай завивать вѣнки. Въ этотъ день всѣ избушки украшаются зеленью *), молодежь

*) Распоряженіе начала 1880 годовъ не срубать и не втыкать деревъ на Троицу, плохо и не охотно исполняется народомъ. Имѣя самъ лѣса, я могу положительно сказать, что эта мѣра охраны лѣсовъ безполезна, такъ какъ лѣсъ вовсе не страдаетъ отъ незначительной вырубки мелочи на Троицу.

идетъ въ лѣсъ «ломать сучья», изъ которыхъ плетутъ вѣнки; разсыпавшись по лѣсу въ праздничныхъ яркихъ парядахъ, шумная толпа поетъ:

Вы радуйтесь, березоньки,
Веселитесь, сырые дубки,
Подъ васъ идутъ красныя дѣвицы и т. д.

или другую пѣсню:

Мы вѣночки завивали,
На головку надѣвали,
Подъ кустъ сѣли, пріустали,
Злы собаки набѣжали,
Меня младу испужали.....

Послѣ того вѣнки надѣваютъ на головы и идутъ вереницей къ рѣкѣ; впереди парень или дѣвка пляшутъ подъ хороводную пѣсню, кругомъ съ шумомъ и крикомъ бѣгаютъ ребятишки. Подходя къ рѣкѣ, всякій загадываетъ про себя или родню: долго-ли проживетъ, скоро-ли женится или выйдетъ замужъ; при этомъ бросаютъ вѣнки въ воду; ежели вѣнокъ утонетъ, то это предвѣщаетъ смерть или неисполненіе желаній; въ это время хороводъ поетъ:

Всѣ вѣночки на верху воды,
А мой внизъ потонулъ;
Всѣ мужья изъ Москвы пришли,
А мой не пришелъ.

Потомъ всѣ идутъ на улицу и до поздняго вечера раздаются пѣсни, плясъ и веселый говоръ хоровода.

Въ дер. Озеркахъ, Дивовской волости (Аткарс. уѣзда, 1885), съ издавна сохранился довольно оригинальный обрядъ *кумовства* между женщинами: когда замужнія женщины и взрослыя дѣвицы идутъ по улицѣ на Троицу, съ пѣснями и плясками, составляя на концѣ деревни хороводъ, то каждая женщина выбираетъ себѣ по душѣ другую, онѣ цѣлуются, дарятъ одна другой яйца, и затѣмъ называютъ другъ друга кумой. Обычай кумовства повторяется ежегодно на Троицу и встрѣчается до сихъ поръ во многихъ селеніяхъ Аткарскаго и Саратовскаго уѣздовъ, гдѣ молодыя женщины, преимущественно дѣвушки, «кумятся», цѣлуясь черезъ сплетенные вѣнки, которые потомъ съ пѣснями бросаютъ въ воду *).

*) Въ Новгородской губ. тоже встрѣчается кумовство на Троицу у дѣвокъ и бабъ — яичкомъ черезъ березку.

Мордовскія дѣвушки въ с. Оркинѣ, собравшись на Троицу хороводами, идутъ, какъ и русскія, въ лѣсъ: рвутъ цвѣтки, вьютъ изъ нихъ вѣнки, убираютъ цвѣтами головы, втыкая ихъ въ волосы надъ ушами и въ косу, въ конецъ которой, вмѣсто шнурковъ съ кисточками, вплетаютъ въ этотъ день красныя ленты; дѣвки входятъ въ село шереигой, взявшись рука съ рукой или обнявшись, идутъ по улицѣ и поютъ пѣсни.

Подобно русскимъ, нѣмцы-колонисты (Ягодно-Полянская вол.) втыкаютъ на Троицу передъ окнами и дверями своихъ жилищъ молодыя деревца (Maibäume); въ этотъ же день, еще съ ночи, каждый женихъ тайно ставитъ около дома своей возлюбленной срубленную имъ березку *).

Духовъ день считается тяжелымъ въ народѣ и многіе даже не купаются въ этотъ день, боясь утонуть.

Въ воскресенье на заговѣнье передъ *Петровками* (постъ Петра и Павла) бываетъ *Русальское Воскресенье*; въ этотъ день изстари установились въ нашемъ народѣ *проводы русалки*. Происходитъ это, мѣстами, такъ (с. Колѣно, 1863): пообѣдавъ послѣ обѣдни молодежь собирается на улицѣ и начинаются пѣсни и плясъ; немного погодя принимаются за русалку, для чего наряжаютъ чучело. Къ вечеру является и русалка: это—конь, сдѣланный изъ соломы, на немъ сидитъ мальчикъ лѣтъ 15, *говорокъ* (т. е. разбитной), и смѣшитъ народъ своими прибаутками; у этого коня ноги замѣняютъ два дюжіе парня, закутанные въ торпище; конь весь увѣшенъ разноцвѣтнымъ тряпьемъ и бубенчиками; за нимъ валитъ народъ, преимущественно бабы, дѣвки и дѣти, гремятъ трещетки, бьютъ въ тазы и заслоны; нейдетъ онъ прямо по улицѣ, а мечется въ стороны, разгоняетъ и давитъ народъ и тѣхъ, которые сидятъ около избъ и нейдутъ «провожать русалку»; такимъ образомъ вся толпа валитъ къ рѣкѣ, съ пѣснями, приплясываніемъ, хохотомъ и бросаютъ чучело въ воду.

Дѣвушки-малороссіянки почитаютъ очень день *Ивана Купалинова* (Рождество Іоанна Предтечи, 24 іюня). Наканунѣ этого дня (с. Сокуръ, Сарат. уѣзда) онѣ берутъ «сѣкиру» (топоръ) и идутъ въ лѣсъ, гдѣ срываютъ кленовыя листья (по-малороссійски: чи-

*) *Майская* березка въ обычаѣ и у Чеховъ: она ставится тайкомъ въ ночь на 1-е Мая парнями передъ домами молодыхъ дѣвушекъ.

бытки) и вырубаютъ длинную палку черноклена; все это приносятъ домой; тутъ часть дѣвушекъ плетутъ изъ «чибытковъ» вѣнокъ, а другія лѣпятъ изъ глины человѣчью фигуру въ видѣ женщины, выдѣлывая ей носъ, ротъ, глаза и груди, румянятъ щеки и одѣваютъ въ женское платье, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ чибытковъ и живыхъ цвѣтовъ, и оставляютъ ее до утра у которой-либо изъ дѣвчинъ. Утромъ, въ день Ивана Купалы, матери пекутъ блины, сносятъ ихъ къ той хатѣ, гдѣ ночевала слѣпленная фигура, и кладутъ принесенное на завалину; сюда собираются старухи и ѣдятъ эти блины; дѣвчины идутъ въ хату къ глиняной чучелѣ, которой даютъ имя *Морынка* (вѣроятно искаженная Морана), сажаютъ ее на скамью, берутся за руки и, составляя кругъ ходятъ возлѣ «морынки» и поютъ слѣдующія пѣсни:

Маланичка, петривочка,
Да не выспалась наша дівочка,
Къ череди шла да дримала,
На спицы очи повыдырала.
Гдижъ ты, *Морынко*, ночь почивала?
Якъ почивала пидъ вірбою кудрявою,
Пидъ холодною водою.

По окончаніи этой пѣсни берутъ Морынку, насаживаютъ на прежде приготовленную палку черноклена и идутъ къ рѣкѣ съ пѣснями слѣдующаго содержанія:

Гой, Катерыно, биль билила,
Да съ своей билью говорила:
Гой биль, моя биль, тонка ни била,
Якъ я пиду за нелюбого,
Яжъ тобі биль въ чірні изношу.

* * *

Ойжъ ты моя вірба кучерява!
Такъ Катерына біль билила,
Съ тою билью говорила:
Ой биль моя, и тонка и біла,
Якъ я пиду за милого,
Яжъ тебе, моя біль,
За праздникъ изношу.

По приходѣ къ рѣкѣ, бросаютъ Морынку въ воду, а вѣнокъ

съ ея головы беруть домой; малороссы вѣрятъ, что цвѣты и листья изъ вѣнка Морынки отгоняютъ нечистую силу изъ того дома, гдѣ хранится хотя одинъ изъ этихъ цвѣтовъ; они помогаютъ также въ недугахъ, для чего ихъ настаиваютъ въ водѣ и послѣдней поятъ больного; кромѣ того цвѣты и чибытки (листья) изъ вѣнка Морынки спасаютъ отъ громового удара *).

Десятая пятница считается въ народѣ преимущественно женскимъ (бабьимъ) праздникомъ. Въ 10-ю пятницу послѣ праздника Пасхи чествуется память *Параскевы-пятницы*; въ г. Саратовѣ, въ Кресто-Воздвиженскомъ женскомъ монастырѣ имѣется особый придѣлъ Параскевы-пятницы; въ этотъ день, кромѣ горожанъ, собирается сюда огромная масса богомольцевъ изъ сосѣднихъ селъ и деревень, преимущественно женщинъ, такъ что не только монастырское подворье, но и сосѣднія съ нимъ улицы бываютъ запружены народомъ. Есть повѣрье въ Саратовскомъ уѣздѣ, что около 10-й пятницы бываетъ обыкновенно дождь.

На 1-е августа, *Происхожденіе древа Креста Господня* или *Первый Спасъ*, заведенъ издавна, во многихъ мѣстахъ губерніи, обычай ходить крестнымъ ходомъ съ образами и хоругвями на рѣку или родникъ и служить тамъ молебенъ, при чемъ освящаютъ сѣмена ржи для предстоящаго посѣва. Въ этотъ же день освящаютъ въ церкви, послѣ обѣдни, медъ, принося его въ чашкахъ

---

*) Въ «Древностяхъ» Моск. Археолог. Общества, 1868, т. I, приведено указаніе на этотъ обычай въ Малороссіи: тамъ изстари дѣвки подъ Ивана Купалу срубаютъ дерево *чернокленъ*, вбиваютъ его въ землю, затѣмъ дѣлаютъ чучело (лялькy) изъ соломы, одѣваютъ его по-женски въ юбку, очипокъ и пр., навѣшиваютъ намиста и другія украшенія и сажаютъ подъ дерево; чучело это называется: *марена*, *мареночка* или *марина* (мара означаетъ смерть); въ другихъ мѣстахъ *мареной* называется чернокленъ, а чучело — *Купалюмъ*. Вечеромъ на Ивана Купалу снимаютъ съ этаго чучелы всѣ украшенія и съ пѣснями несутъ топить вмѣстѣ съ чернокленомъ; мѣстами же его обкладываютъ соломой и крапивой и сожигаютъ. Въ Бѣлоруссіи, въ ночь подъ Ивана Купалу жгутъ костры и прыгаютъ черезъ нихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ чучелу въ видѣ женщины, вокругъ которой пляшутъ дѣвушки и поютъ. Предъ разсвѣтомъ Иванова дня бѣлорусскія дѣвушки выбираютъ самую красивую, раздѣваютъ ее до нага и голое тѣло опутываютъ цвѣтами и обвѣшиваютъ вѣнками; послѣ чего, окруженная хороводомъ, она (дзѣука-Купала) идетъ въ лѣсъ, гдѣ заготовлены вѣнки; здѣсь ей завязываютъ глаза, дѣвушки пляшутъ вокругъ нея, а она раздаетъ имъ вѣнки: которой достанется свѣжій — будетъ счастлива, напротивъ — увядшій, предвѣщаетъ все дурное. (Киркоръ, «Живоп. Россія», т. III, 1882).

или вновь наломанный, сотами, часть котораго удѣляютъ священнику; день этотъ называется также «медовымъ Спасомъ».

Съ 1 по 15 августа (Успеніе Богородицы) продолжается двухъ-недѣльный Успенскій постъ, называемый въ народѣ *Спожинки* (оспожинки) и который онъ чтитъ наравнѣ съ Великимъ постомъ. Малороссы называютъ этотъ постъ «Госпожинки», отъ Госпожи Пресвятой Богородицы; у русскихъ названіе это искажено въ «спожинки» и примѣняется къ жнитву, которое въ это время приходитъ къ концу, почему есть у нихъ и поговорки: «*спожинки-обжинки*.

6-го Августа—*Спасъ Преображенія*, въ который освящаютъ въ церкви яблоки; народъ зоветъ его «яблочнымъ Спасомъ». Бабы, у которыхъ умирали дѣти, не ѣдятъ яблокъ до этого Спаса, увѣренныя, что въ противномъ случаѣ умершимъ дѣтямъ не дадутъ на томъ свѣтѣ «райскихъ» яблокъ.

18-го Августа, день *св. Флора и Лавра*, покровителей домашняго скота, собираютъ около церкви всѣхъ лошадей селенія и проводятъ между хоругвями и образами, при чемъ священникъ кропитъ ихъ святою водою.

29-го Августа чтится нашею церковью день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ народѣ — *Иванъ Постный*; крестьяне не ѣдятъ въ этотъ день ни яблоковъ, ни арбузовъ, ни картофеля, вообще ничего круглаго, напоминающаго отсѣченную голову, чтобы не сдѣлаться сообщниками Иродіады.

Съ 8-го Сентября, *Рождества Богородицы*, начинаются *посидѣлки*: дѣвушки съ пряжей собираются въ одну избу, къ нимъ приходятъ парни съ гармоникой и угощеніемъ, поются пѣсни *).

Время съ 1 Сентября до *Воздвиженія*, т. е. 14 сентября, называется «бабье лѣто»; есть примѣта, что если бабье лѣто ненастное, то осень будетъ хорошая, если же оно сухое, то осень дождливая. Народная поговорка гласитъ, что «Вздвиженье кафтанъ съ плечъ сдвинетъ, а тулупъ надвинетъ». Въ «бабье лѣто» баба отдыхаетъ послѣ труднаго жнитва, хотя молотьба тоже не

*) Осенніе вечеринки или посидѣлки встрѣчаются не у однихъ русскихъ и малороссовъ; мы видимъ ихъ не только у болгаръ (*съденки*), но въ Венгріи и Франціи, при чемъ крестьянскія дѣвушки, собираются съ работой или пряжей, а къ нимъ приходятъ молодые парни съ пѣніемъ, музыкой и другими забавами.

легкій трудъ; другіе объясняютъ названіе бабьяго лѣта тѣмъ, что съ этого времени начинаются бабьи работы: трепка пеньки, пряжа и проч. Иные считаютъ бабье лѣто съ 1 до 8 сентября.

Лѣтъ тридцать назадъ, у *мордвы* с. Оркина справлялся на *Покровъ* (1 октября) дѣвками и парнями праздникъ называвшійся *ссыпчинами*, для котораго дѣвки, сговорившись заранѣе, снимали неподалеку нѣсколько квартиръ; сюда привозили они куръ, гусей, мяса и другіе припасы; предъ самымъ праздникомъ варили они брагу, въ продолженіи же ссыпчинъ ежедневно пекли пироги и приготовляли разныя кушанья; затѣмъ пряли, пѣли пѣсни и плясали подъ обычный свой припѣвъ: «да или-ли-да-да». Къ нимъ приходили парни и гуляли вмѣстѣ съ ними; дѣвки угощали гостей-парней: брагой, пирогами и кушаньями, а тѣ покупали вина, орѣховъ и пряниковъ. На ссыпчинахъ дѣвки одѣвались въ самые лучшіе наряды, а красивыя, ловкія и статныя надѣвали старинную, особенно нарядную одежду—*покай*, весь вышитый мишурой, блестками и увѣшенный по плечамъ и рукавамъ маленькими бубенчиками, погромками, звонкими бляшками и даже колокольчиками; звучно побрякивая ими въ тактъ, во время пляски, дѣвка блистала въ яркомъ нарядѣ. Затѣмъ парни приводили имъ, для катанія верхомъ, лошадей въ сѣдлахъ, непремѣнно бойкихъ, которыхъ украшали лентами и разноцвѣтными махорками, а на сѣдло постилали ярко вышитую и блестящую попону; дѣвки, желавшія покататься, три раза обходили кругомъ лошади, затѣмъ ловко вскакивали въ сѣдло и лихо, съ плетью въ рукахъ, неслись по селу въ своихъ блестящихъ нарядахъ, въ мужскихъ штанахъ и особенныхъ головныхъ уборахъ, при чемъ навѣшенные на нихъ бубенчики и другія побрякушки производили неумолкаемый звонъ, пугавшій строгихъ лошадей, которыя бросались въ сторону и нерѣдко сбрасывали съ себя смѣлыхъ наѣздницъ. На ссыпчины, продолжавшіяся недѣлю, пріѣзжали изъ сосѣднихъ селъ и имѣній помѣщики, и даже «господа» изъ г. Петровска, при чемъ холостые гуляли здѣсь наряду съ парнями. Послѣдняя ссыпчина была въ концѣ 1850-хъ годовъ; годъ отъ году неурожаи и обѣдненіе заставили оставлять этотъ нарядный праздникъ, требовавшій много расходовъ, и онъ остался теперь только въ народной памяти; «покай», въ который рядились дѣвки, нельзя уже ни у кого

встрѣтить на селѣ и только немногія бабы носятъ еще бусы, остатки отъ бывшихъ на покаѣ украшеній.

26-е Октября—*Дмитріевъ день*; суббота передъ этимъ днемъ называется «Дмитрова суббота»; въ этотъ день установлено поминаніе «убіенныхъ на брани», въ память Куликовской битвы при Димитріѣ Донскомъ, при чемъ поминаютъ и всѣхъ усопшихъ. Въ русскомъ народѣ, у малороссовъ и мордвы Дмитрова суббота называется «Родительской» (см. ниже *родительскія поминки*).

Ежегодно въ началѣ октября, взрослыя дѣвицы малороссіянки (с. Сокуръ, Саратов. уѣзда), собираясь группами отъ 3 до 5 паръ подругъ, снимаютъ, преимущественно у вдовъ, хату для ночныхъ *посидѣлокъ* (вечерницъ), куда собираются съ вечера и сидятъ далеко за полночь, при чемъ занимаются разнаго рода рукодѣльемъ: шитьемъ, прядевомъ, вышиваньемъ и т. под.; въ тоже время поютъ пѣсни. На вечерницы приходятъ молодые паробки (холостые ребята) и ведутъ съ ними пляску, «гопака», подъ скрипки, сопѣлки и балалайки. Къ концу вечерницы паробки спрашиваютъ дѣвчинъ, оставятъ-ли онѣ ихъ ночевать? и всегда получаютъ утвердительный отвѣтъ; послѣ чего каждая дѣвка стелетъ для себя и оставленнаго ею паробка постель, на которой и ложатся спать попарно (*женихаются*); утромъ, какъ разсвѣтаетъ, расходятся по домамъ. Бываетъ, разумѣется, не безъ грѣха, но не было случая, чтобы согрѣшившіе нарушили клятвенное обѣщаніе о бракѣ. Опрошенныя мною пожилыя малороссіянки утверждаютъ, что дѣвки, *женихаясь* съ избранными паробками, дозволяютъ лишь цѣловаться, до грѣха же допускаютъ очень рѣдкія; тоже самое я слышалъ въ другихъ мѣстахъ.

На *Козьму и Демьяна* (1-го ноября) въ русскихъ селеніяхъ *ломаютъ кочетовъ* (рѣжутъ пѣтуховъ): всякій почти дворъ считаетъ обязанностью имѣть въ этотъ день зажареннаго пѣтуха или курицу; при этомъ заготовляютъ брагу. Въ этотъ день дѣвки справляютъ *Кузьминки*, собираясь куда-нибудь въ одну избу, приносятъ съ собою жареныхъ пѣтуховъ и куръ, поютъ пѣсни и играютъ; къ нимъ собираются и парни. Куръ и другихъ птицъ для «кузьминокъ», по заведенному обычаю, дѣвки крадутъ наканунѣ вечеромъ у своихъ родителей и родныхъ, при чемъ необходимо, чтобы никто не видалъ похищенія; понятно, что никто не

преслѣдуетъ этой кражи. На Козьму и Демьяна бабы приносятъ въ с. Озеркахъ (Саратов. уѣзда) въ церковь, къ концу обѣдни, мотки нитокъ и, прикладываясь къ кресту, кладутъ ихъ на амвонъ въ пользу священника; обычай этотъ существуетъ по поводу того, что у нихъ въ это время начинаются *запрядки* (новая пряжа).

Сверхъ обыкновенныхъ праздниковъ, каждое село празднуетъ престольный праздникъ, день святого или праздника, въ честь котораго построенъ храмъ, и кромѣ того *престолъ*, вынесенный переселенцами нашего края изъ *старины* (прежней родины, изъ старыхъ приходовъ); послѣдній продолжается три дня и отличается страшнымъ пьянствомъ.

Русскій народъ строго соблюдаетъ до сихъ поръ *посты*: воръ, рѣшающійся безъ зазрѣнія совѣсти на кражу, сочтетъ страшнымъ грѣхомъ оскоромиться въ постный день. Въ послѣдніе годы, при упадкѣ религіозности въ молодежи, являются, хотя еще и довольно рѣдкіе, случаи несоблюденія постовъ, но это исключенія, которыя встрѣчаются чаще въ мѣщанскомъ и городскомъ населеніи. Крестьяне строго блюдутъ посты и также среду и пятницу; въ Рождественскій сочельникъ (24-го декабря) многіе, въ особенности старухи, не ѣдятъ ничего *до звѣзды*; въ Крещенскій сочельникъ (5 января) не ѣдятъ *до воды*, т. е. до того времени, какъ принесутъ послѣ вечерни освященную воду изъ церкви; въ недѣлю *масляницы* (сырную), не ѣдятъ мяснаго, зато пьютъ много вина. Далѣе слѣдуетъ: Великій постъ; Петровъ постъ (*Петровки*), отъ двухъ до шести недѣль передъ Петровымъ днемъ (Св. Петра и Павла—29 іюня)—продолжительность этого поста зависитъ отъ времени Пасхи: ежели она бываетъ ранняя, то Петровки длиннѣе и наоборотъ; Успенскій постъ (*Оспожинки*) съ 1 по 15 августа; 20 августа день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи — *Иванъ Постный*; 14 сентября—одинъ день поста на праздникъ Воздвиженія; Рождественскій (*Филиповки*) съ 15 ноября до Рождества,— всего около 200 постныхъ дней въ году, причемъ въ нѣкоторые воспрещается и рыба. Многіе изъ православныхъ не ѣдятъ горячаго (*сухоядѣніе*) въ первую недѣлю Великаго поста до субботы, первые три дня страстной недѣли, пятницу той же недѣли и на Воздвиженіе. Нѣкоторые крестьяне, въ особенности бабы, кромѣ этихъ постовъ, часто накладываютъ на себя еще обѣтъ *понедѣль-*

ничать, т. е. поститься по понедѣльникамъ: я знаю одну старуху, которая наложила на себя подобный постъ съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла, и исполняетъ его 35 лѣтъ.

Мордва бывшей Казанской губерніи, въ составъ которой входила и сѣверная часть нынѣшней Саратовской, были язычники и крещены силою въ 1743 и послѣдующихъ годахъ. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что въ 1743—45 годахъ повсемѣстно истреблялись мордовскіе капища и *моляны*; мордву заставляли креститься насильно, при этомъ били, заковывали въ кандалы, или связанными окунали въ *купель* и надѣвали кресты *); тоже было и въ Оркинѣ, гдѣ, по преданію, тамошнюю мордву крестилъ священникъ Андрей Антиповъ, около средины прошлаго столѣтія. Крестились они неохотно: когда явилось въ Оркино начальство и попъ съ причтомъ, то мордва пряталась, ихъ разыскивали и потомъ крестили въ пруду, въ который гнали палками. Разсказываютъ, что одинъ мордвинъ, подгоняемый такимъ образомъ, бросился на попа и потащилъ его съ собою въ воду. — Моляны, какъ мѣста общественнаго языческаго богослуженія, были запрещены, капища (избы въ лѣсу на молянахъ) не разъ разрушали; ходившихъ тайно глухими лѣсными тропами на моляны кланяться своимъ прежнимъ богамъ, ловили и строго наказывали. Мало-по-малу мордва бросила свою старую вѣру и стала переносить прежніе обычаи на праздники и обряды православной церкви **); такимъ образомъ являются у

*) Мордву и татаръ заставляли креститься и раньше. Такъ въ журналѣ Тамбовской Архивной Комиссіи 19 августа 1885 г. есть описаніе смерти архіепископа рязанскаго и муромскаго Мисаила, пріѣхавшаго въ 164 г. (1656 г.) крестить мордву Шацкаго уѣзда въ дер. Амбиревой: мордва, вооруженная луками и копьями, на лыжахъ (это было по снѣгу), напала на него и онъ былъ убитъ стрѣлою.

**) Много своеобразнаго и языческаго крѣпко держится еще до сихъ поръ въ религіозныхъ представленіяхъ этихъ инородцевъ; такъ князь Ѳ. С. Голицынъ, въ своемъ очеркѣ Хвалынской Мордвы («Сарат. Сборникъ», т. 1), говоритъ, что по понятію уже крещеной мордвы путь въ загробный міръ пролегаетъ по *хрустальному своду*, столь скользкому, что безъ помощи ногтей нельзя по немъ взбираться; этимъ повѣрьемъ объясняется обычай отращивать ногти, еще недавно существовавшій у мордвы. Впрочемъ тоже представленіе мы встрѣчаемъ и у русскихъ: новгородцы вѣрятъ, покойнику не нужно стричь ногтей, чтобы было чѣмъ цѣпляться, взлѣзая по *хрустальной горѣ* на небо. У насъ въ Саратовскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ недавно еще всякій крестьянинъ при жизни, когда стригъ ногти, завязывалъ ихъ въ тряпочку;

христіанской уже мордвы моляны на Петровъ день, Троицу, Успеніе и Покровъ *). А. Л. Леонтьевъ (учитель Оркинской школы) передалъ мнѣ описаніе двухъ моленъ христіанской мордвы села Оркина: *Пурёсксъ* и *Саразъ-алъ-осксъ*. *Пуря* значитъ медовый квасъ; отъ него произошло названіе моляна, на которомъ пили брагу и въ особенности медовый квасъ. *Пурёсксъ* посѣщался священникомъ, который съ иконами и хоругвями, продолжая молебное шествіе, доходилъ и до того мѣста, гдѣ приготовлялся *Пурёсксъ*: здѣсь на открытой лужайкѣ стояли столы и скамьи, а на нихъ ведра и кадки съ брагой, виномъ, а больше всего съ медовымъ квасомъ; тутъ же грудами лежали пироги (*пряка́*), мясо и другія закуски. Священникъ служилъ тутъ надъ ручьемъ или родникомъ молебенъ, садился потомъ за столъ, а за нимъ и мордва; священникъ скоро уходилъ, но народъ долго пировалъ послѣ него: пѣли, плясали, вечеромъ раскладывали костры, черезъ которые прыгали молодые парни и дѣвки. Молянъ *Саразъ-алъ-осксъ* (*саразъ*, сокращенное отъ *саразысь*—курица, *алъ*—яйцо), на которомъ ѣли тутъ же рѣзаныхъ куръ и яйца. Моляны эти были еще не такъ давно у христіанской мордвы. О языческихъ молянахъ мордвы интересныя свѣдѣнія заключаетъ между прочимъ донесеніе преосв. Іакову отъ природнаго мордвина Тимоѳея Леонтьева, «изъ ясашныхъ кантониста», въ 1840 году,—о Хвалынскомъ уѣздѣ. Выше всѣхъ божествъ у языческой мордвы почитался *Верс-пазъ*, *Покшъ-пазъ*, т. е. вышній, большой богъ; кромѣ другихъ боговъ она поклонялась Керемяти (злому началу). Тимоѳей Леонтьевъ, въ сказанномъ донесеніи, сообщаетъ слѣдующее о такомъ молянѣ: Въ октябрѣ на праздникъ Покрова, или за нѣсколько дней до него, мордва исполняетъ молянъ, называемый *Салтанъ-Керемять*, не далеко отъ деревни, около оврага, гдѣ растетъ завѣтный священный дубъ *Ини-чинь-тума* (святаго дня дубъ), къ которому они соби-

---

когда человѣкъ умиралъ, узелокъ этотъ клали съ нимъ въ гробъ, чтобы покойникъ могъ на томъ свѣтѣ влѣзть на *стеклянную гору*; теперь дѣлаютъ это еще старики, но у молодежи собираніе ногтей выводится.

*) Изъ указа св. синода 1828 г. по Пензенско-Саратовской епархіи видно, что въ обѣихъ губерніяхъ у всѣхъ новокрещенныхъ мордвовъ еще не истребились суевѣрныя поклоненія и празднества, чему причиной необращеніе вниманія и корыстолюбіе духовенства.

раются; каждая семья привозитъ съ собою какой-нибудь напитокъ: брагу, пуря (медовый квасъ), водку и въ большомъ количествѣ съѣстные припасы: вареную баранину, куръ, гуся, сдобные пироги и проч. По косогору оврага, вокругъ дуба, разстилаются полотняные полога, на нихъ раскладывается все, что предназначено выпить и съѣсть въ честь *Салтань-Керемята*; каждая семья занимаетъ отдѣльное мѣсто около кушаній и напитковъ. Избранные руководителями моляна старики надѣваютъ чистыя холщевыя рубахи и одинъ за другимъ обходятъ три раза кушанья каждой семьи, поочередно дотрогиваясь до каждаго кушанья и приговаривая: «Бѣлы ноги, Керемятъ! По лѣсу ходя, Керемятъ! По полю ходя, Керемятъ! Мы тебя почитаемъ и ты насъ сберегай». — Обойдя все, старики становятся на колѣни и кланяются до земли дубу, что̀ дѣлаетъ и остальной народъ. Затѣмъ старики берутъ каждый по хлѣбу, отрѣзываютъ отъ него горбушку, кладутъ на послѣднюю по кусочку отъ разныхъ кушаній, отвѣдавши каждаго куска на своей горбушкѣ, передаютъ для того же другъ другу; несъѣденные остатки зарываютъ въ землю. Все это дѣлается и остальной мордвой. Куски кушаній кладутся также на дубъ, а если онъ дуплистъ, то и въ дупло; въ него же бросаютъ гроши съ цѣлію умилостивить великаго и грознаго Салтана-Керемять; приношеніе даровъ сопровождается поклонами дубу и молитвами. Молянъ заканчивается пиршествомъ, на которомъ истребляются привезенныя кушанья и напитки, остатки которыхъ выливаются и складываются въ ямки, выкопанныя около дуба, въ даръ Керемяти. Рубахи, въ которыя были одѣты старики-руководители моляна, передаютъ другимъ, желающимъ быть руководителями на другой годъ. Священному дубу приписывается чудодѣйственная сила, почему многія мордовки приносятъ съ собою куски холста, прикладываютъ ихъ къ дубу и уносятъ домой; случится съ кѣмъ болѣзнь — на больного накладываютъ этотъ кусокъ холста, въ надеждѣ, что онъ дастъ изцѣленіе. Такіе куски холста хранятся въ семьѣ по нѣсколько лѣтъ и затѣмъ отдаются на рубахи старикамъ-руководителямъ моляна *).

*) Поклоненіе священнымъ деревамъ, какъ извѣстно, существовало въ древности у кельтовъ, литовцевъ и многихъ другихъ старыхъ народовъ Европы и въ видѣ остатка старины сохранялось еще до очень недавняго времени.

Русская простонародная свадьба хорошо извѣстна; я приведу образчики свадебнаго обряда, взятые съ натуры у четырехъ главныхъ этнографическихъ группъ края: русскихъ, малороссіянъ, нѣмцевъ и мордвы.

Большую часть свадебъ русскіе крестьяне *играютъ* осенью, когда уберутся съ полевыми работами, а также между Крещеньемъ и масляницей. Въ 1860-хъ годахъ родители не спрашивали желанія сына и дочери, лишь бы невѣста пришлась имъ по *ндраву*: старики лично и черезъ сваху усватаютъ невѣсту, условятся о *кладкѣ*, выговариваюшейся съ жениха—отъ 5 до 30 рублей деньгами, пудъ или болѣе мяса, отъ $^1/_2$ ведра и больше водки, ржаной муки, солоду, сальныхъ свѣчей, полушубокъ и коты (башмаки) невѣстѣ (с. Колѣно въ 1860 годахъ); при этомъ уговариваются и о приданомъ невѣсты. Позднѣе, въ 1880 году, мы встрѣчаемъ въ Саратовскомъ уѣздѣ (с. Полчаниновка) кладку отъ 15 до 40 рублей. — Во время сватовства назначаютъ дни *смотрины*, *осмотра уголковъ*, *запоя* и *свадьбы*. Смотрины — родъ знакомства, ежели сватья мало знакомы, и попойки, когда знаютъ другъ друга: собирается близкая родня жениха и всѣ ѣдутъ «смотрѣть невѣсту», причемъ бываетъ сильная выпивка. «Осмотръ уголковъ» — тѣже смотрины, только съ невѣстиной стороны; въ это время осматриваютъ хозяйство жениха. «Запой» (помолвка) — окончательное сватовство: женихъ беретъ съ собой водки, собираетъ родныхъ и ѣдутъ «запивать» невѣсту; когда за столомъ подносятъ отцу невѣсты первый стаканъ водки, то невѣста начинаетъ «вопить» («вопь» состоитъ изъ причитаній на распѣвъ, протяжнымъ голосомъ): «Не примай ты, батюшка, винну чарочку; винна чарочка обманчива, да проманчива. Заключили мою головушку да молодёхоньку, зелепёхоньку!» Тоже самое «вопитъ» она матери и крёстнымъ (крёстные отецъ и мать очень почитаются въ народѣ). Ежели невѣста—сирота и ее выдаетъ тетка, то она вопитъ: «что это у тебя тетушка за пиръ—за гости, всѣ мои сроднички собрались, солетѣлися, однихъ нѣтъ—моего батюшки и родной матушки!» Ежели отдаетъ братъ, то: «Любезный мой братецъ! куда ты меня собираешь, куда ты меня снаряжаешь? во путь, во дороженьку, къ матушкѣ къ божьей церкви!» —Подругамъ и всѣмъ вообще женщинамъ невѣста вопитъ: «ты подп-ка, моя подруженька, ко моему горю великому; не про-

гнѣвайся, моя подруженька, что я тебя не встрѣтила среди двора широкаго, у крыльца высокаго; не за спѣсью не за гордостью, а за моимъ горемъ великимъ: заключили мою головушку молодёхоньку, еленёхоньку, не дали мнѣ и на ноги подняться, съ умомъ-разумомъ собраться!»

За двѣ или за три недѣли до свадьбы женихъ катаетъ по праздникамъ дѣвицъ и невѣсту, которыя (невѣста стоя) съ пѣснями и трещетками ѣздятъ по селу. Въ Аткарскомъ уѣздѣ невѣста гуляетъ цѣлую недѣлю до свадьбы съ подругами, наряжаясь въ лучшія платья и украсивъ голову лентами, а у малороссіянъ вѣнками, часто изъ искусственныхъ цвѣтовъ; при этомъ дѣвки поютъ пѣсни. Дня за три до свадьбы начинаютъ готовиться: пекутъ пироги, хлѣбы, варятъ брагу и запасаются водкой. Наканунѣ свадьбы вечеромъ собирается у невѣсты дѣвичникъ, причемъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Аткарскаго уѣзда подруги невѣсты нерѣдко ловятъ курицу и наряжаютъ ее въ нарочно сшитое для нея женское платье; курица эта называется *обрядною* и означаетъ будущую домовитость и плодовитость молодой. Въ Саратовскомъ уѣздѣ (с. Полчаниновка, въ 1880 году) на дѣвичникѣ, когда придетъ женихъ съ своей родней, то дѣвки садятся за столъ и *зажигаютъ рѣпей*, приготовленный изъ натуральнаго репейника, увѣшеннаго разноцвѣтными бумажками и ленточками, причемъ поютъ пѣсни (пѣсни при свадебныхъ обрядахъ помѣщены мною въ «Саратовскомъ сборникѣ», 1881—1882). Въ это время женихъ со всѣми родственниками стоитъ около стола до тѣхъ поръ, пока дружко не выкупитъ ему у дѣвокъ мѣсто, положивъ на всѣ четыре угла сколько-нибудь мѣдныхъ денегъ; тогда дѣвушки, собравъ ихъ, разорвавъ *рѣпей* и разбросавъ его по полу, выходятъ, сажаютъ жениха на столъ, на которомъ онъ и сидитъ до тѣхъ поръ, пока невѣста не выйдетъ къ нему и поцѣлуетъ три раза, возьметъ за руку и отведетъ съ нѣсколькими товарищами въ чуланъ, гдѣ угощаетъ ихъ всѣхъ виномъ. На дѣвичникѣ дѣвки поютъ пѣсни каждому изъ присутствующихъ, за что получаютъ по нѣскольку копеекъ. Въ с. Полчаниновкѣ на дѣвичникѣ мать невѣсты раздаетъ дары женихової роднѣ, которые каждый отдариваетъ тутъ же деньгами. Въ с. Колѣнѣ (1860 года) на дѣвичникѣ сажаютъ невѣсту въ передній уголъ, накрываютъ голову большимъ, непремѣнно ярко-краснымъ, платкомъ и дожидаются же-

ниха, котораго по пріѣздѣ сажаютъ рядомъ съ ней; затѣмъ слѣдуетъ угощеніе.

Въ день свадьбы невѣсту готовятъ къ вѣнцу; въ это время она «вопитъ»: «Спалась ли вамъ, мои подруженьки, темна ноченька; а мнѣ горькой, несчастной, вся ноченька не спалась, вся въ думушкѣ прошла!» При благословеніи родителей она опять обязательно причитаетъ; затѣмъ садится къ столу, въ передній уголъ, подлѣ невѣсты садится за столъ меньшой ея братъ или племянникъ со скалкой въ рукѣ, или съ ножницами. Въ это время подъѣзжаетъ женихъ съ своими поѣзжанами и свахой: тройки и пары скачутъ во весь духъ, убранныя яркими лентами и платками; впереди всѣхъ ѣдетъ дружка: когда подъѣдутъ къ запертымъ воротамъ невѣстина двора (Колѣнская волость, въ 1860-хъ годахъ), ихъ не впускаютъ: дружка торгуется, и за полштофъ водки ворота отпираютъ и поѣздъ въѣзжаетъ. Жениха встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью (Саратовскій уѣздъ); дружка въ это время, съ плетью въ рукѣ, подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ невѣста, бьетъ плетью по столу и требуетъ, чтобы сидящій около невѣсты мальчикъ удалился, но тотъ не уступаетъ и объявляетъ, что у его сестрицы «по рублю косица, по полтинѣ волосокъ»; начинается торгъ, стаканъ водки, 10 или 20 копеекъ рѣшаютъ дѣло, мальчикъ уходитъ и женихъ садится на его мѣсто. Этотъ обычай называется *продажей невѣстиной косы*. Теперь не случалось мнѣ видѣть продажу собственно косы, но прежде, въ 1850-хъ годахъ, мальчикъ сидѣлъ съ ножницами и когда дружка не соглашался съ цѣною, назначенной мальчуганомъ, то послѣдній показывалъ видъ, что хочетъ отрѣзать косу у невѣсты. Невѣста во время этой продажи вопитъ: «Свѣтъ ты моя коса русая, недоплетенная, косникъ*) шелковъ недоношенный; воля батюшкина, нѣга матушкина» (Колѣнская волость). Жениха и невѣсту благословляютъ, причемъ невѣста вопитъ: «Благослови меня батюшка, родная матушка; не прошу у васъ ни злата, ни серебра, а прошу родительскаго благословенія». Ежели у невѣсты нѣтъ ни отца, ни матери, то она передъ благословеніемъ вопитъ: «Зазвоните вы, звонки колоколы, разбудите вы мою родную матушку (или батюшку), не возстанетъ ли родная матушка (или

*) Шнурокъ или лента, которыми дѣвки заплетаютъ косу.

батюшка) меня горькую благословити въ чужіе люди!» Потомъ молятся Богу и выходятъ: дружка съ иконой и молитвой три раза обходитъ поѣздъ.

Послѣ вѣнца молодую понязываютъ тотчасъ же по-бабьи и поѣздъ отправляется къ жениху, гдѣ уже накрытъ столъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Саратовскаго уѣзда крестьяне болѣе зажиточные просятъ священника довести молодыхъ изъ церкви въ вѣнцахъ, что̀ тотъ и исполняетъ. Послѣ выпивки и закуски молодыхъ кладутъ спать (отводятъ «на спокой»); черезъ часъ или больше дружка съ свахой идутъ будить ихъ; послѣдняя, удостовѣрясь чрезъ осмотръ бѣлья въ честномъ поведеніи молодой, сообщаетъ о томъ всѣмъ гостямъ: веселье и попойка усиливаются, причемъ бьютъ нѣсколько горшковъ; если же прошлое съ грѣшкомъ, то (Полчаниновская волость.) гости срамятъ отца и мать невѣсты *бранными словами, а въ былое время надѣвали* на нихъ хомуты и били ихъ. Въ Аткарскомъ уѣздѣ (Колѣиская волость) дружка въ послѣднемъ случаѣ, приготовляетъ *худой стаканъ*. Послѣ осмотра, молодые идутъ къ невѣстинымъ отцу, матери и роднымъ *) звать за горный столъ; когда соберутся горные, то молодой кланяется въ ноги своей тещѣ, если его *молодая* была честнаго поведенія, въ противномъ же случаѣ, дружка наливаетъ въ приготовленный *худой стаканъ* (*дырявую чарку*) водки и подноситъ невѣстиной матери, та, взявши стаканъ, обливается виномъ и должна вынесть весь позоръ своей дочери **).

Во многихъ мѣстностяхъ Саратовскаго и Аткарскаго уѣздовъ, послѣ вѣнца, когда молодые садятся за столъ, подаютъ молодой

---

*) Ежели невѣста взята изъ другой деревни, то они приглашаются дружкой.

**) Тоже самое разсказываетъ, въ 1743 году, Г. Ф. Миллеръ объ инородцахъ Казанскаго края: «ни Черемисы, ни Вотяки не обращаютъ вниманія на сохранность дѣвства, но Чуваши слѣдятъ за этимъ: дружка и обѣ свахи у дверей, гдѣ спятъ новобрачные, ожидаютъ пока имъ можно войти, причемъ безпрестанно поютъ и пьютъ; ежели невѣста сохранна, то веселятся и пьютъ очень много, если же нѣтъ, то дружка, взявъ чарку, проверчиваетъ въ ней дыру и, зажавши послѣднюю пальцемъ, подноситъ въ ней гостямъ питье, которое и проливается на полъ; при этомъ невѣстѣ становится такъ стыдно, что она гостямъ глазъ не кажетъ, но мужъ сноситъ это равнодушно и не упрекаетъ въ томъ свою невѣсту».

младенца, которому она надѣваетъ шапочку и подпоясываетъ его пояскомъ, причемъ доржитъ его нѣсколько времени на рукахъ, чѣмъ предвѣщается ей будущая плодовитость. Во многихъ селеніяхъ Саратовской губерніи, ежели молодая окажется дѣвственницей, то сваха и дружка везутъ ея сорочку къ матери и отцу ея и благодарятъ ихъ ва сохранность дѣвушки.

Высшимъ оскорбленіемъ признается въ русскомъ народѣ, когда кто вымажетъ другому ворота дегтемъ; дѣлается это ночью, по злобѣ, и означаетъ распутство жены или дочери хозяина, а также нрв снохачествѣ.

По окончаніи горнаго стола, молодые дарятъ всѣхъ родныхъ полотенцами и платками, причемъ дружка обращается къ гостю съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Проситъ нашъ князь новобрачный со своею княгиней: медомъ стаканомъ, сыромъ, караваемъ; медку выкушайте, а сыркомъ закусите, блюдечко позолотите не рублемъ, не полтиной—золотою гривной; а по мочи по силѣ—положите рублика четыре, а увидите честь—положите рубликовъ шесть, не то ярочку, а не ярочку — старочку, а не то нѣтъ ли телочки. Наше дѣло на нови, намъ много надобно: ѣхать въ Ростовъ — купить холстовъ, ѣхать въ Липевъ — купить попевъ; козла купить — воду возить, молодымъ баню товить; на шильце, на мыльце, на бѣлое бѣлильце». Эти прибаутки измѣняются смотря по краснорѣчію дружки.

Попировавши у молодыхъ, всѣ идутъ «перегуливаться по горнымъ», причемъ во всякомъ дворѣ ѣдятъ и поютъ.—Въ крѣпостное время и даже въ первые годы освобожденія крестьянъ (Колѣпская волость, въ началѣ 1860-хъ годовъ) молодые ходили «на поклонъ» къ своимъ господамъ, принося въ даръ полотенце, курицу, кренделей и брагу; господа всегда сами выходили къ новобрачнымъ, подносили имъ вино, прихлебывая первоначально сами изъ стакана, говорили, какъ принято при этомъ: «горько», «мутно», или «кисло»; при каждомъ такомъ замѣчаніи молодые должны были «подсластить вино», цѣлуясь между собою. Баринъ и барыня отдаривали молодыхъ, кладя нѣсколько рублей на *блюдце*.

Въ простонародьѣ женятъ сыновей рано, едва они достигнутъ 18, 19 лѣтъ; дѣлается это съ той цѣлью, чтобы въ семьѣ была поскорѣе лишняя работница; возрастъ невѣсты одинаковъ съ жени-

ховымъ, иногда она старше его. Порокъ снохачества встрѣчался нерѣдко, существовалъ и въ старину. Въ настоящее время, хотя и нѣтъ такихъ раннихъ браковъ, какіе бывали прежде и вели къ этому пороку (взрослыхъ дѣвушекъ выдавали замужъ за мальчиковъ), но снохачество еще не совсѣмъ вывелось, встрѣчается однако гораздо рѣже *). Типъ снохача осмѣянъ во множествѣ поговорокъ, загадокъ и пѣсень **). Подобное преступленіе рѣдко доходитъ до суда и указывается только народной молвой. Священникъ Саратовскаго уѣзда П. Е. Г—въ (священствующій 25 лѣтъ) говорилъ мнѣ, въ 1885 году, что теперь снохачество совершенно почти исчезаетъ, такъ какъ въ народѣ измѣнился, за послѣднее время, строй семьи и сыновья не допустятъ отца до подобнаго грѣха ***).

Малороссы не такъ цѣнятъ цѣломудріе дѣвушки, какъ русскіе; не только незазорно, но изстари ведется обычаемъ «жениханіе» дѣвушекъ съ наробками; у русскихъ этого не водится. Въ отношеніи сватовства и браковъ существуетъ большая разница между русскими и малороссіянами (с. Широкій Устунъ, Аткарскаго уѣзда, 1859 года). Русскіе обыкновенно стараются женить сыновей, какъ только выходятъ имъ лѣта, ссылаясь на необходимость имѣть работницу въ семьѣ; малороссіяне же не торопятся свадьбами и сватаютъ въ совершенно зрѣломъ возрастѣ жениха и невѣсты. Въ обрядахъ малороссы придерживаются своихъ своеобразныхъ обычаевъ, напр. по вѣнчаньѣ, начинается послѣ обѣда гулянье по селу, причемъ молодой со своими «боярами» (товарищами) ѣдутъ верхами; лошадь жениху непремѣнно должна вывести на улицу его

---

*) По теперешнему закону гражданское совершеннолѣтіе для вступленія въ бракъ опредѣлено: жениху—18, невѣстѣ 16 лѣтъ.

**) Ср. показанія С. В. Максимова, въ «Отеч. Запискахъ» 1869, № 5, и «Судъ присяжныхъ въ Россіи», Н. П. Тимоѳеева, 1882.

***) Въ Трудахъ Саратов. Архивной Коммиссіи (Т. II, вып. 2-й, 1888 г.) помѣщенъ указъ Казанской духовной консисторіи 1775 г., которымъ сообщается, что св. синодъ, усмотрѣвъ изъ вѣденія пр. сената отъ 1765 и 1766 г. объ оказавшемся «въ Бѣлградской и Воронежской епархіяхъ, между одноворцами непотребномъ обычаѣ за малолѣтнихъ дѣтей своихъ 8, 10 и 12 лѣтъ брать дѣвокъ по 20 и болѣе лѣтъ, съ которыми свекры ихъ впадаютъ въ кровосмѣшеніе, за что нѣсколько таковыхъ на украинской линіи и къ смерти приговорено,—учинилъ подтвержденіе наикрѣпчайшее духовнымъ начальникамъ», чтобы незаконно брачившіеся «отъ супружества были разлучены, а вѣнчавшіе ихъ браки священники были запрещены священнослуженіемъ».

мать; женихъ прежде всего отправляется съ старшими боярами къ церкви, объѣзжаетъ ее три раза и потомъ, сойдя съ лошади, идетъ на паперть къ церковнымъ дверямъ и цѣлуетъ три раза замокъ, какъ бы благодаря его, что онъ отперъ ему новую жизнь. Невѣста же съ своими подружками до поздняго вечера гуляетъ пѣшкомъ по улицамъ съ пѣснями,— этимъ она прощается съ вольной жизнью; тутъ выпадаетъ трудная доля брату невѣсты, или если его нѣтъ, то старшему дружкѣ, котораго посылаетъ молодой и вся компанія изъ дому невѣсты искать ее или, какъ говорятъ малороссы, *загонять*, чтобы *покрыть* ей голову женскимъ очипкомъ; но невѣстѣ какъ бы не хочется разставаться съ своимъ дѣвичествомъ и она прячется въ какой-нибудь чужой избѣ; нерасторопному сыщику приходится долго бѣгать по слободѣ съ розыскомъ. Затѣмъ, когда уже за столомъ въ ея домѣ начинаютъ на нее надѣвать свахи женскій очипокъ, она въ слезахъ и съ отчаяніемъ бьется головой о каравай хлѣба, поставленный передъ нею, и непремѣнно раза три или четыре сброситъ съ своей головы къ порогу «немилый очипокъ» и, послѣ долгихъ увѣщаній родителей и всѣхъ гостей, соглашается сдѣлаться женщиной. Послѣ того, когда она должна уже выѣхать, со всѣми участвующими въ торжествѣ, въ домъ жениха, то молодой садится на коня и объѣзжаетъ три раза весь поѣздъ, готовый тронуться съ мѣста, причемъ бьетъ лошадей нагайкой и затѣмъ, какъ бы мстя молодой женѣ за ея упорство, наноситъ ей слегка, нагайкой, три удара.

Въ с. Сокурѣ, Саратовскаго уѣзда (1885 г.), отецъ каждаго паробка, достигшаго совершеннолѣтія, спрашиваетъ сына, не пора ли ему жениться, такъ какъ въ его годы шляться паробкомъ «погано»; можетъ быть, нашелъ уже подругу, ходя по вечерницамъ, если же хочетъ вѣнчаться тайкомъ, то онъ его проклянетъ. Въ прежнее время бывали нерѣдко случаи, что родители по разнымъ причинамъ не дозволяли слюбившимся вступать въ бракъ, почему они и вѣнчались тайкомъ, сговорившись предварительно съ священникомъ; причемъ обрядъ вѣнчанія совершался поздно вечеромъ, при запертыхъ дверяхъ церкви; послѣ вѣнца, при такомъ *самокрутѣ*, новобрачные скрывались и жили у знакомыхъ, подсылая къ родителямъ близкихъ пріятелей, боясь сами показаться имъ на глаза изъ страха побоевъ и брани, что и выпа-

дало на ихъ долю; только получивъ приглашеніе, шли они съ повинной.

Сынъ указываетъ отцу на ту дѣвчину, съ которой спознался на вечерницахъ, и тотъ проситъ близкихъ родныхъ посватать въ указанномъ сыномъ домѣ; сваты берутъ хлѣбъ и, при входѣ въ домъ, отдаютъ его матери невѣсты, что̀ означаетъ, что пришли сватать. Мать невѣсты, не принимая хлѣба, проситъ ихъ садиться, указывая на передній (подъ образами) уголъ хаты, и спрашиваетъ, отъ кого пришли; тѣ заводятъ разговоръ о сватовствѣ съ хозяиномъ дома; мать въ это время спрашиваетъ дочь, которая даетъ утвердительный отвѣтъ, такъ какъ еще раньше согласилась съ парнемъ. Мать передаетъ согласіе дочери сватамъ, беретъ отъ нихъ хлѣбъ и ставитъ его на палицу; сваты вынимаютъ принесенный ими штофъ горѣлки и ставятъ на столъ; посылаютъ за женихомъ, его отцомъ и матерью, которыхъ сажаютъ на почетномъ мѣстѣ и ведутъ рѣчь о *кладкѣ*, доходившей до 5 рублей; не было случая, чтобы изъ-за кладки расходилось сватовство. Затѣмъ уговариваются о дняхъ «запоя» и вѣнчанія. Запой происходитъ обыкновенно на другой же день, причемъ собираются всѣ знакомые и родственники обѣихъ сторонъ, и обходится до 50 рублей. День вѣнчанія назначается не далѣе какъ черезъ недѣлю или двѣ. Въ это время невѣста запасаетъ себѣ приданое: 5 и болѣе паръ юбокъ, дюжину рубахъ, пару новыхъ черевикъ и чоботъ, два кожуха и двѣ свиты; все это время женихъ ходитъ ночевать къ невѣстѣ.

Въ день вѣнчанія женихъ идетъ къ невѣстѣ, гдѣ родители ея благословляютъ обоихъ; затѣмъ ведетъ ее въ свой домъ, гдѣ благословляютъ ихъ его родители. Послѣ чего женихъ, сопровождаемый своими товарищами (боярами), невѣста съ подругами, идутъ отдѣльно въ церковь для бракосочетанія, откуда тѣмъ же порядкомъ идутъ въ домъ свекра, который встрѣчаетъ молодыхъ въ дверяхъ съ хлѣбомъ и солью, посыпаетъ имъ головы хмѣлемъ и деньгами, чтобы жилось богато. Затѣмъ вводятъ ихъ въ домъ и сажаютъ за столъ, угощая обѣдомъ, послѣ котораго свекоръ на своихъ лошадяхъ отправляетъ сноху, въ сопровожденіи дѣвицъ, въ домъ ея родителей; молодой же остается дома и угощаетъ своихъ товарищей. Въ это время свахи жениха прикалываютъ къ картузамъ товарищей искуственные цвѣты и поютъ: «Всимъ боярамъ по

квітці, а молодому (такому-то) квітки нема: е у него квітка — молодая жинка (такая-то)». Послѣ угощенія, молодой вмѣстѣ съ боярами садятся верхами на лошадей и катаются.

Невѣста въ свою очередь катается съ подругами въ саняхъ или телѣгѣ парой. Катанье съ пѣснями длится до вечера; тогда молодая ѣдетъ къ своимъ родителямъ, гдѣ садится за столъ, а подруги опять поютъ ей пѣсни. Молодой продолжаетъ кататься съ своими товарищами по той улицѣ, гдѣ живетъ его тесть; дружка нѣсколько разъ предлагаетъ ему въѣхать во дворъ и идти къ молодой для совершенія обряда «покрыванія», но молодой на это не соглашается; тогда дружка приглашаетъ двухъ товарищей (полдружье), ловятъ молодого, для чего протягиваютъ посреди улицы веревку и ею схватываютъ его лошадь, берутъ ее подъ уздцы и ведутъ во дворъ тестя, ставятъ у крыльца. Тесть и теща выходятъ на крыльцо и подносятъ молодому стаканъ браги; тотъ, взявъ ее, не пьетъ, а передаетъ черезъ правое плечо старшему дружкѣ, который давитъ его объ луку сѣдла, со словами: «самъ не пью, въ гриву коню лью», брага разливается по гривѣ лошади. Молодой соскакиваетъ съ коня, идетъ въ домъ и садится за столъ рядомъ съ женою. Старшій дружка отводитъ лошадей подъ навѣсъ, привязываетъ и остается караулить ихъ. Какъ молодые сядутъ рядомъ, свашки берутъ въ руки сернанокъ (бѣлое полотно), становятся на лавку по обѣ стороны молодыхъ и начинаютъ махать надъ головами новобрачныхъ, причемъ поютъ: «покрывалочка плаче, покрываться хоче, не такъ покрываться, якъ поціловаться». Повторяется это три раза и послѣ каждаго молодые цѣлуются; затѣмъ на молодую надѣваютъ очипокъ (родъ кокошника) и поютъ: «Білая лебедычко, ктожъ тобі покрывъ; покрыли мене молодыці, дві сестрыці». Послѣ того родители новобрачныхъ благословляютъ своихъ дѣтей, причемъ родители молодой даютъ ей нравоученіе. «Гляди, дочка, бережи своего мужа, якъ свое десное око; хату мети, а соръ на улицу не носи», чѣмъ даютъ ей понять, чтобы домашніе дрязги не передавала постороннимъ. Родители молодого говорятъ ему: «А ты, сынку, купивъ молодую матку, води подъ усокъ, а долго поводья не пускай», т. е. не давай воли женѣ. Послѣ того выводятъ на дворъ, гдѣ дружка даетъ молодымъ въ руки полотенце, берется за него самъ и три раза обводитъ вокругъ

кадушки, нарочно для этого приготовленной. Затѣмъ молодую вмѣстѣ съ приданымъ везутъ въ домъ свекра, въ сопровожденіи свашекъ, а молодой ѣдетъ къ церкви, гдѣ, слѣзши съ лошади, цѣлуетъ икону и возвращается къ себѣ въ домъ. Въ воротахъ, чтобы отогнать вѣдьмъ и всякую злую силу, разжигается костеръ, черезъ который проѣзжаетъ молодой, а за нимъ и его жена; затѣмъ оба вмѣстѣ вводятся въ домъ, гдѣ садятся ужинать, послѣ чего отправляются спать въ отведенное имъ помѣщеніе. На другой день они ходятъ по роднымъ и знакомымъ, которые дарятъ имъ овецъ, птицъ и хлѣба. Гуляпье длится около недѣли. Бываютъ случаи, что молодая послѣ вѣнчанія остается у своихъ родителей около недѣли, пока не придетъ за ней мужъ.

У хохловъ не было прежде осмотра бѣлья, но теперь вводится: дружка и свашки будятъ молодыхъ (подымаютъ ихъ) и рубашку невѣсты дружка несетъ въ полѣ къ свекру и свекрови, потомъ несутъ ее къ матери молодой. Горшки бьютъ на малороссійской свадьбѣ, все равно, чѣмъ бы ни кончался осмотръ. Подача вина въ дырявой чаркѣ, описанная выше, теперь существуетъ и у хохловъ (с. Сокуръ 1886 г.).

Въ старину малороссіянки с. Сокуръ носили плахты, а головной уборъ у замужней былъ очипокъ (родъ кокошника, сдѣланнаго изъ парчи), который обвязывается преимущественно чернымъ платкомъ; такіе очипки теперь уже рѣдкость (подобный экземпляръ я подарилъ въ Саратов. Радищевскій музей); а плахтъ совсѣмъ не носятъ, замѣнивъ ихъ юбками. Пояса носили красные, которые хохлуши сами окрашивали находимымъ около Сокура, краснымъ, круглымъ и мелкимъ какъ дробь корнемъ растенія *чернцъ*, которое не встрѣчается теперь болѣе, по словамъ старухъ, въ окрестностяхъ Сокура.

Мордва далеко не принадлежитъ къ числу племенъ вымирающихъ, она только замѣтно русѣетъ: не далѣе какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, мордва, хотя и крещеные, справляли еще многіе языческіе обряды и почти не говорили по-русски; теперь они большею частью отличаются усердіемъ къ церкви, порядочно выражаются по-русски, кромѣ женщинъ, и допускаютъ (въ Хвалынскомъ уѣздѣ) смѣшанные браки. Мордовскія дѣвушки до замужества пользуются полною свободою; по сообщенію кн. Ѳ. С. Голи-

цына («Саратов. Сборникъ», I, стр 183), на святкахъ собираются по вечерамъ въ особую избу дѣвки и парни на игрища, причемъ поютъ и пляшутъ; а въ концѣ вечера «тушатся огни и веселье кончается въ потьмахъ» (Хвалынскій уѣздъ). На этихъ игрищахъ сводятся знакомства, часто оканчивающіяся свадьбой. Мордва женится рано: какъ только парню исполнится 18 лѣтъ, ему отыскиваютъ невѣсту; нерѣдки случаи, что они просятъ разрѣшенія женить и 17-лѣтнихъ ребятъ. Невѣсты большею частью старше женихонъ; мордовки рѣдко выходятъ замужъ ранѣе 22 — 24 лѣтъ, почему случается видѣть «молодого», чисто еще мальчишку, передъ пожилой бабой — женой. Въ старину за мальчика лѣтъ 10—12 *) сватали дѣвку лѣтъ 20 — 25, и случалось даже не такъ давно, видѣть пожилую бабу, нянчавшуюся съ ребенкомъ мужемъ.

Въ настоящее время, на мордовскомъ сватовствѣ переговоры ведутся черезъ родственника-свата, который, по приходѣ въ домъ невѣсты, садится въ передній уголъ; невѣста, замѣтивъ, зачѣмъ пришелъ гость, тотчасъ убѣгаетъ въ сѣни или прячется гдѣ-нибудь въ избѣ; ежели она и родственники ея согласны, то дѣвушка выходитъ и наливаетъ изъ принесенной сватами бутылки водку въ стаканы и подчуетъ гостей; при этомъ договариваются о кладкѣ **) со стороны жениха, которая состоитъ изъ денегъ (отъ 5 до 60 рублей, смотря по состоянію), опредѣленнаго количества вина, хлѣба, мяса, тутъ же коты (башмаки), шуба, нѣсколько красныхъ платковъ и сундукъ; въ это время договариваются относительно даровъ со стороны невѣсты (Хвалынскій и Саратовскій уѣзды). Поладивъ дѣло, родители «бьютъ по рукамъ», зажигаютъ восковую свѣчу передъ иконами и молятся Богу; съ этого времени дѣло считается оконченнымъ. Вслѣдъ за рукобитьемъ созывается вся женихова и невѣстина родня и начинается общее угощеніе, называемое *тайтирь симинкъ* (Хвалынскій уѣздъ)—по-русски: пропой

*) Г. Ф. Миллеръ, въ описаніи инородцевъ Казанской губ. 1743 г., говоритъ, что въ то время зажиточные Черемисы и Чуваши тоже женили сыновей 5—6 лѣтъ чтобы при домашнихъ работахъ имѣть помощницу; дѣвка же моложе 20 лѣтъ никогда не выходила замужъ. То были времена язычества и допускалось многоженство.

**) Кладка у Эрзи называется—*пинтэ*, у мокши—*той*; у черемисъ — *олонъ*, чувашъ—*толокъ-окси*, у вотяковъ—*калюмъ* и у татаръ—*калымъ*.

невѣсты. Въ это время невѣста сидитъ въ чуланѣ и женихова родня обращается къ ея родителямъ: «Товаръ торговенекъ, не втенкь кодама», т. е. товаръ сторговали, а видать не видали, покажите, какой (Хвалынскій уѣздъ). Невѣсту выводятъ изъ чулана въ сопровожденіи двухъ подругъ; она кланяется на всѣ четыре стороны и раздаетъ дары женихової роднѣ, затѣмъ подаетъ своему будущему свекру стаканъ вина, падаетъ ему въ ноги и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не осушитъ стакана, послѣ чего опять уходитъ въ чуланъ и начинаетъ «вопить». Въ этотъ же день отецъ жениха приглашаетъ къ себѣ невѣстину родню, за исключеніемъ родителей; тѣ, вооруженные чѣмъ попало, по приходѣ въ домъ женихова отца, подымаютъ страшный шумъ и настойчиво требуютъ отъ него выкупа: «Мы пришли къ тебѣ печку ломать; ежели не отдѣлаешься добромъ, разнесемъ ее»! Тотъ ставитъ $^1/_4$ или $^1/_2$ ведра водки, чѣмъ кончается день «пропоя».

Въ промежутокъ между усватаніемъ и свадьбой у невѣсты идутъ «супрядки» (Саратовскій уѣздъ), на которыхъ родственницы и подруги помогаютъ ей шить приданое и наряды: понáры, шушпаны и проч.; невѣста при этомъ «вопитъ», вспоминая свое прежнее житье; женихъ все это время можетъ видѣться съ невѣстой только тайкомъ (Хвалынскій уѣздъ). Наканунѣ свадьбы подруги водятъ невѣсту въ баню, потомъ они катаются въ телѣгѣ или саняхъ, стоя, взявшись руками, и поютъ пѣсни; на перекресткахъ невѣста причитаетъ; затѣмъ ѣдутъ къ церкви и, остановившись на перекресткѣ, гдѣ идетъ дорога къ кладбищу, невѣста выходитъ изъ телѣги или саней, падаетъ на землю и громко вопитъ, прощаясь съ умершими родственниками (С. Оркино, Сарат. уѣзда. 1880 года). Въ тотъ же день вечеромъ женихова мать зоветъ къ себѣ всѣхъ своихъ родственницъ, которыя являются съ своими припасами и сообща начинаютъ готовить большой пирогъ, иногда болѣе пуда вѣсомъ, состоящій изъ семи слоевъ: тѣсто съ кашей, творогъ, блины, мясо, яйца, пшенные блины и крышка съ крестомъ изъ орѣховъ; пирогъ этотъ называется у Эрзи—*курникъ*, у Мокши—*лукша*. А. Л. Леонтьевъ (учитель Оркинской школы) говоритъ, что «лукша» готовится наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты свахами и родственницами, начиняется мясомъ, яйцами, лукомъ, и проч.; при этой стряпнѣ выгоняютъ изъ избы всѣхъ мужчинъ и

пьяныя бабы поютъ разныя сальныя пѣсни съ прибаутками, пирогъ готовится обязательно при невѣстѣ; на верху «лукши», убранномъ разными украшеніями изъ тѣста, кладутъ кусокъ свѣжаго мяса, солонины или ветчины и относятъ къ матери невѣсты. Въ день вѣнчанія невѣсту наряжаетъ молодежь—мужчины и женщины (Хвалынскій уѣздъ): двѣ бабы берутъ чулокъ и только начинаютъ надѣвать его невѣстѣ, какъ на нихъ кидаются дѣвки, отнимаютъ его и передаютъ одна другой; въ свою очередь парни вырываютъ чулокъ у дѣвокъ и передаютъ бабамъ; послѣ долгой потасовки чулокъ наконецъ надѣвается. Тоже самое повторяется съ башмаками, шумпаномъ, косникомъ; по окончаніи одѣванія, парни отправляются готовить свадебный поѣздъ. Въ это время отецъ жениха, съ дружкою и поѣзжанами, отвозятъ въ домъ невѣсты лукшу и установленное количество вина; лукшу прячутъ въ чуланъ, а виномъ угощаютъ родственниковъ невѣсты; въ это время дѣвки идутъ къ стоящимъ на дворѣ повозкамъ и вытаскиваютъ изъ нихъ кошмы, кнуты и все то, что̀ оставлено было женихової роднею: отецъ жениха долженъ все это выкупить у нихъ (Хвалынскій уѣздъ). Родители благословляютъ дочь, затѣмъ невѣста прощается съ отцомъ, матерью и родственниками, причемъ плачетъ и воетъ: прощается со столомъ, скамейками, печью, ухватами и прочей утварью; выходя на дворъ, прощается со скотиной, телѣгами, санями, сохами, столбами, подпирающими навѣсы двора, и проч. (с. Оркино, Саратов. уѣзда). Невѣстины братья и ближайшіе родственники (*урвята*) берутъ ее на руки и несутъ въ назначевную для нея повозку; невѣста, покрытая платкомъ, садится задомъ къ лошадямъ. Дружка (въ Хвалынскомъ уѣздѣ съ саблею въ рукѣ) обходитъ поѣздъ кругомъ и дѣлаетъ кресты въ огражденіе отъ нечистой силы; тоже самое повторяется, проѣзжая черезъ ворота. У церкви невѣста ждетъ прибытія жениха, сидя въ повозкѣ.

Въ с. Оркинѣ (Саратов. уѣзда), когда невѣста выѣзжаетъ въ церковь, то дружка обходитъ поѣздъ съ иконою въ рукахъ, а невѣста, лицо которой покрыто краснымъ платкомъ, ѣдетъ стоя въ кругу своихъ подругъ и непремѣнно плачетъ; вводя невѣсту въ церковь, ей расплетаютъ дѣвичью косу, вѣнчаютъ съ распущенными волосами и также ведутъ въ домъ молодого, причемъ оба идутъ въ брачныхъ вѣнцахъ въ сопровожденіи священника и причта,

при перезвонѣ колоколовъ. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ, по прибытіи въ домъ свекра, молодой даютъ ухватъ и кочергу и ведутъ къ печкѣ, къ которой она становится лицомъ, чѣмъ свекоръ приглашаетъ невѣстку принять участіе въ домашнемъ хозяйствѣ; затѣмъ молодая угощаетъ молодого яйцами, лепешками и лукшею, которыя привозятся въ сундукѣ съ добромъ невѣсты. Пока идетъ пиръ, свахи готовятъ брачное ложе — несмотря на осень или зиму, въ холодномъ строеніи (амбарѣ или чуланѣ); куда вскорѣ отводятъ молодого, а потомъ берутъ молодую и, подойдя къ дверямъ амбара, говорятъ: «вярґись, вяргись, па тонянь рявя» (волкъ, волкъ, на тебѣ овцу), повторяя это до трехъ разъ, послѣ чего толкаютъ молодую въ дверь, гдѣ ее схватываетъ молодой. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ бабы, родственницы молодого, ведутъ къ нему новобрачную *подъ музыку и пѣніе, та первоначально сопротивляется и упирается* ногами въ косяки дверей, но вскорѣ уступается; молодому даютъ кнутъ, которымъ онъ слегка бьетъ жену, приговаривая «слушайся родителей моихъ и меня». Когда они встанутъ, то молодой плетутъ волосы въ двѣ косы и надѣваютъ *шилыгань* (или *шылгань*); въ Оркинѣ же шилыгань, т. е. бабій головной уборъ, молодая (урóва) надѣваетъ лишь черезъ годъ и становится тогда бабой (уряшъ).

Въ старину, какъ разсказываетъ мордва, бывали часто случаи, что ежели невѣста или ея родные не соглашались отдать дѣвушку, то ее брали и вѣнчали силою, причемъ родственники жениха предварительно уговаривались съ священникомъ и, захвативъ гдѣ-либо невѣсту, силой привозили ее въ церковь, гдѣ священникъ, чтобы избѣжать шума и драки, запиралъ двери, какъ только введутъ дѣвушку, и вѣнчалъ ее съ парнемъ, не смотря на мольбу и упорство первой. Случалось, что изъ-за этого между родственниками той и другой стороны завязывались не только драки, но и цѣлыя побоища: разсказываютъ, что однажды въ полѣ, откуда схватили дѣвушку произошла между той и другой сторонами страшная рѣзня серпами (с. Оркино, Сарат. уѣзда) *). Этотъ насильственный

*) Миллеръ говоритъ, что въ Казанской губерніи, въ 1743 г., бѣдные женихи изъ Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ, которые не въ состояніи заплатить *калымъ* за невѣсту, искали способа добыть силою понравившуюся имъ дѣвушку, для чего подговаривали нѣсколько человѣкъ пріятелей, врывались въ домъ, гдѣ

обычай теперь вывелся, но у мордвы Хвалынскаго уѣзда въ большомъ ходу браки *уходомъ* *), совершаемые безъ согласія и вѣдома родителей, что̀ случается большею частью при бѣдности жениха на уплату кладки; въ такихъ случаяхъ мордовка заблаговременно тайкомъ уноситъ свои пожитки къ жениху, который, при первомъ удобномъ случаѣ, увозитъ ее въ церковь; послѣ вѣнчанія новобрачные просятъ прощенія у родителей молодой; мировая оканчивается угощеніемъ.

Обстановка жизни и обряды саратовскихъ нѣмцевъ совершенно своеобразны. При бракахъ колонисты вынесли изъ своей родины слѣдующіе обычаи (Ягодно-Полянская волость, 1880 г., и Скатовка, 1884 года): сынъ, выбравъ себѣ невѣсту, проситъ согласія своихъ родителей; тогда отецъ его, въ качествѣ свата, или вѣсколько друзей его семейства, идутъ къ родителямъ дѣвушки и, послѣ долгихъ переговоровъ, приносятъ отвѣтъ жениху; ежели родители невѣсты согласны, то отъ нихъ берется слово (Rücksprache), и когда все улажено и дѣвушка совсѣмъ усватана, то слѣдуетъ предварительная помолвка (vorläufige Verlobniss) при родителяхъ обѣихъ сторонъ, причемъ женихъ беретъ у невѣсты головной платокъ и отдаетъ его своему отцу, она же получаетъ подарокъ или деньги. Затѣмъ слѣдуетъ открытая помолвка мѣстнымъ духовнымъ лицомъ съ торжественнымъ рукобитьемъ (feierliche Handschlage) при родителяхъ и свидѣтеляхъ. У колонистовъ не принято откладывать на долго свадьбу и обрученные остаются женихомъ и невѣстой не болѣе 3 и 4 недѣль; тогда свадебный приглаеитель (der Hochzeitsbitter) **) начинаетъ объѣздъ (Rundreise) для приглашенія родныхъ и знакомыхъ; онъ несетъ въ знакъ своей должности палку, укра-

---

опа жила, и уводили ее, причемъ вотяки, для большей надежности, тотчасъ же, на дорогѣ, при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, совершали брачное дѣйствіе съ похищенной дѣвушкой.

*) По словамъ Калачова (Архивъ истор.-юридич. свѣдѣній, 1855 г.), мордва въ Инсарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., крещена въ половинѣ XVIII вѣка, т. е. одновременно съ саратовской; мордовскіе браки совершались такъ также *самокрутомъ*—похищеніемъ невѣсты, хотя всегда съ согласія самой дѣвушки и ея матери.

**) *Свадебный приглаеитель* существуетъ въ Баваріи и у чеховъ; а въ Россіи—у латышей.

шенную пестрыми лентами, и въ каждомъ домѣ произноситъ заученную рѣчь, добавляя ее соотвѣтствующими прибаутками и остротами. Къ вѣнцу невѣста идетъ впереди, на головѣ у нея надѣтъ изстари заведенный обычаемъ уборъ (родъ вѣнца) изъ цвѣтовъ, бусъ, разноцвѣтныхъ и блестящихъ украшеній и пестрыхъ лентъ, спускающихся широкимъ пукомъ до половины спины; ее ведутъ два шафера, Brautführer, въ шапкахъ, обшитыхъ лентами; за ней двѣ дѣвушки, Brautjungfern, ведутъ жениха, на которомъ картузъ обшитъ яркими красными или пестрыми лентами, а съ боку его, съ правой стороны, прикрѣплена кокарда изъ лентъ и блестящей фольги, съ непремѣнными тремя павлиными перьями, на груди же у него приколоты длинныя красныя ленты. Пока ведутъ ихъ въ церковь, сопровождающіе ихъ стрѣляютъ изъ ружей. Обрядъ вѣнчанія короткій и несложный: стоятъ обыкновенно нѣсколько паръ, пасторъ прочтетъ молитвы, всѣ присутствующіе въ кирхѣ пропоютъ гимны; пасторъ обмѣняетъ кольца каждой пары и благословитъ молодыхъ. Изъ церкви идутъ уже въ обратномъ порядкѣ: впереди ведутъ молодого, а за нимъ молодую въ знакъ того, что жена должна подчиняться мужу, тогда какъ невѣста имѣла преимущество надъ женихомъ. Послѣ того въ домѣ молодого начинается свадебный пиръ: обѣдъ изъ трехъ перемѣнъ, музыка и танцы. Празднество продолжается дня три; но уже въ первый вечеръ, молодая снимаетъ свой уборъ невѣсты и присутствуетъ на пирахъ слѣдующихъ дней въ обыкновенной одеждѣ. У нѣмцевъ нѣтъ обычая провожать молодыхъ къ ихъ брачному ложу, нѣтъ и другихъ цинническихъ обычаевъ, и ежели дѣвушка окажется не дѣвственницей, то это остается тайной между нею и мужемъ. До введенія общей воинской повинности молодежь женилась въ самомъ раннемъ возрастѣ, но съ тѣхъ поръ рѣдко отдаютъ за не отбывшихъ повинность или не ушедшихъ отъ нея по годамъ; за то изъятые отъ рекрутства по льготамъ, тѣлеснымъ недостаткамъ, или взявшіе дальніе жеребья становятся женихами на расхватъ. Мѣстные пасторы хорошо отзываются о нравственности нѣмецкихъ дѣвушекъ.

Не останавливаясь на извѣстныхъ похоронныхъ и поминальныхъ обрядахъ, приведу только нѣсколько обычаевъ, которые встрѣчаются рѣже въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ дер. Алексѣевкѣ (Широкинскаго прихода, Аткарскаго уѣзда, 1858) принято со старины: послѣ умершаго вывѣшивать на 6 недѣль бѣлый платокъ за окно той избы, гдѣ былъ покойникъ, въ томъ убѣжденіи, что душа умершаго человѣка все это время летаетъ въ домъ плакать о своихъ грѣхахъ и утирается вывѣшеннымъ платкомъ. Въ с. Бѣдняковкѣ (Аткарскаго уѣзда, въ 1860 годахъ), ва сороковой день послѣ смерти человѣка, домашніе дѣлаютъ поминки, созывая родныхъ и знакомыхъ; послѣ панихиды, домашніе берутъ блюдо съ кутьей, идутъ изъ избы съ плачемъ и причитаніями за ворота и обращаясь лицомъ въ ту сторону, гдѣ погостъ (кладбище), кланяются: это называется—*провожать душу*. На поминъ души покойника, болѣе зажиточные крестьяне заказываютъ заупокойный *сорокоустъ*, т. е. 40 обѣденъ. Русскіе крестьяне хоронятъ умершихъ въ новыхъ лаптяхъ; относя гробъ съ покойникомъ на кладбище, оставляютъ носилки на его могилѣ. Въ деревняхъ Ѳедоровкѣ и Ивановкѣ, Полчаниновскаго прихода (Саратовскаго уѣзда, 1885), старуха изъ семьи покойнаго, слѣдуя за гробомъ, несетъ подъ полою курицу, которую по возвращеніи отдаетъ бѣдному семейству; смыслъ этого тотъ, что когда покойникъ будетъ разлагаться, то появятся на трупѣ черви, которыхъ уничтожитъ курица.

Русскія деревенскія кладбища содержатся въ отвратительномъ видѣ: канавы не поновляются, изгородей нѣтъ, кресты ломаются бродящимъ по могиламъ скотомъ, ни одного деревца и кустика; у нѣмецкихъ же колонистовъ, во всѣхъ селеніяхъ, онѣ содержатся въ большомъ порядкѣ: обнесены прочными заборами, могилы обложены дерномъ и расположены правильно, памятники выкрашены и на кладбищахъ всегда зелень и кусты. Когда умретъ колонистъ-нѣмецъ, то старухи обмываютъ его, одѣваютъ въ бѣлую коленкоровую рубашку, черные, изъ бумажной ткани, штаны и бумажные бѣлые чулки; потомъ кладутъ его въ гробъ и ставятъ въ передній уголъ. Въ это время собираются въ домъ нѣмцы, садятся за столъ, поставленный около покойника, и одинъ изъ нихъ читаетъ молитвы, а другіе слушаютъ, затѣмъ всѣ поютъ заунывные стихи. Покойникъ лежитъ въ домѣ три дня и все это время, попеременно, надъ нимъ читаютъ и поютъ, а въ кирхѣ звонятъ въ колокола; на третій день выносятъ тѣло на дворъ, пасторъ или учи-

тель читаетъ молитвы, потомъ несутъ его на могилу, гдѣ и зарываютъ; въ кирхѣ во время выноса безостановочно перезваниваютъ. Послѣ предапія тѣла землѣ, народъ расходится по домамъ и около обѣда кто-либо изъ семейныхъ умершаго ходитъ по роднымъ и приглашаетъ ихъ на обѣдъ. Женщины хоронятъ, одѣвая ихъ въ бѣлыя платья; голову умершей дѣвицы подруги убираютъ цвѣтами, дѣлая изъ нихъ вѣнокъ; потомъ на гробъ кладутъ также вѣнокъ и несутъ къ могилѣ: молодую дѣвицу — молодые ребята, а женщину — женатые колонисты. На могилахъ умершихъ парней и дѣвушекъ кладется вѣнецъ (Krone), сдѣланный изъ разноцвѣтной бумаги: бѣлой, красной, зеленой и голубой, имѣющій форму короны или колпака; эта *крона* такъ и остается на могилѣ, взять ее оттуда — грѣхъ и не хорошо. Въ колоніи Побочной разсказываютъ (1888 г.), что одна женщина не умѣла сдѣлать такой вѣнецъ и взяла его съ кладбища; ночью покойникъ, съ могилы котораго онъ былъ снятъ, пришелъ къ ней и потребовалъ возвращенія его «кроны». Вообще взять что-либо съ кладбища считается большимъ грѣхомъ; нѣкоторыя молодыя женщины и дѣвушки боятся даже рвать ягоды на кладбищахъ, чтобы ночью не пришелъ къ нимъ покойникъ. Стружками отъ подѣлки гроба набиваютъ подушку подъ голову покойнику, остальныя сжигаютъ; пока готовятъ еще гробъ, покойника кладутъ на лавку, подстилая подъ него солому или посыпая лавку пескомъ, послѣ чего солому сжигаютъ въ кучкѣ на дворѣ, а песокъ зарываютъ въ землю.

Во всей Саратовской губерніи чтутся православными извѣстные, установленные церковнымъ обрядомъ, дни для общаго поминанія усопшихъ; называются они *родительскими* и бываютъ нѣсколько разъ въ году. Самая главная «родительская» считается послѣ Пасхи, на Ѳоминой недѣлѣ, во вторникъ: есть повѣрье, что пока отворены царскія врата въ церкви всю пасхальную недѣлю, то души умершихъ освобождаются отъ мукъ, но какъ только затворяются въ воскресенье (на Красную горку), то они опять подвергаются всѣмъ мученіямъ ада, почему эта родительская и признается самой главной въ нашемъ народѣ. Вторая родительская бываетъ въ субботу передъ Троицей; далѣе въ субботу передъ масляницей и въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста.

Каждую «родительскую» прихожане собираются къ обѣднѣ и подаютъ «поминанья»; затѣмъ служится въ церкви общая панихида, причемъ на аналоѣ ставится кутья, а кругомъ на полу, принесенные каждымъ, блины, которые и подаются священнику и причту, а также многими раздаются нищимъ. Теперь на могилахъ поминокъ въ родительскую не бываетъ, а поминаютъ умершихъ дома, съѣдая блины, которые въ эти дни пекутся обязательно въ каждой семьѣ. Подъ именемъ *родителей* поминаются вообще всѣ родные, что сохранилось съ глубокой старины: въ XVII и XVIII столѣтіяхъ «родительскія поминки» дѣлались тоже цѣлыми приходами и завершались пьянствомъ на «родительскихъ кладбищахъ»; теперь послѣднее у русскаго деревенскаго населенія не дѣлается, но въ г. Саратовѣ до сихъ поръ сохранился обычай на главную родительскую, во вторникъ на Ѳоминой, ѣхать и идти изъ города, послѣ обѣдни, на могилы Пятугинскаго кладбища и тамъ служить панихиды. Народу собирается пропасть и всѣ священники изъ Саратова; на могилахъ ставятъ блины, булки или крендели, чашку или стаканъ меду, иные кутью и непремѣнно по одному или парѣ крашеныхъ яицъ; во время панихидъ зажигаютъ восковыя свѣчи, воткнутыя въ могилы или прикрѣпленныя къ блюдцу; все это попы собираютъ потомъ въ телѣги и везутъ къ себѣ домой; міряне, преимущественно женщины, обязательно «вопятъ», плачутъ и расходятся затѣмъ по домамъ. Прежде на этихъ поминкахъ на кладбищѣ пили много вина, но теперь кладбищенское духовенство гонитъ такихъ съ могилъ; съ самоварами, чаемъ и закусками размѣщаются здѣсь многіе.

Малороссы (с. Сокуръ, Сарат. уѣзда) тоже чтутъ родительскіе поминальные дни: на Вознесенье они ходятъ на «могилки» (погостъ), гдѣ приготовляютъ обѣды и служатъ панихиды. Въ этотъ день со всѣхъ окрестныхъ деревень собираются богомольцы съ цѣлью побывать на могилкахъ и помянуть усопшихъ.

Похоронные обряды *мордвы* отличаются полною своеобразностью. Лишь только больной начинаетъ томиться (с. Оркино, Саратов. уѣзда), какъ торопятся перенести его въ передній уголъ, а на столъ или около окна ставятъ чашку съ водой, чтобы душа умершаго, какъ только вылетитъ изъ тѣла, могла омыться въ ней; сказываютъ, что нѣкоторыя бабы «изъ досужихъ» (знахарки и мо-

нашествующія въ селѣ дѣвки) видѣли, какъ колыхалась вода въ этихъ чашкахъ, лишь только умретъ человѣкъ и душа вылетитъ *). Тѣло покойнаго обмываютъ, надѣваютъ чистое бѣлье и обуваютъ въ лапти; къ умершему собираются съ разными съѣстными припасами родственники, знакомые, сосѣди и прежде всего бабы — старухи; плакать по умершимъ считается обязанностію женщинъ; каждая приноситъ съ собою по пирогу (хлѣбу); вошедшая молится Богу, потомъ плачетъ и причитаетъ надъ покойникомъ; плачущую унимаютъ и она послѣ долгихъ увѣщаній, переставъ наконецъ рыдать, отламываетъ кусокъ отъ принесеннаго хлѣба, ѣстъ, и тѣмъ поминаетъ покойника. Такъ дѣлаетъ каждая вошедшая и, какъ только она начнетъ причитать, старшая въ домѣ покойника женщина (въ Хвалынскомъ уѣздѣ, старикъ) беретъ грошъ или трешникъ и, ставъ предъ лицомъ покойника, начинаетъ ножомъ скоблить мѣдь, приговаривая: «вотъ тебѣ деньги, дѣлай на нихъ тамъ все, что̀ хочешь; пойдешь, можетъ, въ бесѣду, на крестины, свадьбу, или еще куда, поворожи за васъ (живыхъ) тамъ и кланяйся тамъ Ивану, Дарьѣ»... и проч., называя всѣхъ родственниковъ. Если умершій былъ самъ знахарь (а въ Оркинѣ ихъ много, особенно между бабами), то просятъ поворожить на томъ свѣтѣ о живыхъ, а также просятъ покойника, чтобы онъ объ этомъ передалъ прежде умершимъ знахарямъ, чтобы они тоже поворожили о живыхъ. — Когда вся родня въ сборѣ, то посылаютъ за священникомъ, который отпѣваетъ покойника. Настаетъ ночь, собравшіяся бабы сидятъ вокругъ по лавкамъ и ведутъ шопотомъ разговоры, преимущественно о покойномъ; нѣкоторые зажиточные мордва приглашаютъ чтецовъ—читать псалтырь. Поздно ночью, нѣсколько бабъ ложатся спать и проснувшись, разсказываютъ сны, какъ кто видѣлъ покойника; по этимъ снамъ судятъ о томъ, въ чемъ онъ

*) У Чуди, когда человѣкъ умираетъ, ставятъ на окошкѣ ковшъ воды, чтобы душа покойника, по выходѣ изъ тѣла могла омыться въ ней; корелы тоже ставятъ для умирающаго на окно чашку съ водой, а на край ея кладутъ лучинку, чтобы было по чемъ душѣ забраться въ чашку. Новгородцы и другіе обитатели озерной области, когда умираетъ человѣкъ, затворяютъ двери и окна, открывая лишь печную отдушину, передъ которой ставятъ ковшъ воды, чтобы душа при вылетѣ въ отдушину—омылась, а чтобы утерлась, то нѣкоторыя бабы вѣшаютъ тутъ же полотенце («Живописн. Россія»).

нуждается, чѣмъ надо поминать его и что подать за него. — Въ былое время, лѣтъ 20 тому назадъ, вмѣстѣ съ покойникомъ клали въ гробъ лепешки, яйца, лапти, кочедыкъ (чѣмъ плетутъ лапти) и даже трубку, такъ какъ по тогдашнему вѣрованію мордвы все это пригодится на томъ свѣтѣ.—Покойника выносятъ въ церковь, а въ домѣ, скамейку, на которой онъ лежалъ, посыпаютъ въ ковцѣ, къ переднему углу, золой и втыкаютъ топоръ или ножъ, чтобы «укрѣпить мѣсто для другихъ», чтобы не умирали (с Оркино, 1880 года); у хвалынской же мордвы для этой цѣли, тамъ гдѣ лежалъ покойникъ, кладутъ топоръ и подушку; соръ съ полу вымстаютъ и вмѣстѣ съ вѣникомъ и щепами оставшимися послѣ подѣлки гроба, вывозятъ за околицу и сваливаютъ гдѣ-либо по близости отъ кладбища при дорогѣ *). По окончаніи погребенія (Хвалынскій уѣздъ) присутствующіе располагаются около могилы умершаго и, въ честь его, начинается общее угощеніе, дѣлаютъ и наверху могилы ямку, кладутъ въ нее куски хлѣба, мяса, льютъ вино и брагу. Возвращаясь съ похоронъ домой, родственники умершаго останавливаются у только-что сваленной кучи сора изъ избы покойнаго, кидаютъ въ нее кусочки съѣстныхъ припасовъ и гроши, послѣ чего кланяются до земли щепамъ. — «Суевѣрный мордвинъ,—говоритъ кн. Ѳ. С. Голицынъ,—указывая такое уваженіе къ покойникамъ и заботясь о томъ, чтобы они были сыты и пьяны на томъ свѣтѣ, чувствуетъ такой страхъ къ вывезенному изъ избы сору, что боится дотронуться до него, и если кому случится нечаянно коснуться щепы, тотъ считаетъ себя несчастнымъ и ждетъ на свою голову всякихъ бѣдъ; въ подобныхъ случаяхъ устраиваются старухами особые *молянья*, для избавленія несчастнаго суевѣра отъ ожидаемой *притки*».

Послѣ похоронъ у мордвы (с. Оркино) дѣлаютъ обѣдъ—поминки, на который собираются всѣ родственники, являющіеся непремѣнно съ своимъ хлѣбомъ, и съ начала каждый поминаетъ принесеннымъ, а потомъ уже собираютъ обѣдъ и поминаютъ хозяйскимъ.— На 3-й, 9-й и 40 й дни тоже поминаютъ умершаго, причемъ всѣ

*) У русскихъ, щепу, оставшуюся отъ подѣлки гроба, сжигаютъ, а стружки кладутъ въ гробъ въ голова покойнику; у нихъ же послѣ выноса тѣла, за гробомъ уносятъ и черепокъ (глиняная лохань), изъ котораго обмывали покойника, и бьютъ его бросая объ землю.

родственники выходятъ на дворъ или на улицу, и здѣсь передъ избой, старшая въ домѣ баба, разломивъ яйцо, бросаетъ его на землю и потомъ скоблитъ ножомъ мѣдный грошъ, поминая всѣхъ умершихъ, какъ своихъ, такъ и пришедшихъ на поминки родственниковъ. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ мордва, на 40-й день смерти, *провожаетъ душу* покойнаго (обычай этотъ мало-по-малу выводится): въ этотъ день родственницы и знакомыя, обыкновенно старухи, приносятъ въ домъ покойнаго разныя *печенья*, ставятъ ихъ на столъ и молятся Богу передъ образами; въ это время хозяйка дома окуриваетъ глиняной ладанницей три раза столъ, на которомъ разставлены кушанья, столько же разъ обводитъ его ножомъ и, нашептывая, прикладываетъ платокъ ко всѣмъ яствамъ. По окончаніи молитвы, начинается угощеніе: сначала съѣдаютъ *принесенное старухами*, а *затѣмъ разставленные хозяйкой мясо*, кашу и прочія яства. Послѣ обѣда, изъ среды присутствующихъ выбираютъ старуху или старика, смотря по тому, кого поминаютъ, изображающихъ изъ себя душу умершаго — *эзе-можай*, сажаютъ на самодѣльное кресло, выносятъ изъ избы и ставятъ среди двора лицомъ къ воротамъ. Всѣ участвующіе падаютъ передъ мнимою душою, не касаясь лицомъ земли, на четверепьки и въ такомъ положеніи остаются до тѣхъ поръ, пока изображающій изъ себя душу умершаго читаетъ молитву, въ которой проситъ Бога, чтобы были деньги, родились лошади, коровы, овцы, свиньи, гуси, курышки (индѣйки), утки и куры, чтобы выходило изъ земли больше ржи, пшеницы, овса, гороха и гречи; по окончаніи этихъ причитаній, сидящій старикъ или старуха вновь считаются простыми смертными; всѣ встаютъ и обращаются къ «пятному», приворотному, столбу, падая передъ нимъ на колѣни, начинаютъ плакать и прощаться съ душою умершаго, которая, по понятіямъ мордвы, уходитъ въ это время по столбу на небо. Затѣмъ всѣ ѣдутъ на кладбище и, вернувшись оттуда въ домъ умершаго, пляшутъ и поютъ, чтобы радостно жилось новому хозяину *).

На родительскую послѣ Пасхи и на Дмитріевъ день Оркинская мордва ходитъ на могилы, куда приносятъ брагу, водку, блины и другую пищу, поминаютъ покойниковъ и служатъ на могилахъ

*) Саратовскій Сборникъ, т. I, «Хвалынскій уѣздъ», князя Ѳ. С. Голицына.

панихиды; на кладбище ходятъ обыкновенно бабы и ребятишки; поплакавъ и помолившись надъ могилой, разстилаютъ кусокъ холста и, выливъ стаканъ водки или браги на могилу, пьютъ потомъ сами и ѣдятъ *). Плакать («вопить») надъ могильнымъ крестомъ во весь голосъ считается обязанностію, а потому во время родительскихъ поминаній на мордовскомъ кладбищѣ стоитъ стонъ отъ бабьяго вопля и рыданій. Часть блиновъ, лепешекъ и прочаго оставляютъ на могилахъ, а нѣкоторые и бѣлье: рубаху, штаны и т. под., причемъ говорятъ: «на вотъ тебѣ одежду, можетъ, тамъ нужно». Все это собираютъ потомъ нищіе, а наряду съ ними и собаки.

Обряды *чувашъ* Саратовской губерніи мнѣ неизвѣстны; приведу лишь доставленное мнѣ А. Н. Никитинымъ, изъ Самарской губерніи, описаніе ихъ обряда *поминовенія умершихъ*:

Въ с. Покровскомъ, Самарской губерніи и уѣзда, имѣніи княгини С. А. Щербатовой, гдѣ поселены чуваши вмѣстѣ съ русскими, въ бытность А. Н. Никитина управляющимъ съ 1853 по 1855 годъ, ему пришлось видѣть, какъ чуваши совершали поминовеніе усопшихъ родныхъ. Осенью, на *Семенъ-день* **) собираются въ домъ умершаго родственники, друзья и сосѣди на *молянъ*, который всегда бываетъ почью, часовъ съ 8 вечера и до утра другого дня. На этотъ молянъ приглашаются музыканты: скрипачъ, балалаечникъ и «пузырникъ» (дудки съ пузыремъ) въ числѣ не менѣе трехъ человѣкъ; хозяинъ дома приготовляетъ обѣдъ, покупаетъ водки и варитъ брагу; къ правому косяку избы, при входѣ, прилѣпляетъ восковыя свѣчи, приготовляемыя самими чувашами съ коноплянымъ (вмѣсто бумажныхъ) фитилями, въ такомъ числѣ, сколько въ этомъ дому онъ можетъ припомнить умершихъ. Часть водки и браги ставится въ посудахъ на коникѣ (при входѣ вправо), здѣсь же кладутъ перину и подушки, въ ведрѣ браги находится ковшъ, а подлѣ водки — рюмка; чуваши дѣлаютъ это для того, что ихъ умершій родственникъ невидимо является къ нимъ на молянъ, садится на коникъ, выпьетъ водки и браги и,

*) Поливаніе могилъ виномъ, оставленіе на нихъ пищи, табаку, одежды и прочаго, и разговоры съ покойникомъ, у мордвы Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, упоминаетъ Н. В. Калачовъ въ «Архивѣ», 1855.

**) *Семенъ день* (пр. Симеона Столпника), 1 сентября, у чувашъ—праздникъ поминовенія усопшихъ.

лежа на перинѣ, смотритъ какъ идетъ молянъ.—Собравшіеся родственники и пріятели начинаютъ молянъ пляскою подъ музыку, попарно, прежде мужчины, потомъ женщины. На столѣ приготовлено кушанье, водка и брага, а по срединѣ стола горитъ восковая свѣча, особо приготовленная съ конопляннымъ фитилемъ, длиною около двухъ аршинъ, толще обыкновенной пяти-копѣечной, и сложенная въ кружокъ (спиралью); ее поправляютъ по мѣрѣ горѣнія до окончанія моляна. — Въ избѣ находится любимая покойникомъ собака: ежели она вспрыгнетъ на столъ и схватитъ какое-либо кушанье, преимущественно блинъ, то чуваши хлопаютъ руками. По окончаніи моляна каждая пара должна сдѣлать другъ другу низкій поклонъ, послѣ чего выходитъ другая пара и исполняетъ тоже.—Утромъ слѣдующаго дня хозяинъ дома, приготовивъ лучшее кушанье, запрягаетъ въ рыдванъ пару лошадей, кладетъ перину, подушки, водку и брагу, а женщины садятся по наклескамъ рыдвана, впереди ихъ верховой изъ молодыхъ ребятъ, и отправляются на «мазарки» (кладбище), гдѣ приготовлены временные столы: перину и подушки кладутъ на могилу и женщины начинаютъ плакать, «вопить», причитая по-чувашски. Въ могилу льютъ водки, кладутъ табакъ для умершаго, а къ нею (вмѣсто креста на могилѣ) прилѣпляютъ восковыя свѣчи на приготовленное для того на пнѣ мѣсто и вбиваютъ мѣдную монету (грошъ, въ тогдашнее время) — умершему на табакъ. Во время пиршества на мазаркахъ происходятъ скачки, верхомъ на лошадяхъ: скачутъ молодые ребята, по одному отъ каждаго умершаго, на извѣстное разстояніе отъ конца мазарокъ — въ полѣ; кто во время скачки упадетъ съ лошади, тотъ непремѣнно «вилитъ» (умретъ) въ этомъ году; къ упавшему тотчасъ со всѣхъ мазарокъ собираются и плачутъ, преимущественно родные, считая его уже приговореннымъ къ смерти, и самъ упавшій парень падаетъ духомъ.

Молянъ на «Семенъ-день» собирается ежегодно по всему селу у тѣхъ чувашъ, у которыхъ кто-либо умеръ изъ семьи въ этомъ году, и считается праздникомъ *поминовенія* усопшихъ. Чуваши бываютъ въ посторгѣ, если кто изъ постороннихъ приходитъ на ихъ молянъ, и считали за честь, когда г. Никитинъ заходилъ къ нимъ въ этотъ праздникъ.

Чтобы довершить характеристику народныхъ понятій и повѣрій, приведу еще нѣкоторыя черты религіозныхъ заблужденій мѣстнаго населенія по архивнымъ свидѣтельствамъ и разсказамъ очевидцевъ.

Расколъ уже давно свилъ себѣ гнѣздо по Хопру и Медвѣдицѣ; въ Тамбовской Арх. комиссіи (журн. 18 августа 1886) имѣется изъ Московскаго главнаго Архива отписка 7194 г. (1685) тамбовскаго воеводы Нарышкина о раскольникахъ, пріѣзжающихъ съ Дона. Изъ нея видно, что помѣщенные въ Тамбовѣ и тамбовскихъ крѣпостяхъ по Хопру, поставленныхъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, стрѣльцы, казаки и всякихъ чиновъ служилые люди стали бѣгать на Хоперъ, Медвѣдицу и другія «запольныя» рѣчки; къ нимъ стали уходить крестьяне и бобыли изъ дворцовыхъ слободъ, селъ и деревень. Затѣмъ въ Тамбовъ и тамбовскій уѣздъ стали пріѣзжать съ Дона и Хопра воровски, тайно, всякихъ чиновъ люди и съ рѣки Медвѣдицы раскольники, «совращая и подговаривая многихъ крестьянъ, женъ отъ мужей и дѣвокъ покидать свои тяглые жеребья и бѣжать въ ихъ казачьи городки на Хопрѣ, Медвѣдицѣ и иныхъ запольныхъ рѣчкахъ», уводятъ лошадей и крадутъ оружіе, такъ что край по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ наполнился людьми и въ городкахъ, считавшихъ еще недавно по 15 и 20 человѣкъ, теперь 200 и 300 человѣкъ и «женскаго полу много». До этого тамъ не сѣяли хлѣба, а возили его изъ русскихъ городовъ и «кормились звѣрьми и рыбою», въ настоящее же время, они, казаки, завели пашню и къ нимъ бѣгутъ дворцовые, помѣщиковы, вотчинные и монастырскіе крестьяне, бобыли и боярскіе холопы. «Въ этихъ Хопровскихъ и Медвѣдицкихъ городкахъ много *раскольниковъ* и отступниковъ отъ православной вѣры, не поклоняющіеся иконамъ». Съ тѣхъ поръ вѣроятно ведется расколъ и въ Саратовскомъ краѣ.

Въ Аткарскомъ уѣздѣ много разныхъ сектъ. Болѣе всего распространены старообрядцы и молокане. Послѣдніе двухъ толковъ: *Воскресники* и *Субботники* (іудействующіе); изъ старообрядческихъ сектъ болѣе распространены въ уѣздѣ *Было-поповская* и *Поморская*. Раскольники не курятъ и не нюхаютъ табаку и терпѣть не могутъ, когда при нихъ употребляютъ это «дьявольское зелье»; поморцы выбриваютъ себѣ макушки. Кромѣ того въ уѣздѣ есть *Прыгуны, Хлысты* и другіе толки, болѣе малочисленные, чѣмъ пер-

вые, но превосходящіе ихъ нелѣпостью своихъ ученій и обычаевъ. Примѣромъ того, до какого изступленія могло доходить подобное сектантство, укажу на происшествіе въ селѣ Львово-Копёны (Аткар. уѣзда) на рѣкѣ Медвѣдицѣ. Въ 1820 годахъ явились туда двое, какъ полагаютъ, бѣглыхъ изъ Сибири каторжниковъ и стали проповѣдовать на текстъ Евангелія: «аще кто хощетъ душу свою соблюсти, погубитъ ю»; они толковали, что нужно погубить себя, чтобы спасти душу. Эти изувѣры успѣли до того фанатизировать народъ, что многіе соглашались добровольно на лишевіе жизни. Въ выходѣ изъ овина, другіе говорятъ—въ погребѣ, была устроена плаха и, изступленные проповѣдью, фанатики давали рубить себѣ головы; ужаснѣе всего, что родители приносили на плаху дѣтей; такимъ образомъ отрублено было до 40 головъ взрослыхъ и младенцевъ. Въ одномъ изъ овиновъ изувѣры хотѣли предаться самосожженію: туда набралась масса людей, но одной молодой женщинѣ стало жаль своего младенца, котораго принесла съ собою на сожженіе; она насильно вырвалась отъ фанатиковъ и бросилась въ селеніе, гдѣ объявила народу; когда сбѣжались, то овинъ, обложенный соломой, былъ уже зажженъ и надо было силой выгонять изступленную толпу изъ пламени. Одинъ изъ проповѣдниковъ, по павшему на него жеребью, былъ срубленъ на плахѣ своимъ товарищемъ; преданіе говоритъ, что послѣдній, когда удалялся отъ Копенъ, дѣлался слѣпъ, а когда шелъ назадъ, то прозрѣвалъ, такъ что онъ не могъ отойдти отъ Копенъ и былъ схваченъ въ этомъ селеніи. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ протоіерей В. Д. Турковскій и переписка должна храниться въ Пензенской консисторіи, куда въ то время принадлежалъ епархіей Аткарскій уѣздъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права число послѣдователей разныхъ сектъ увеличилось; такъ въ Ахтубѣ (с. Малой Дмитріевкѣ), Радушной, Киселевкѣ и другихъ бывшихъ барскихъ селеніяхъ появилась въ значительныхъ размѣрахъ хлыстовщина въ самыхъ безобразныхъ формахъ. Приведу здѣсь нѣсколько документовъ, которые прошли черезъ мои руки, какъ лица должностного.

— При рапортѣ Мало-Дмитріевскаго волостнаго правленія, я получилъ актъ отъ 8 апрѣля 1868 г., составленный волостнымъ старшиною Паськовымъ, священникомъ Леонидовымъ, старостой, сотникомъ и понятыми, въ томъ, что: «солдатка, проживающая въ

с. Малой-Дмитріевкѣ (Ахтуба тожъ), Марья Васильева, по мужѣ Кафтайсова, явясь въ волостное правленіе, добровольно и чистосердечно объявила, въ присутствіи всѣхъ вышеписанныхъ лицъ, что она, назадъ тому мѣсяца три, какъ начала ходить для слушанія пѣнія и чтенія собиравшихся крестьянъ и крестьянокъ с. Малой-Дмитріевки. Въ теченіи этого времени ничего противнаго и никакого богохульства не замѣчала, а наконецъ на шестой недѣлѣ великаго поста сего 1868 г., но какого числа, не упомнитъ, поздно вечеромъ было собраніе нижеписанныхъ крестьянъ, а именно: Ѳедоръ Суковъ съ женою, Григорій Рябковъ съ женою, Савелій Филимоненковъ съ женою, Петръ Лазовой съ женою и дочерью, Тимоеей Лазовой (малороссы), и сверхъ того еще было на собраніи молодыхъ женщинъ и дѣвокъ человѣкъ десять и, можетъ, болѣе, въ томъ числѣ и она, Кафтайсова, въ домѣ вышеупомянутаго крестьянина Григорія Рябкова. Когда они всѣ собрались въ домъ для слушанія божественныхъ стиховъ, сѣли по лавкамъ, то изъ числа ихъ, бывшій на собраніи, Ѳедоръ Суковъ, вышелъ на средину избы, началъ кружиться по всей избѣ; покружившись, сталъ на одномъ мѣстѣ, а крестьяне Рябковъ, Филимоненковъ, Лазовой выходили каждый съ своею женою на средину избы, кланялись Сукову въ ноги, цѣловались между собой, а также цѣловали его, Сукова; а послѣ ихъ и всѣ бывшіе на собраніи подходили къ Сукову и кланялись ему въ ноги, потомъ цѣловали его; по примѣру ихъ и она, Кафтайсова, тоже самое исполнила. Когда это кончилось, всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ, Ѳедоръ же Суковъ сталъ на средину избы; привели къ нему теленка, поставили поперекъ избы, Суковъ взялъ нитку, привязалъ за хвостъ теленку, самъ сѣлъ на полъ и началъ тащить теленка за привязанную нитку, а между тѣмъ теленокъ мычалъ; по окончаніи сего, нитку отвязали и отвели его въ свое мѣсто. Суковъ взялъ съ полки икону преподобнаго Митрофанія, обвязалъ оную этой ниткой и положилъ подъ столъ. Черезъ нѣсколько времени вынулъ изъ-подъ стола икону и началъ совать всѣмъ сидящимъ на лавкѣ мужчинамъ между ногъ; окончивши это, началъ за привязанную нитку таскать икону по полу; протащилъ взадъ и впередъ раза три и бросилъ оную къ порогу дверей, потомъ положилъ на нее ухватья и кочерги, а самъ отошелъ на средину избы и началъ кружиться; покружившись на срединѣ, пошелъ

къ двери, взялъ икону св. Митрофанія, выставилъ впередъ правую ногу и положилъ икону на ногу внизъ лицомъ, а самъ началъ со всѣми сидящими на лавкахъ припѣвать какіе-то неизвѣстные канты; послѣ того взялъ икону съ ноги и бросилъ подъ столъ, а самъ Суковъ началъ кружиться вокругъ сидящихъ на собраніи зрителей. Когда это кончилъ, взялъ икону изъ-подъ стола, поставилъ на полку въ свое мѣсто, а самъ началъ также кружиться по избѣ; покружившись, *покатился* по всѣмъ сидящимъ зрителямъ, которыхъ онъ называлъ: мои братья и сестры; потомъ послѣ этого приклонился изъ числа всѣхъ сидящихъ къ Савелію Филимоненкову и Тимоѳею Лазовому и затрясся, какъ будто-бы отъ какой-либо болѣзни и вытянулся среди избы на полу. Полежавши нѣсколько времени, всталъ и началъ пѣть; окончивъ пѣніе, поклонился всѣмъ сидящимъ съ произнесеніемъ словъ: «простите меня, братія и сестры», а они ему въ отвѣтъ сказали: «отецъ тебя прощаетъ и мы тебя прощаемъ». Потомъ начали пѣть божественный стихъ: нынѣ отпущаеши раба твоего»... и т. д. Послѣ пѣнія поцѣловали всѣ Сукова и поклонились ему въ ноги, потомъ вторично его цѣловали и сказали ему: «прости насъ», а онъ имъ отвѣчалъ: «отецъ васъ прощаетъ и я васъ прощаю». Тѣмъ самымъ всѣ ихъ моленія кончились; но для чего ставилъ Суковъ теленка и тащилъ за привязанную къ хвосту нитку, а также для чего онъ накладывалъ на икону преподобнаго Митрофанія ухваты и кочерги, таскалъ ее взадъ и впередъ по полу и клалъ на ногу, того Марья Кафтайсова не знаетъ и Суковъ этого никому изъ зрителей не объявилъ; но солдатка Кафтайсова, видя такое безобразіе и богохульство, не желая болѣе въ это собраніе ходить, по возвращеніи своемъ изъ безумнаго собранія, тотчасъ объявила родному отцу своему Василію Чепенкову и потомъ заявила въ волостномъ правленіи о всемъ происходившемъ; нашу же православную вѣру, вышесказанные участники въ собраніи называютъ окаянной, а святыя иконы— болванами». Слѣдуютъ подписи.

— Января 18-го 1874 года явился ко мнѣ, какъ къ мѣстному мировому судьѣ, крестьянинъ д. Киселевки (Алексѣевка тожъ), Колѣнской волости, Аткарскаго уѣзда, Егоръ Филипповъ Бушкинъ, женатый, отъ роду болѣе 30 л., и заявилъ, что онъ чистосердечно хочетъ сказать мнѣ о *хлыстахъ*, которые завелись у нихъ въ Ки-

селевкѣ, уже года съ четыре: «много, — говорилъ онъ, — разныхъ вѣръ и моленій, а ужъ какое это моленіе, такъ просто безобразіе».

Я записалъ слова Бушкина: «Я уже всѣмъ заявилъ,—началъ онъ,—и старостѣ, и священнику о томъ, какъ они совращали меня въ свою вѣру и что у нихъ дѣлается. Ищутъ хлысты своего бога; богъ у нихъ *Кузьма Семенычъ*; какой онъ такой, этого никто изъ насъ не знаетъ, должно—идолъ какой. По осени прошлаго 1873 г. былъ у насъ въ Киселевкѣ Канабѣевскій овчинникъ, что живетъ въ Ахтубѣ, Потапъ Ивановъ; онъ — хлыстовскій попъ; заходитъ онъ къ отцу моему и говоритъ намъ, чтобы обратились въ настоящую вѣру; мы ему отвѣчаемъ, что нельзя, молъ, видѣть, какъ вы молитесь, къ вамъ и за 20 саженъ не подойдешь, вездѣ сторожатъ. Потапъ Ивановъ уговаривалъ насъ обратиться по слуху, поговѣть три дня: «въ теченіи которыхъ ни чего не ѣшь, и я *напущу духъ* на тощій желудокъ, а на сытый онъ не пойдетъ, за это я прощу долгъ пять рублей». Спустя нѣкоторое время, Потапъ спрашиваетъ отца: «*скоблился-ли* ты три дня, или *принесъ рубанокъ*?» отецъ отвѣчаетъ: «Рубанокъ принести могу.»—«Не то,—говоритъ попъ,—это значитъ: очистился-ли ты говѣньемъ?» Отецъ сказалъ ему на это: «началъ, да брюхо стало болѣть, я и поѣлъ». Сталъ Потапъ уговаривать насъ идти въ хижину ко вдовѣ Аннѣ Звѣрковой, что на задахъ живетъ; мы спрашиваемъ: «какія, молъ, дѣла у васъ тамъ дѣлаются?» Тотъ говоритъ: «придешь — поцалуй Анну вдовую, потомъ въ ноги ей поклонись и дѣвокъ всѣхъ перецалуй». Пришли, поцаловались съ Анной, ей въ ноги поклонились и она тоже, потомъ всѣ стали цаловаться и давай всѣ въ землю кланяться, какъ попало. Аннушка крѣпко меня за ребра схватила, раза два, потомъ пѣть стали Богъ знаетъ что, все Бога Саваоѳа сначала поминали, а потомъ невѣсть что запѣли. — Въ другой разъ къ брату Анны Звѣрковой ходили, Никитѣ Юдину; тамъ пошло представленіе и вдругъ на меня *дрёма* напала: что за пропасть—ни съ того ни съ сего, остальныхъ тоже дремота одолѣла, они полѣзли на полати и мнѣ тоже захотѣлось, да словно что не пускаетъ, сижу на мѣстѣ. Подремали мы, стали потомъ пѣть. Пришла Дуня; ихъ двѣ у нихъ Дунькн, обѣ дѣвки молодыя, красивыя; эта—Авдотья Герасимова Мокарцева, у нихъ *пророчица*, живетъ она у вдовой Аннушки Звѣрковой, дѣвка здоровая и очень

красивая, лѣтъ 20 съ небольшимъ; нейдетъ она замужъ, а охотники на нее есть; не слыхать у насъ, чтобы она распутничала, но больно вѣрой занялась. Вотъ эта-то пророчица Дуня пришла въ избу къ Юдину и начала ходить по хатѣ; сняла коты (башмаки), чтобы легче ноженькамъ ея было; взяла утиральникъ и все ходитъ; ходила, ходила и говоритъ Аннѣ Звѣрковой: «прости меня!» Та ей отвѣчаетъ: «ежели Кузьма Семенычъ (это ихъ-то Христосъ или богъ) прощаетъ, то и я прощаю», потомъ хлёстъ объ полъ, тоже повторили и другіе, такъ все собраніе и все на Кузьму Семеныча ссылались, въ ноги кланялись; послѣ того всѣ стали ходить по избѣ. Дуня подошла ко мнѣ, положила руку на мою голову и говоритъ: «самъ тутъ, а *мѣньіе* (т. е. духъ-то) дома, иди на мой слѣдъ». Потомъ Дуня дюже шибко стала ходить и говорить по небесному, ломается, юбку поднимаетъ, кругитъ, грызетъ ее зубами; сѣла на корачки, вертится и оглядывается по полу, словно что ищетъ; встала и поставила Родіона (Звѣркова) съ кумой парой рядомъ и покрыла ихъ утиральникомъ, а Ѳедосью съ Ѳеклой, тоже рядомъ, другой парой, и покрыла ихъ платочкомъ; прошлась и говоритъ Ѳедосьѣ съ Ѳеклой: «вы не достойны этого дѣла»; сорвала съ нихъ платочекъ и забросила, сняла и утиральникъ; они всѣ врозь руками сучить и мотать стали: кто къ верху, кто впередъ, даже до мокраго поту, а Родіонъ все себя руками по груди сучитъ, да какъ хляснется объ полъ и ну кататься и коверкаться, до неприличности открылся при всѣхъ; бился, бился опъ и упалъ безъ памяти. Нашелъ и на меня *духъ*: разслабъ я весь, а все руками хлопаю и кричу: «эхъ! эхъ! эхъ!»... А бабы все руками машутъ. Пророчица Дуня шибко по избѣ ходитъ. Я, молъ, говорю: «что это такое?» А та все твердитъ: «дѣла божіи, дѣла божіи!» Явилась у меня тутъ сильная похоть; Дунька бросилась задомъ ко мнѣ на колѣни, дрыгаетъ, прыгаетъ на мнѣ, ломается, теребитъ; перекипется, обойметъ, схватитъ за волосы; крѣпко обнялъ я ее, такъ и стиснулъ и только твержу: «душенька, миленькая моя»! Да такъ вцѣпился въ пес, не пускаю. Грѣха однако между нами не было. Слѣзла и отошла, глядитъ на меня. Я опять захлопалъ руками, кричу: «миленькая, Дуня, иди ко мнѣ!» та опять ко мнѣ на колѣни, такъ и смотритъ мнѣ въ глаза, обняла и давай крѣпко, крѣпко цаловать, я даже память потерялъ;

она опять слѣзла, отошла. Опомнился я: «что, молъ, это такое дѣлается?» А Звѣркова говоритъ мнѣ: «дѣла божіи, дѣла божіи!» Собрались мы еще какъ-то; представленіе было тоже, гляжу, а Дунька сѣла къ тому калекѣ, что въ Киселевкѣ на палкахъ и на корачкахъ ходитъ, отцу другой Дуньки, тоже красивой дѣвки; но у него она не такъ вертѣлась и ломалась, какъ у меня на колѣняхъ. Тутъ у меня въ глазахъ помутило, навожденіе было: огонь горитъ, а мнѣ кажется, что потухъ и темно; сталъ я тутъ отмахиваться: «отойди, отойди», говорю; ну прошло, смотрю — свѣтло; опомнился, сталъ креститься. Вижу я, что это вовсе не христіанская вѣра, а нечистая; говорятъ — молятся, а развѣ тутъ молитва, больше плотское навожденіе—дьяволу служатъ. Мучили они меня такъ до осени, совсѣмъ отъ дѣла отбился. Бросилъ я теперь эту хлыстовщину и готовъ все доказать суду.—Трудно только подстеречь ихъ: на гумнахъ и задахъ дворовъ свои представленія дѣлаютъ и зорко сторожатъ во время своихъ собраній, никого не подпустятъ. Эти представленія они называютъ молитвой, а какой— просто нечистому поклоняются; мы-де, говорятъ, не хлысты, а *христы*; а развѣ тутъ есть что Христово, просто напіе нечистаго. Въ Киселевкѣ больше собираются у Никиты Юдина; бываютъ многіе, пріѣзжаютъ и странніе; были какъ-то двое въ военной одеждѣ, говорятъ, молъ, что жандармы съ Кавказа. Когда Никита Звѣрковъ не бываетъ, то его *духъ* бываетъ на собраніи. Попъ Канабѣевскій Потапъ Ивановъ пріѣзжаетъ изъ Ахтубы (с. Малая Дмитріевка). Звали меня на главное собраніе, куда собираются *хлысты*, въ д. Радушную къ Ѳедору Чекрышеву, да я не поѣхалъ» *).

Бушкинъ простоватъ и изъ словъ его видно, что онъ сильно вѣритъ въ дьявольское навожденіе при обрядахъ описанной имъ секты. Онъ кончилъ свой разсказъ, обратясь ко мнѣ съ просьбой: «не вели ты сѣчь Дуньку, а вели насильно замужъ выдать; одинъ молодой парень больно на нее охотится, да она говоритъ: ежели

*) Въ Трудахъ Рязанской Архивной комиссіи 1887 г. № 5, изъ дѣлъ Зарайскаго уѣзднаго суда и Рязанской уголовной палаты 1837 г., А. В. Селивановъ приводитъ интересныя свѣдѣнія *о хлыстовской* ереси въ с. Каринѣ, Зарайскаго уѣзда, въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ.

бы вышла, то только по своей вѣрѣ». Онъ былъ правъ: мѣстнымъ властямъ подсторожить хлыстовъ не удалось.

— Въ 1887 году крестьяне срединной полосы Саратовскаго уѣзда стали говорить, что не у однихъ русскихъ, но и у нѣмцевъ завелись *кулугуры* (раскольники). Въ концѣ того же года сообщили мнѣ, что очень много изъ колоніи Побочной «ушло въ расколъ», охватившій и другую колонію той же Ягодно-Полянской волости— Скатовку. Я поручилъ своему письмоводителю М. А. Волкову, бывшему нѣмецкому старшинѣ Ф. К. Штраубу и волостному писарю Г. Г. Шнейдеру разузнать на мѣстѣ, по возможности лично проникнуть въ собранія сектантовъ и доставить мнѣ вѣрныя свѣдѣнія о нѣмецкомъ расколѣ. Добытыя ими данныя привожу здѣсь дословно. По словамъ бывшаго волостнаго старшины Ф. К. Штрауба, къ нѣмцамъ-колонистамъ с. Скатовки занесена въ 1886 году секта *штундистовъ* изъ колоніи Побочной Егоромъ Егоровымъ Кайлемъ и имѣетъ здѣсь къ 1888 году послѣдователей до 40 человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ жила въ Побочномъ старая нѣмка, уроженка Камышинскаго уѣзда, которая первая начала проповѣдывать штунду въ с. Побочномъ. Секта эта, по словамъ Штрауба, не отличается отъ лютеранской вѣры; штундисты— горячіе поклонники церкви и гораздо прилежнѣе ходятъ въ нее, чѣмъ остальные колонисты; они не пропускаютъ ни одной обѣдни и первыми приходятъ къ богослуженію. Пообѣдавъ по окончаніи обѣдни, они собираются къ одному изъ домохозяевъ, читаютъ молитвы и поютъ священныя пѣсни; книги ихъ тѣже, что употребляются при церковной службѣ. Моленія ихъ происходятъ какъ днемъ, такъ и вечеромъ не позже 10 часовъ, затѣмъ всѣ выходятъ разомъ изъ того дома, гдѣ совершалось ихъ собраніе; при моленіи участвуютъ, какъ мужчины, такъ и женщины и дѣвицы, допускаются и посторонніе; послѣднихъ штундисты даже сами приглашаютъ на свои молитвы, отвлекая тѣмъ, въ праздничное время, отъ пьянства и гульбы. Въ собраніяхъ они всѣ равны и называютъ другъ друга братьями, никакихъ безобразій и безчинствъ не допускается. Какъ только въ домѣ соберется нѣсколько человѣкъ, одинъ изъ нихъ начинаетъ читать молитвы, а затѣмъ всѣ поютъ священныя пѣсни. Вино и разныя увеселенія строго запрещаются у штундистовъ; ни одного изъ нихъ не дозовешься въ гости, гдѣ

играетъ музыка и пьютъ вино; штундистъ не пойдетъ на свадьбу даже къ родному брату лютеранину, ежели у него пируютъ и есть музыканты. Свадьбы штундистовъ безъ всякихъ увеселеній и музыки; они довольствуются однимъ обѣдомъ, при которомъ читаютъ священныя молитвы. Секта эта, при своемъ распространеніи, могла бы уменьшить пьянство и разгулъ; она никѣмъ не преслѣдуется и мѣстный пасторъ Шиллингъ совѣтуетъ имъ только не собираться на молитвы въ разныхъ домахъ, а обратиться въ консисторію съ просьбой о разрѣшеніи имѣть одинъ опредѣленный для молитвы домъ. Недавно былъ случай перехода штундиста въ секту *баптистовъ*: лѣтомъ 1887 г. молодой парень Ѳедоръ Шнейдеръ (взятый въ ноябрѣ того же года въ рекруты) ѣздилъ въ Саратовъ къ одному старшему изъ секты баптистовъ—Гусману, тотъ водилъ его съ другимъ парнемъ, изъ Побочной Руди, на Волгу и тамъ крестилъ, для чего ввелъ ихъ въ воду въ бѣлыхъ сорочкахъ, читалъ молитвы, послѣ чего они окунали головы въ рѣку. Баптисты допускаютъ крещеніе въ возрастѣ не моложе 15 лѣтъ.

Г. Г. Шнейдеръ такъ передавалъ дознанное имъ чрезъ разспросы достовѣрныхъ лицъ и виднное имъ самимъ въ *братскихъ* собраніяхъ, куда онъ ходилъ нѣсколько разъ. «Въ Ягодно-Полянской волости появилась религіозная секта такъ называемыхъ *братьевъ* и *сестеръ* или *штундистовъ*, занесенная сюда изъ нѣмецкихъ колоній Камышинскаго уѣзда, гдѣ она существовала уже лѣтъ 30 тому назадъ *). Туда явилось въ то время двое книготорговцевъ, разносчиковъ книгъ священнаго писанія, изъ колоній Бессараб-

*) Религіозное ученіе Штунды (Stunde) впервые появилось въ концѣ XVII столѣтія въ Германіи, гдѣ его распространялъ пасторъ Филиппъ Яковъ Шпенеръ, образуя кружки «братьевъ христіанъ». Штунда не имѣла ничего сектаторскаго, а лишь сближала христіанъ въ болѣе тѣсный кружокъ и быстро расширялась, въ особенности въ Виртембергѣ, откуда ученіе это занесено въ Россію въ 1817 году и гнѣздомъ ея была колонія Рорбахъ въ Одесскомъ уѣздѣ, пасторъ которой Бонекемпферъ въ продолженіи 24 лѣтъ энергично распространялъ необходимость учрежденія «братьевъ друзей божіихъ». Штунда укрѣпилась на берегахъ Чернаго моря, проникла въ сосѣднія губерніи и захватила не только нѣмецкія колоніи, но и русскія селенія. По свѣдѣніямъ «Церковнаго Вѣстника», 1883, № 37, она существуетъ теперь въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской, Кіевской, Бессарабской, Полтавской, Подольской, Волынской, Минской, Черниговской, Орловской, Могилевской, на Кавказѣ, въ Закавказскомъ краѣ и даже въ Москвѣ.

ской губерніи и начали распространять новое ученіе, которое впрочемъ ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ лютеранскаго исповѣданія. Впослѣдствіи нѣкоторые руководители секты стали дополнять новое ученіе сообразно съ своими понятіями и все болѣе и болѣе отклонялись отъ церкви. Вслѣдствіе ежедневнаго чтенія они скоро достигли значительнаго знанія священнаго писанія, но толковали его по своему, почему между ними и передовыми не-сектантами ладу не было, и вмѣсто того, чтобы наконецъ согласиться между собою, они расходились все болѣе и болѣе и наконецъ дошли до положительной вражды. Такъ какъ сектантовъ было еще мало, то общества, по соглашенію съ пасторами, начали преслѣдовать расколъ, наказывая розгами тѣхъ, кто не желалъ отказаться отъ «братства». Результатомъ преслѣдованія и розогъ было не искорененіе секты, а напротивъ—увеличеніе и усиленіе ея: *братья* признавали себя мучениками, страдальцами за святую вѣру, какъ первые христіане отъ іудеевъ и язычниковъ. Преслѣдованіе продолжалось два-три года, потомъ оставили сектантовъ въ покоѣ и они продолжали размножаться; но скоро между ними возникли значительныя разногласія и они раздѣлились на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая считала себя лучшей, презирая другія. Были *умѣренные*, оставшіеся при первомъ ученіи, ходившіе въ церковь на общественное богослуженіе, а по вечерамъ и въ праздничные дни по полудни собиравшіеся въ извѣстный домъ, лѣтомъ же на дворѣ, для религіозныхъ бесѣдъ и пѣнія; при этомъ обыкновенно читали главу изъ священнаго писанія и болѣе развитые изъ нихъ толковали прочитанное. За умѣренными слѣдуютъ *танцоры* (Tänzer): они на общественное богослуженіе уже не ходили, собирались у кого-нибудь на дому, гдѣ, послѣ чтенія главы изъ священнаго писанія и короткаго толкованія, начинали пѣть религіозныя пѣсни, подбирая такія, которыя содержаніемъ оправдывали бы ихъ убѣжденіе, что «христіанинъ всегда долженъ быть радостнымъ, памятуя, что онъ спасенъ и искупленъ Христомъ, а слѣдовательно ему грѣшно быть печальнымъ, даже въ самомъ затруднительномъ положеніи». Пѣли они очень скоро, подъ тонъ народныхъ пѣсенъ, при чемъ хлопали руками, топали ногами и наконецъ, вскочивъ, схватывались за руки и начинали плясать *кружкомъ* отъ 10 до 15 человѣкъ. Самое боль-

шое значеніе они придавали взаимной любви, почему установили цаловаться при каждой встрѣчѣ въ собраніяхъ, а нѣкоторые соблюдали это и на улицѣ; послѣднее послужило поводомъ къ расколу въ этой сектѣ: скоро менѣе красивыя сестры замѣтили, что братья охотнѣе и нѣжнѣе цалуютъ красивыхъ и молодыхъ сестеръ; послѣдовалъ раздѣлъ этой группы—одна часть прекратила цалованіе, другая же продолжала. Далѣе слѣдуютъ *перекрещенцы*, не признававшіе своего крещенія и вообще крещенія младенцевъ, считая его неправильнымъ, такъ какъ въ священномъ писаніи нѣтъ примѣра, чтобы въ первое время христіане крестили дѣтей; при томъ лютеранское крещеніе они признаютъ неполнымъ, такъ какъ младенца окропляютъ только водою, между тѣмъ какъ крещаемаго, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ опускать въ воду всѣмъ тѣломъ. Эти перекрещенцы въ то же время и танцоры, и, въ дополненіе пѣнія при танцахъ, ввели музыку, такъ какъ танцовать и въ то же время пѣть веселыя пѣсни оказалось труднымъ. Сначала танцовали *кружкомъ*, а затѣмъ начали попарно — мужчина съ женщиной, какъ въ обыкновенныхъ танцахъ. Въ этой сектѣ за послѣднее время тоже замѣчается упадокъ.

«Братьевъ и сестеръ Ягодно-Полянской волости до сихъ поръ можно считать *умѣренными*; *танцоровъ* вовсе нѣтъ, а *перекрещенцевъ* пока всего двое: одинъ скатовскій, а другой — побочинскій. Всѣ сектанты Ягодно-Полянской волости очень усердно посѣщаютъ общественное богослуженіе въ церкви, послѣ чего собираются въ частномъ дому, гдѣ ведутъ поучительныя бесѣды, читаютъ по главѣ изъ библіи или Евангелія, толкуютъ прочитанное и поютъ церковныя пѣсни, хорошимъ и стройнымъ напѣвомъ; но танцевъ у нихъ нѣтъ. Въ прошлую зиму, въ здѣшней сектѣ повторялось нѣсколько разъ замѣчательное явленіе, которое ставило въ тупикъ не только постороннихъ, но и самихъ братьевъ и сестеръ: нѣкоторыя молодыя дѣвушки, ходившія въ штунду, до такой степени восхищались своимъ воображаемымъ положительнымъ спасеніемъ и увѣренностью въ своей святости, что отъ восторга волновались до истощенія силъ и падали въ собраніяхъ, во время молитвы, на полъ, шепча какія-то несвязныя слова о небесномъ раѣ; большею же частью, какъ передаютъ очевидцы, слова этихъ *восхищенныхъ* относились къ предметамъ или личностямъ изъ не-

сектантской среды; такъ напримѣръ они говорили: «вижу дерево, пастора, шульмейстера», или кого другого: «дерево хорошее, зеленое» или «дерево это съ одной стороны повяло, дерево сухое» и т. д. Явленіе это лѣтъ двадцать тому назадъ было замѣчено въ колоніи Усть-Кулалинкѣ (Галка тожъ, на Волгѣ, Камышинскаго уѣзда), въ другихъ же селеніяхъ ничего подобнаго не было, хотя во всѣхъ много сектантовъ того же толка. Теперь этого не слыхать.

«Ягодно-Полянскимъ сектантамъ-братьямъ вѣроятно скоро также предстоитъ раздѣлиться вслѣдствіе возникшаго разногласія двухъ передовыхъ братьевъ—Штеркена и Лагница: первый не желаетъ допустить, чтобы женщины-сестры произносили молитву въ собраніи, говоря, что по ученію Апостоловъ этого не должно быть, а послѣдній находитъ, что если Духъ Святой внушаетъ сестрѣ молитву, то она должна произносить таковую гдѣ бы то ни было, дома или въ собраніи». (Доставлено въ январѣ 1888 года).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.—Краткій этнографическій очеркъ.—Народности, населяющія Саратовскую губернію: русскіе; малороссы; нѣмцы; инородцы—мордва, чуваши, мещера, цыгане. Мѣстности, занимаемыя каждымъ изъ племенъ (стр. 1—3). Типы, жилье, одежда у русскихъ (3—8), малороссовъ (8), мордвы (9—10), нѣмцевъ (11—12).

Народныя повѣрья.—Колдуны (стр. 13—16). Колдуны—разбойничьи атаманы (17—18). Малорусскіе чаровники (18—19). Знахари и знахарки (19—20). Проклятые, лѣшіе (20—21). Русалки (21—22). Домовой, хозяинъ (22—23). Огненный змѣй (23—24). Оборотни и вѣдьмы у русскихъ и малороссовъ (24—28). Суевѣрія мордвы (28—29).

Преданья о кладахъ и разбойникахъ. —Клады и разрывъ-трава, «спрыгъ», «Петровъ-крестъ» (стр. 29—31). Разрываніе кладовъ въ пещерахъ и оврагахъ (31). Разбойничьи клады (32). Преданія о Кудеяровой горѣ и самомъ разбойникѣ Кудеярѣ (33—37). Буданова гора (37). Курганъ Стеньки Разина; «Тюрьма» или «Дурманъ» (38—39). Уракова гора (39—40). Курганы, «мары», «могилы» въ разныхъ мѣстностяхъ Саратовскаго края: Кладоуша, Дорошиха, Дѣвичьи горы, Высокая могила, Мамаевъ яръ, Тарасова могила, Перезданская могила, Царскія могильницы, Быкъ-гора, Улановъ оврагъ (40—43). Змѣй—хранитель клада; Змѣевыя горы (43—45)

Ворожба и гаданье. Повѣрья. Народное леченье.—Гаданье на наукѣ, на углѣ, на вяхелѣ, башмачкомъ и др. (стр. 45—46); повѣрья объ огнѣ, о сѣменахъ для посѣва (46); гаданья у мордвы (46—47). Ворожеи и гадальщицы (47). Вѣра въ предзнаменованія; примѣты; заговариванье зубовъ, клоповъ, крысъ, мышей и пр. (47—49). Порча, приворотныя зелья и корень; примѣты по крику птицъ,—перейти путь и пр. (49—50). Средство противъ засухи—бросить въ воду или оврагъ онойцу (50). Средство противъ смертности дѣтей—«встрѣчные крестные»; «прикалыванье» дѣтскихъ болѣзней; предохраненіе ребенка отъ вѣдуна или отъ болѣзни у мордвы (50—52). «Грамотка отъ лихорадки» (52—54). Суевѣрныя средства отъ болѣзней и скотскаго падежа—у русскихъ, нѣмцевъ, мордвы (54—57).

Апокрифическія сказанія и рукописи (стр. 57).—Сказаніе объ Адамѣ (58—60). Сонъ Богородицы—рукописный (60—62), какъ заговоръ (62—63), какъ стихъ, имѣющій также значеніе охраны (63—65); варіантъ рукописи (65—67). Свитокъ Іерусалимскій (67—69). Сказаніе о мукахъ (69—70). Видѣніе ап. Павла, въ пересказѣ (70—72). Списокъ

дней, добрыхъ и злыхъ (72). Слово отъ хожденія пр. Богородицы (тоже «Сказаніе о мукахъ», въ варіантѣ) и пр. (72—75). «Двѣнадцать пятницевъ годовые» (75—76). Псальмы (76). Историческія справки о степени образованія духовенства въ старину (77—80). Пѣсня страннаго нищаго (80).

Заговоры.—Мужчины на женщину, чтобы тосковала о немъ и не могла безъ него жить;—на примиреніе мужа съ женой;—о томъ, чтобы мужъ не билъ свою жену (стр. 80—82). Заговоры о пчелахъ (82—84). Заговоры противъ стрѣлъ, ядеръ и пушекъ (84—85). Молитвы: отъ лихихъ враговъ; отъ напасти; отъ грыжи; отъ лихорадки; Кресту, Богу-Отцу; по имя Господне; отъ винпаго запойства; аще кто возненавидитъ, мужъ жену или жена мужа; отъ падежа скота и лошадей и отъ сѣденія звѣрёй; отъ зубной боли (85—88).

Праздничные обычаи, обряды и пѣсни.—Новый годъ, пѣсня «таусень» (стр. 88—90). Рождественскіе обычаи у русскихъ и мордвы; мордовская коляда (90—93); Рождественскіе обычаи и пѣсни у малороссовъ (93—99); у нѣмцевъ (99—100). Масляница (100). Весенніе праздники и обычаи; великій постъ и пасха у русскихъ и малороссовъ (100—102). Преполовенье, Вознесенье, Троицынъ день—обычаи и пѣсни; кумовство между женщинами (102—105). Русальское воскресенье; Иванъ Купала у русскихъ и малороссовъ (105—107). *Десятая пятница*; Первый Спасъ; Спожинки; Спаса Преображеніе; день св. Флора и Лавра; Иванъ Постный; Рождество Богородицы; Воздвиженіе (107—109). Мордовскіе обычаи на Покровъ, ссыпчины (109—110). Дмитрова суббота; осеннія вечерницы у малороссовъ; Козьма и Демьянъ (110—111). Мѣстные праздники — престолъ (111). Посты (111—112). Мордовскіе моляны (112—114).

Свадебные обряды.—У русскихъ: смотрины, «осмотръ уголковъ», запой, свадьба. Продажа невѣстиной косы и пр. (стр. 115—120). Свадьба у малороссовъ (120—124). Свадебные обычаи у мордвы; браки «уходомъ» (124—129). Свадебные обычаи у нѣмцевъ (129—130).

Похоронные обычаи. У русскихъ и нѣмцевъ; кладбища русскія и нѣмецкія (стр. 131—132). Поминовенье умершихъ; «родительскія» у русскихъ и малороссовъ (132—133). Похоронные обычаи мордвы (133—137). Обычаи чувашъ (137—138).

Секты у русскихъ и нѣмцевъ (стр. 139—150).

Библиографический список трудов А. Н. Минха по этнографии и фольклору Саратовского края

Аткарский уезд//Сарат. губ. вед. — 1880. — № 58, 60, 63, 69, 75, 94, 111, 117. — Перепечат. в «Сарат. сборнике». — Саратов, 1881. — Т. 1. — С. 65—176.

Кладбища в Саратове//Сарат. губ. вед. — 1881. — № 203, 205.

Саратовский уезд: I. Пограничные местности в Петровском уезде. II. Ягодно-Полянская волость//Сарат. сборник: Материалы для изучения Сарат. губ./Изд. Сарат. стат. ком. — Саратов, 1882. — Т. 11. — С. 203—327.

Легендарные урочища волжского побережья в пределах Саратовского края//Сарат. листок. — 1888. — № 258.

Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861—1888 годах//Записки Импер. Рус. Геогр. Общ. по отделению этнографии. — Т. XIX. — Вып. 11.

Отд. оттиск. — СПб., 1890. — 8°. — 11—152 с.

Этнографический очерк народностей, населяющих Саратовскую губернию//Адрес-календарь Саратовской губернии на 1891 год. — С. 8—17.

Предания об основании городов Саратовской губернии//Сарат. листок. — 1891. — № 53.

Легенды о Кудеяре в Саратовской губернии//Там же. — 1891. — № 99; 1894. — № 151.

Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии//Этногр. обозр.— 1892. — № 4. — С. 116—128.

Репей в народных обрядах и песнях//Там же. — 1893. — № 2.— С. 191—192.

Снохачество и снохачи//Труды Сарат. ученой арх. комиссии. — 1903. — Вып. 23. — С. 31—34.

Быт духовенства Саратовского края XVIII и в начале XIX столетия//Там же. — 1908. — Вып. 24. — С. 55—73.

Описание села Оркина Саратовского уезда//Мордовский сборник, составленный А. А. Шахматовым (Изд. Императ. Акад. Наук. — СПб., 1910. — С. 681—720.

Список подготовила Т. Н. Молева.
При составлении списка был использован указатель С. Д. Соколова «Саратовцы писатели и ученые» *.

---

* См.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1916. — Вып. 33. — С. 264—268.

Александр Николаевич Минх

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ, ПРЕДРАССУДКИ
И ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

СОБРАНЫ В 1861—1888 ГОДАХ

Художник Е. И. Бочаров
Редактор Т. Н. Молева

Сдано в набор 10.08.94 г. Подписано к печати 4.10.94 г. Формат 70×
×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,54. Тираж 2000. Заказ 572. 4068

ГП «Полиграфист». 410730, Саратов, пр. Кирова, 27.